

X 9 (с 18)
K-97

Библиотека историка

Л. Р. Кызласов

История
Южной Сибири
в средние
века

Библиотека историка

Л. Р. Кызласов

**История
Южной Сибири
в средние
века**

1000
8-807

Библиотека историка

Л. Р. Кызласов

История Южной Сибири в средние века

646183

Москва
Высшая школа • 1984

ЦРБ

Районная б-ка
с. Мильково

ИМБ. № 19459

ББК 63. 3(0)4(2Р57)

К 97

Рецензенты:

кафедра археологии Кемеровского государственного университета (зав. кафедрой проф. *А. И. Мартынов*);
академик *А. П. Окладников*

Рекомендовано к изданию
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР

Кызласов Л. Р.

К 97 История Южной Сибири в средние века. Учеб.
пособие для студ. вузов.—М.: Высш. шк., 1984. 167 с.
(Библиотека историка). —

30 к.

В учебном пособии собран и систематизирован огромный материал по истории Южной Сибири в средние века, рассматриваются вопросы политической истории, социально-экономического развития и культурной жизни населения древнехакасского государства, существовавшего на территории Южной Сибири в VI—XIII вв.

К 0505010000—361 38—84
001(01)—84

ББК63:3(0)4(2Р57)
9(М)1

© Издательство «Высшая школа», 1984

ВВЕДЕНИЕ

В средние века на обширных просторах Южной Сибири и на окружающих землях, которые мы теперь называем Западной и Восточной Сибирью, Восточным Казахстаном и Центральной Азией (современные Монголия и Джунгария), располагались давно исчезнувшие самобытные аборигенные государства. Их границы, как и границы других средневековых держав, были неустойчивыми. Наибольший след в истории Южной Сибири и Центральной Азии оставили: Тюркский каганат (VI — VIII вв.), каганат древних уйгуров (VIII—IX вв.), государство кимаков (IX—XI вв.) и древнемонгольская империя (XIII—XIV вв.). История становления и расцвета, величия и гибели одного из крупных, особенно устойчивых и жизнеспособных государств — феодального древнехакасского государства (VI—XIII вв.), судьбы которого переплетены с судьбами многих племен Сибири, Средней и Центральной Азии, определила как хронологические, так и территориальные рамки предлагаемой читателям книги.

Древнехакасское государство, центральные земли которого размещались в Южной Сибири, являлось наиболее северным оплотом средневековой цивилизации на Азиатском материке. Сам факт его существования вызывал удивление у некоторых образованных современников, обитавших в более благоприятных для жизни человека природных зонах. По их представлениям, эта страна со своеобразной и высокой культурой существовала на далеком Севере, там, где кончается земля и начинается море мрака и царство вечной стужи. Сведения об этом государстве проникали как в южные, так и в отдаленные страны Востока и Запада.

Не только в Китае, Тибете и государстве киданей Ляо были осведомлены об этом государстве, его знали в Центральной и Средней Азии, в Иране и на Кавказе и далее на Западе вплоть до Испании. Средневековые

авторы, писавшие на китайском, тибетском, арабском, персидском, греческом и тюркских языках, распространяли сведения о хакасах (кыргызах), об их государственном строе, обычаях и достижениях культуры.

К примеру, о них писали такие авторы, как Менандр Протектор (VI в.) из Константинополя, Йолуг-тегин (VIII в.) с Орхона, Ибн Хордадбех (IX в.) из Багдада, Махмуд ал-Кашгари (XI в.) из Кашгара, Шараф Марвази (XII в.) из Мерва, Гардизи (XI в.) и Рашид-ад-дин (XIV в.) из Ирана, Низами Гянджеви (XII в.) из Азербайджана, ал-Идриси, живший в Испании в г. Сеуте и написавший свою книгу в городе Палермо на острове Сицилия.

В свою очередь, в эпитафиях древнехакасской знати, высеченных в VIII—XII вв. на каменных плитах на Енисее, встречаются сведения о том, что древнехакасские люди отправлялись посланниками к тибетскому хану (в Тибет), к Кара-хану (очевидно, в государство караканидов в Восточный Туркестан и Среднюю Азию), в тюркешское государство (в Семиречье), в уйгурскую землю (современная Монголия) или ездили учиться в государство киданей Ляо (Табгач), центром которого являлась современная Маньчжурия.

Древнехакасское государство даже идеализировали. Так, например, великий азербайджанский поэт Низами Гянджеви в своей поэме «Искендер-наме» описал город — «подобие рая» и благословенную «страну Хирхиз» в верховьях Енисея, придав ей черты утопического государства всеобщего благоденствия, равенства, братства и счастья. Хотя на Енисее никогда «золотого века» не было, но это ли не подлинное свидетельство славы древнехакасского государства в далеких странах?

Вероятно, восхождение к общему первоисточнику делает утопию Низами такой близкой к представлениям его далекого современника исландского ученого и поэта Снорри Стурлусона (1179—1241).

С. Стурлусон разделяет мир на три части: Африку, Европу и Азию. Автор с большим знанием реального мира, но близко к духу Низами описывает Азию: «С севера на восток и до самого юга тянется часть, называемая Азией. В этой части мира все красиво и пышно, там владения земных плодов, золото и драгоценные камни. Там находится и середина земли. И потому, что сама земля там во всем прекраснее и лучше, люди, ее насе-

ляющие, тоже выделяются всеми дарованиями: мудростью и силой, красотой и всевозможными знаниями. Вблизи середины земли был построен град, снискавший величайшую славу»¹.

Интерес к «средние земли», к Азии проявлялся в цивилизованном мире и в последующие времена. Известны европейские путешественники XIII—XV вв., ездившие в Центральную и Среднюю Азию, в Китай и Индию (Плано Карпини, Вильгельм Рубрук, Марко Поло, Джованни Монтекорвино, Журден де Северак, Афанасий Никитин и др.).

Менее известны сообщения о Сибири. Достаточно правдивы сведения побывавших там с торговыми целями мусульманских купцов. Опираясь на их рассказы, географ ал-Омари, живший в первой половине XIV в., в Египте, писал: «В землях Сибирских и Чулымских (т. е. в Причумые. — Л. К.) сильная стужа; снег не покидает их в продолжение 6 месяцев. Он не перестает падать на их горы, дома и земли. Вследствие этого у них очень мало скота. Это обитатели сердца Севера...» Далее ал-Омари был поражен неожиданным для него видом аборигенов: «Несмотря на стесненную жизнь... нет... красивее их телом и лучше их по белизне. Фигуры их совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести; глаза у них голубые». Эти данные совпадают со сведениями современника ал-Омари, жившего в далекой Индии, ученого Бадр ад-Дина, составившего словарь на персидском языке. В помещенной там статье об «области Хирхиз» сказано: «Люди там ловкие, красивые и красавицы»².

В Причумые и на Енисее европеоидными голубоглазыми людьми могли быть в то время только потомки древних хакасов (кыргызов). Такими их описывали в более раннее время араб Ибн Мукаффа (VIII в.), перс Гардизи (XI в.) и китайская хроника Синь Таншу (XI в.).

Описание могущества сибирской природы приводится одним из талантливых русских ученых-самородков

---

¹ *Кызласов Л. Р.* Низами о древнехакасском государстве.— *СА*, 1968, № 4; *Младшая Эдда*. Л., 1970, с. 10.

² *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, т. 1, с. 238; *Баевский С. И.* Географические названия в ранних персидских толковых словарях (XI—XV вв.).— *Страны и народы Востока*. М., 1980, вып. XXII, с. 88.

С. У. Ремезовым (1642—1720). В своем труде «О грани и межах всей Сибири» он писал: «Земля хлебородна, овощна и скотна, опричь меду и винограду ни в чем скудно. Паче всех частей света исполнена пространством и драгими зверьми бесценными. И торги, привозы и отвозы преволны. Рек великих и средних, затоков и озер неизчетно, рыб изобильно, множественно и ловитвенно. Руд, золота и серебра, меди, олова и свинцу, булату, стали, красного железа и укладу и простова и всяких красок на шелки, и камней цветных много...»³

Настоящий труд почти целиком основан на известных автору письменных источниках, собранных в течение многих лет. Они составлены в различных странах и на разных языках: арабском, персидском, греческом, древнетюркском, согдийском; древнеуйгурском, тибетском, сирийском, маньчжурском, китайском, древнемонгольском и др. Но самыми важными являются памятники енисейской руноподобной письменности — местной письменности аборигенного населения Южной Сибири, применявшейся с конца VII до XIV в. В период драматических событий, разыгравшихся в Южной Сибири во время завоевательных походов армий древнемонгольских феодалов, эта письменность была утрачена и забыта. Только высеченные на каменных плитах и скалах надгробные эпитафии, победные, культовые и межевые надписи, да вырезанные на отдельных металлических предметах имена их владельцев помогают восстановить некоторые события и подробности прошлой общественной жизни.

* * *

Автор выражает глубокую благодарность коллективу профессоров и преподавателей кафедры археологии МГУ (заведующий кафедрой — член-корреспондент АН СССР В. Л. Янин), содействовавшему созданию книги.

---

³ Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов. М., 1965, с. 139.

Глава I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

1. Динлины, гяньгуни (кыргызы) и гунны

Историческое развитие населения Хакасско-Минусинской котловины протекало в благоприятных условиях умеренного континентального климата среди небольших хорошо прогреваемых солнцем засушливых степей, окруженных горным поясом девственной тайги. Процесс разложения первобытно-общинного строя, формирования классов и зарождения государства растянулся здесь на продолжительное время. Однако уже в тагарскую эпоху (VII—III вв. до н. э.) классовое образование протекало достаточно интенсивно. Этому способствовало то, что к развитому земледельческо-скотоводческому хозяйству приенисейских племен бронзового века в раннем железном веке прибавилось продуктивное ирригационное земледелие. В тагарское время земледелие начинает оттеснять скотоводство на второй план, тем более что частые военные столкновения позволяли получать скот от соседей путем насильственного захвата. При этом угонялся не только скот соседних племен, но и военнопленные. Развивается патриархальное рабство.

Ирригационное земледелие, требовавшее сооружения и поддержания сети оросительных каналов, плотин и дамб, а также регулирования забора и распределения воды, способствовало процессу социального расслоения и образования классов. Если культуры пшеницы, ячменя и проса древнее население Хакасско-Минусинской котловины получило извне (по-видимому, вместе с притоком населения с запада еще в афанасьевское время — в III тысячелетии до н. э.), то развитие местных форм земледелия вообще и орошаемого земледелия в частности протекало на основе накопления в III—II тысячелетиях до н. э. собственного опыта выращивания злаков в

южносибирских географических и исторических условиях. Этот длительный самобытный процесс не может быть объяснен только южными заимствованиями. В I тысячелетии до н. э. Хакасско-Минусинская котловина представляла собой уникальный для северной части Азии центр продуктивного ирригационного земледелия.

В тагарскую эпоху, очевидно, уже выделилось первое самостоятельное ремесло — металлургия, основанная на развитом горном деле, поставлявшем не только руды цветных и благородных металлов, как это было в эпоху бронзы, но и железную руду. Все это привело к оснащению качественным оружием воинов-общинников и к постепенному выделению и обособлению военной знати — новой общественной группы богатых воинов.

Исследуя тагарские курганы IV—III вв. до н. э., в которых находят по 100—140 погребенных воинов, их жен и детей, С. В. Киселев еще в 30-е годы пришел к выводу, что в это время на Енисее появились большие территориальные дружины — военные братства, живущие «войной против всех без различия кровной связи».

Выделение племенных верхов от соплеменников наглядно проявилось в IV—III вв. до н. э., когда наряду с коллективными могилами организованного по территориальному принципу рядового населения во многих местах стали сооружаться огромные усыпальницы знати — высокие земляные пирамиды, обнесенные просторными каменными оградами из многотонных обломков скал.

Особенно впечатляющими архитектурными сооружениями являются огромные царские курганы Салбыкской котловины. Из этой заповедной долины выводила особая ритуальная дорога духов. Она начиналась в центре котловины и вела прямо в сторону солнечного восхода через гряду холмов, увенчанную величественными каменными воротами из двух огромных плитчатых скал, вертикально вкопанных в землю. По старинным верованиям некоторых народов Сибири, души умерших расходились по двум дорогам. Вход в нижний мир находился в стороне заката солнца, а в верхний небесный мир дорога уходила в сторону солнечного восхода. Именно в верхний мир вела церемониальная дорога, устроенная для душ умерших тагарских вождей.

Раскопки самого большого из Салбыкских курганов, произведенные С. В. Киселевым, показали, что гигант-

ский (первоначально до 25—30 м высотой) погребальный мавзолей был сооружен ради захоронения в нем одного старца. В этой гробнице, созданной в результате колоссального труда большого количества людей, могли похоронить только самого могущественного человека — царя, возглавлявшего тагарский союз разнородных племен, населявших степи и горную тайгу Хакасско-Минусинской котловины. Курган, к сожалению, был ограблен. От пышного погребального инвентаря до нас почти ничего не дошло. Интересна лишь одна важная находка — округлый каменный жернов вращающейся ручной мельницы¹. Появление ручной мельницы связано с расширением посевных площадей в эпоху ирригационного земледелия и делает несомненным применение пахотных орудий типа сохи и плуга с использованием тягловой силы быков и коней. В связи с этим нельзя не вспомнить известное положение К. Маркса о том, что «ручная мельница дает... общество с сюзереном во главе...»².

Несомненно, что общественные отношения в тагарскую эпоху были более сложными и развитыми, чем это представлялось до раскопок больших курганов. Все известные материалы свидетельствуют, что тагарский территориальный союз в IV—III вв. до н. э. создал раннеклассовое самобытное государство среднеенисейских племен. Этот далеко зашедший процесс вызревания собственного государства тагарских племен был прерван нашествием гуннских полчищ, нахлынувших на Южную Сибирь из центральноазиатских степей. Государство у тагарцев-динлинов в Хакасско-Минусинской котловине не успело окрепнуть. Хроники древнего Китая называли его «Динлин го» — «государство Динлин».

* * *

Первое известное письменное свидетельство, касающееся населения территории Южной Сибири и северо-западной части Центральной Азии, относится к концу

---

¹ См.: Киселев С. В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленума ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 года. М. — Л., 1956; Дэвлет М. А. Большой Салбыкский курган — могила племенного вождя. — В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1976, вып. 21; Киселев С. В. Разложение рода и феодализм на Енисее. — ИГАИМК. Л., 1933, вып. 65, с. 24.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 133.

III в. до н. э. В «Исторических записках» китайского историографа Сыма Цяня рассказывается о том, что вступивший в 209 г. до н. э. на престол державы центральноазиатских гуннов (сюнну) шаньюй Маодунь с успехом вел завоевательные походы, расширяя границы своего государства. На востоке оно граничило с Кореей, а на западе достигло современного Синьцзяна. В источнике сказано: «При Маодуне сюнну небывало усилились, покорили всех северных варваров, а на юге образовали государство, равное по силе Срединному государству» (т. е. Китаю. — Л. К.). Около 201 г. до н. э. Маодунь «покорил на севере владения хуньюев, цюйшэ, динлинов, гэгуней и синьли, все знатные люди и сановники сюнну подчинились ему и стали считать шаньюя Маодуня мудрым»³.

В чем же проявилась мудрость создателя первого мощного государства центральноазиатских степных скотоводов и земледельцев? Неужели в том, что Маодунь сразу после тяжелых боев с сильными восточными и западными врагами (дунху и юэчжами), отвоевав у ханьцев Ордос и восстановив древние южные границы гуннов с Китаем, бросил войска на далекий Север, чтобы завоевать чуждые для гуннов горные области Саяно-Алтайского нагорья, части современной Северной Монголии и Западного Забайкалья? Для чего ему понадобилось проливать кровь лучших гуннских воинов в войне с сильными военными союзами уюкцев Тувы, пазырыкцев Алтая, тагарцев Хакасско-Минусинской котловины и лесостепной полосы от реки Томи до озера Байкал и людей культуры «плиточных могил» Монголии и Забайкалья? Как выясняется, Маодунь вынужден был предпринять большой поход против далеких северных племен. Археологические данные показывают, что гунны сразу после завоевания северных территорий предприняли разработку железных, медных и иных месторождений рудных ископаемых⁴. Для снабжения рудокопов глиняной посудой гунны строили гончарные печи, ныне обнаруженные на юге Горного Алтая. Обломки гуннских сосудов найдены в карьерах древних рудников в Туве.

³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, т. 1, с. 50; Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. М., 1968, вып. 1, с. 39, 41.

⁴ См.: Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979, с. 79—84.

Эти обстоятельства указывают на экономические причины гуннского завоевания районов Саяно-Алтайского нагорья и Южного Забайкалья, чрезвычайно богатых месторождениями железа, меди, золота, олова. Иволгинское городище и поселение Дурёны были поселениями металлургов, литейщиков, кузнецов и прочих мастеров, снабжавших гуннское государство необходимыми предметами вооружения, орудиями труда и быта. Ведь исконные земли гуннов в равнинах Ордоса, в пустыне Гоби и степях современной Монголии (где они обитали до завоевания северных горных районов в конце III в. до н. э.) лишены рудных месторождений. Вот причина того, что сформировавшаяся в конце III в. до н. э. мощная гуннская армия, захватив всю Центральную Азию, около 201 г. до н. э. ринулась на завоевание северных районов, богатых полезными ископаемыми. Мудрость шаньюя Маодуня и его советников состояла, очевидно, в том, что для борьбы с ханским Китаем и другими врагами гуннам нужны были не только спокойные северные тылы, но прежде всего постоянная горно-рудная, металлургическая и ремесленная база для снабжения своих войск предметами вооружения и походного снаряжения. Именно тогда в Центральной Азии было создано большинство гуннских ремесленно-хлебопашеских поселений и городков. В настоящее время известно свыше 10 гуннских городков, укрепленных глинобитными стенами, валами, рвами и палисадами, и свыше 20 неукрепленных ремесленно-земледельческих поселений. Гуннские городища найдены археологами и к югу от Гоби на территории Ордоса⁵. Все больше появляется материальных свидетельств о том, что гунны вели комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, развивая при этом горное дело, металлургию и другие ремесла.

Еще недавно, полагаясь на сознательно искажающий действительность штамп ранней китайской историографии о том, что варвары-гунны «в поисках воды и травы переходят с места на место, и хотя у них нет городов, обнесенных внутренними и наружными стенами, нет по-

---

⁵ См.: *Майдар Д.* Три карты городов и поселений Монголии. Улан-Батор, 1970; *Давыдова А. В.* К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сиюну.— КСИА. М., 1978, вып. 154; *Васильев К.* Археологические исследования во Внутренней Монголии.— ВДИ, 1959, № 3.

стоянного местожительства и они не занимаются обработкой полей, тем не менее каждый тоже имеет выделенный участок земли»⁶, многие ученые считали гуннов (сюнну) образцом «чистых» кочевников. Однако новые археологические материалы и внимательное исследование тех же ханьских письменных источников показали, что не только гунны, но уже их предки издревле строили укрепленные города⁷.

Письменные источники неоднократно сообщают о земледелии у гуннов. Это было известно еще по старым переводам ханьских источников, опубликованным Н. Я. Бичуриным в середине прошлого века⁸. В. С. Таскин, взявший на себя огромный труд нового перевода источников по истории гуннов, пришел к выводу, что, «по свидетельству источников, наличие земледелия у сюнну бесспорно». По археологическим данным, гунны для пахоты применяли плуги с чугунными лемехами⁹. Очевидно, что одна часть гуннского населения жила оседло, занимаясь строительством, горным делом, ремеслом, земледелием, пастушеским и придомным скотоводством молочного направления. Разводили главным образом крупный рогатый скот и свиней. В скотоводческом хозяйстве другой части гуннов преобладало табунное коневодство. Древней летней столицей гуннов был город Лунчэн (город императора), а зимней — Дайлин. В «Исторических записках» сообщается: «В 5-й луне съезжаются на большое собрание в Лунчэне, где приносят жертвы предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам. Осенью, когда лошади откормлены, съезжаются на большое собрание в Дайлине, где подсчитывают и проверяют количество людей и домашнего скота»¹⁰. Далее говорится о построенном гуннами городе Чжао-

---

⁶ Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. М., 1968, вып. 1, с. 34.

⁷ «Ицзюйские жуны стали строить для защиты города, укрепленные внутренними и внешними стенами, но (царство) Цинь постепенно захватывало их. При Хуй-ване было взято двадцать пять ицзюйских городов» (Таскин В. С. Указ. соч., с. 37).

⁸ См.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 76, 83, 106.

⁹ См.: Таскин В. С. Материалы по истории сюнну, вып. 1, с. 91; его же. Материалы по истории сюнну. М., 1973, вып. 2, с. 22–24, 30, 57, 103, 137; Давыдова А. В., Шилов В. П. К вопросу о земледелии у гуннов.— ВДИ, 1953, № 2.

¹⁰ Таскин В. С. Материалы по истории сюнну, вып. 1, с. 40, 79, 81, 91, 165.

синьчэн у горы Тяньяньшань (южная оконечность Хангайского хребта). В этом укрепленном стенами городе находились центральные склады, в которых хранились сюннские запасы зерна. В других источниках сообщается не только о столичном городе Лунчэне, но и о том, что гуннские государи-шаньюи строили молельни и даже дворцы¹¹. Например, шаньюй Чжичжи имел дворец в крепости, которую он построил в Семиречье. Описание этого города позволяет представить характер гуннского фортификационного искусства: шаньюй «посылал народ на возведение городской стены, каждый день работало по 500 человек, которые закончили постройку в два года». И далее: «Перед земляной стеной имелся двойной деревянный частокол...» В другом месте сказано, что этот город был защищен «пятью рядами укреплений»¹².

Из данных некоторых хроник можно заключить, что столица государства гуннов Лунчэн находилась на юге их земель, возможно вблизи Ордоса, ограниченного излучиной Хуанхэ. Такой вывод можно сделать из заявления южного шаньюя Туньтухэ в 88 г. и. э.: «Я уже приказал всем кочевьям готовить воинов и лошадей, чтобы в девятой луне во время жертвоприношений в Лунчэне все собрались на берегу Хуанхэ»¹³.

Но существовала еще одна столица — административный и политический центр северных гуннов, город Бэйтин. О нем упоминается в «Истории Поздней Ханьской династии»: «Указом разрешается южному шаньюю поселиться в Юньчжуне, отстоящем от Бэйтина на расстоянии 3000 ли». Или: «В 1-й год «Чжан-хэ» сяньби вторглись в Цзоди (по-видимому, левобережные земли. — Л. К.), напали на северных сянну и наголову их разгромили. В Бэйтине наступил хаос»¹⁴. По данным историка Лян Юань-дуна¹⁵, название Бэйтина (Север-

---

¹¹ См.: *Таскин В. С.* Материалы по истории сянну, вып. 1, с. 91, 165; вып. 2, с. 22, 23, 70, 73, 83, 112, 137.

¹² Там же, с. 126, 128, 129, 131, 164.

¹³ Там же, с. 83. О том же говорит факт отступления на юг из Гоби полководца Ли Лина «по старой дороге в Лунчэн» (с. 112).

¹⁴ По Н. В. Кюнэру: «Бэйтин — резиденция ханов Хунну и Тукюе у горы Цзухэ» (цит. по: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1953, т. III, с. 133).

¹⁵ См.: *Лян Юань-дун.* Си Ляоши (История западного Ляо). 1-е изд. Шанхай, 1934; 2-е изд. Пекин, 1955 (на кит. яз.).

ная ставка)¹⁶ образовалось от слияния слов Бэй сюнну (северные сюнну. — Л. К.) и Шаньюй тин (Ставка шаньюя. — Л. К.). Из «Сюнну чжуань» видно, что название Шаньюй тин иногда заменялось на Лунтин (Ставка императора. — Л. К.). В эпоху расцвета гуннского государства шаньюя по положению приравнивали к императору.

Названия городов, в которых обитали в древности гунны (сюнну), часто упоминались в киданьских источниках династии Ляо. О первом походе императора Тайцзу в 20-х годах X в. на реке Орхон сообщается, что им были взяты «уйгурский город (т. е. Орду-Балык. — Л. К.) и город Шаньюйчэн»¹⁷. В «Истории Ляо» есть такая фраза: «В первый год «Кай-тай» (1012 г. — Л. К.) военачальник племени шиле Айдиди убил своего цзедуши и бежал на запад в город Волудо, который в древности носил название «Лунтин шаньюйчэн». Вскоре выразило непокорность племя цзубу. Они окружили Ту-юя в Кэдуньчэне. Натиск был очень сильный. Ту-юй приказал всему войску стрелять и отогнал их. Расквартировался в Волудо». Судя по этой записи, Волудо в XI в. находился на месте столицы северных гуннов — «шаньюева города Лунтина» (он же Бэйтин), вблизи киданьского города Хэдуньчэна. В «Истории Ляо» говорится: «Хэдуньчэн — собственно уйгурский город Хотунь (т. е. Хатун-Балык — резиденция супруги уйгурского кагана. — Л. К.), ошибочно названный Хэдуном»¹⁸. Хатун-Балык располагался в 15 км к югу от столицы — ставки уйгурских каганов города Орду-Балыка в верховьях реки Орхона. На месте его кидани построили Хэдуньчэн, а керенты и монголы — Каракорум (Хэлиньчэн). Исходя из этих данных, город Бэйтин (иначе Лунтин или Шаньюйчэн) также находился в долине Орхона. Следовательно, гунны были первыми хозяевами Центральной Азии,

---

¹⁶ Не следует путать с городом Бэйтин — Бишбалыком в Восточном Туркестане.

¹⁷ *Малаякин А. Г.* Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974, с. 65. По Таншу, там же в конце 40-х годов VII в. было учреждено «шаньюево наместническое правление» (*Бичурин Н. Я.* Указ. соч., т. 1, с. 264).

¹⁸ *Лян Юань-дун.* Си Ляо ши. Пекин, 1955, с. 20; ср.: *Малаякин А. Г.* Указ. соч., с. 74; *Кызласов Л. Р.* Ранние монголы. — В. кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975, с. 176.

избравшими для ставки своего государя и для своей столицы долину реки, ставшей затем широко известной в истории народов Центральной Азии. Ханьские источники отмечают на территории современной Монголии еще такие принадлежащие гуннам города, как Фанфу-жэньчэн и «Укрепление Теу-сяна».

Все приведенные данные говорят о том, что именно гунны первыми стали насаждать в Центральной Азии и Южной Сибири городскую культуру.

Во время завоевания 201 г. до н. э. гунны разгромили уюкский и тагарский союзы на Енисее, пазырыкцев на Горном Алтае и создателей культуры «плиточных могил» в Забайкалье. Об этом сообщают археологические памятники, оставленные как самими гуннами, так и принадлежащие местным или пришлым не гуннским племенам.

Сообщение о завоевании гуннами северных владений содержит первое письменное упоминание тюркоязычных этнических групп, обитавших в северо-западной части Центральной Азии. В настоящее время общепризнано, что динлины проживали на территории Хакасско-Минусинской котловины и в лесостепной полосе от Оби до Байкала и поэтому могут быть отождествлены с тагарцами. Упомянутое рядом с динлинами наименование гэгунь [в другом написании — гяньгунь (современная транскрипция «цзяньгунь»)] является транскрибированным названием кыргызов.

Изучение сведений о динлинах выявило, что данные об этой группе северных варваров появились в источниках в IV—III вв. до н. э. Наиболее ранние из них легендарны. Это представления о живущих в северных землях вечных всадниках, как бы сросшихся со своими конями, о своеобразных кентаврах. В одном из источников сказано: «Есть царство Динлин. У людей в нем ниже колен растет шерсть, (у них) лошадиные копыта, (они) любят ходить». В другом: «Еще были там богатыри с человеческими туловищами и лошадиными ногами, покрытые длинной шерстью. Это были жители страны Динлин. Они хлестали сами себя нагайками по ногам и носились по

степи с быстротой ветра с криками «га, га, га!», как дикие гуси в осеннем небе»¹⁹.

Более поздние сообщения свидетельствуют о том, что в период III в. до н. э. — III в. н. э. динлины занимали земли Южной Сибири от озера Байкал до Среднего Енисея и истоков Чулыма, причем постоянно отмечается, что они жили севернее гяньгуней. В целом это совпадает с территорией распространения тагарских могил и бронз, известных и в районе Канска, и в Прибайкалье (Метляевский клад). «Владение Динлин находится севернее Канцзюй. Есть 60 тыс. отборных солдат. (Жители) — пастухи и перемещаются вслед за своими стадами. (Страна) производит знаменитые меха куниц, шкурки белых и голубых гун-цзу». По Хоу Вэй-шу: «Страна (динлинов) производит меха соболей и сурков». Письменные источники не содержат данных о внешнем облике динлинов, и поэтому зачисление их некоторыми авторами в разряд европеоидов не имеет оснований. Другие ученые считают динлинов тюркоязычными, но и это также является не более чем необоснованным предположением²⁰. Последнее легко опровергается тем, что тюркоязычная топонимика Южной Сибири является новой, а не древней.

Упомянутые рядом с динлинами гэгунь (в другом написании — гяньгунь) связываются учеными с позднейшими кыргызами VI—X вв., ибо гяньгунь есть самая ранняя китайская транскрипция термина кыргыз. Следовательно, название тюркоязычных кыргызов появилось впервые в письменных источниках около 201 г. до н. э. Владение Гэгунь, или Гяньгунь, размещалось в то время южнее динлинов и локализовалось в районе озера Кыргыз-нур в Северо-Западной Монголии²¹. К сожалению,

---

¹⁹ Каталог гор и морей. М., 1977, с. 128; *Юань Кэ*. Мифы древнего Китая. М., 1965, с. 253, 414; ср.: *Боргояков М. И.* Скифско-тюркские (хакасские) этнографические и фольклорные параллели.— НАА, 1975, № 6.

²⁰ См.: *Boodberg P. A.* Ting-ling and Turks. — *Sino-Altaica*, II (5). Berkeley, 1934; *Maenchen-Helfen O.* The Ting-ling.— *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1939, vol. 4; *De Groot I. J.* Dir Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunder zur Geschichte Asiens. Berlin und Leipzig, 1921; *Ван Жу-вей*. История динлинского народа.— *Шисюе цзикань*, II, 1936 (на кит. яз.); ср. ВДИ, 1961, № 2, с. 120—124; *Таскин В. С.* Указ. соч., вып. I, с. 136.

²¹ См.: *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, с. 161—162; *Киселев С. В.* Древ-

из-за археологической неизученности Северо-Западной Монголии раннегяньгунские памятники до сих пор не выявлены. Исходя из указанного географического расположения этих «владений», полагаем, что идущие с юга гунны первоначально овладели гяньгунями и уюкцами и лишь затем, перейдя Саянский хребет, — динлинами-тагарцами. Сопоставление фактов может привести к следующему выводу. Покорив государство динлин-тагарцев, гунны вытеснили часть их на север и переселили на их земли гяньгуней. Оставшаяся значительная часть динлинов, находясь под верховной властью гуннского шаньюя, смешиваясь с пришельцами гяньгунями, положила начало новой археологической культуре — таштыкской (I в. до н. э. — V в. н. э.). Таким взаимодействием и объясняется своеобразие памятников предшествующего переходного тагарско-таштыкского этапа (II—I вв. до н. э.), в которых проявляются почти все особенности, ставшие характерными для собственно таштыкской эпохи.

В это время вместе с гуннами, говорившими на не известном науке языке вымершего языкового семейства, в Хакасско-Минусинской котловине впервые появляются тюркоязычные гяньгуни с их во многом центральноазиатской культурой, с их обрядом трупосожжений, не свойственным ни гуннам, памятники которых довольно хорошо известны, ни тагарским динлинам²².

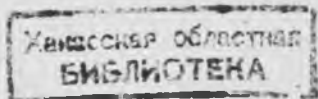
Власть гуннов над Хакасско-Минусинской котловиной поддерживалась с помощью специальных наместников, которые, вероятно, опирались на военные гарнизоны, состоявшие не обязательно из собственно гуннских воинов. В конце II в. до н. э. гунны поставили государем у динлинов Вэй Люя, человека степного происхождения, но получившего ханьское образование. Долгое время он был советником шаньюев. В начале I в. до н. э. намест-

няя история Южной Сибири. М., 1951, с. 459, 473, 560, 561; ср. Бартольд В. В. Соч. М., 1963, т. II, ч. 1, с. 477; Зуев Ю. В. К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзюй с гуннами и Китаем во второй половине I века до нашей эры. — Изв. АН Казахской ССР, серия истории, экономики, философии и права. Алма-Ата, 1957, вып. 2 (5), с. 63, прим. 8.

²² Прямые потомки гяньгуней — древние хакасы (кыргызы) VI—VIII вв. сохранили тот же обряд трупосожжений. О языке гуннов см.: Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen. — Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 1973, N 1, vol. XVII.

Районная 5-ка
с. Мильково

17

ИРБ. № 19859

ником был ханьский полководец Ли Лин, разбитый гуннами в 99 г. до н. э. и взятый ими в плен. Гуннский шаньюй Цзюйдихоу женил Ли Лина на своей дочери, возвел его в достоинство западного чжуки-князя и отдал ему владение Хягас, где он скончался в 75 г. до н. э.²³

Вероятно, гуннскому наместнику Ли Лину принадлежал дворец, построенный в традициях характерной для гуннских дворцов смешанной дальневосточно-среднеазиатской архитектуры²⁴, развалины которого раскопаны на левом берегу реки Абакан.

Дворец наместника возвышался посреди городка, основные постройки которого были деревянными, типа изображенных на Боярских писаницах, относящихся к тому же времени (II—I вв. до н. э.). Жилые срубы не сохранились до нас. Город начали обносить глинобитной стеной, которая по какой-то причине осталась недостроенной. Остатки ее были раскопаны нами в 1946 г.

Вернемся к дальнейшим событиям истории южносибирского населения. Власть гуннов в Саяно-Алтае не имела прочной опоры. Население Хакасско-Минусинской котловины, которое по традиции по-прежнему в ханьских хрониках называлось динлинами, освободилось от гуннской зависимости. По сообщению «Исторических записок», около 69 г. до н. э. «динлины, пользуясь слабостью хуннов, напали на них с севера, ухуаньцы вступили в земли их с востока, усуньцы — с запада. Сии три народа порубили несколько десятков тысяч человек и в добычу получили несколько десятков тысяч лошадей и великое множество быков и овец»²⁵.

²³ См.: Бичурин Н. Я. Указ соч., т. 1, с. 73, 351; Таскин В. С. Указ. соч., вып. 1, с. 61, 109—110, 150; вып. 2, с. 18—20, 104—106, 109—117, 156. Авторы Таншу пользовались некоторыми не дошедшими до нас источниками ханьского периода.

²⁴ План дворца с центральным залом, окруженным анфиладами комнат; стены из тонкоотмученной глины, залитой в деревянную опалубку; подпольное отопление, подобное отоплению афганских «табахана» и среднеазиатских бань,— все это характерно для архитектуры западных районов — для Средней и Передней Азии. Подпольная система отопления обнаружена и в домонгольском слое города Болгара (СА, 1969, № 1, с. 216). Только черепичная крыша, опирающаяся на столбовую конструкцию, сходна с дальневосточной, но известно, что такую же черепицу изготовляли в Центральной Азии сами гунны (См.: Киселев С. В. Из истории китайской черепицы.— СА, 1959, № 3, с. 162—163).

²⁵ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 82; Таскин В. С. Указ. соч., вып. 2, с. 28.

Особенно сильным был напор в 63—60 гг. до н. э., когда «динлины сряду три года производили набеги на земли хуннов, убили и в плен увели несколько тысяч человек, угнали множество лошадей и рогатого скота. Хунны посылали за ними 10 000 конницы, но без всякого успеха». Эти походы динлино-гяньгуньского населения Хакасско-Минусинской котловины и Тувы способствовали проникновению туда новых масс населения с юга, и в первую очередь гяньгуней, часть которых продолжала жить в Северо-Западной Монголии, а также распаду гуннского союза, переживавшего в то время острый кризис. В Цяньхань-шу под 56 г. до н. э. упоминается сын Ли Лина, который вел интриги против Хуханьшаньюя и, возможно, возглавлял сокрушительные набеги динлино-гяньгуней на гуннские земли²⁶. В 55 г. до н. э. гуннский союз распался на две части. Во главе южных гуннов продолжал оставаться Хуханьшаньюй, а северных — его старший брат и противник Чжичжишаньюй. В 49 г. до н. э. Чжичжи разбил и подчинил себе хуцзе, динлинов и гяньгуней и несколько лет прожил в земле Гяньгунь, первоначальной родине гяньгуней, которая находилась у озера Кыргыз-нур в современной Монголии²⁷.

Новый массовый и окончательный переход гяньгуней из Центральной Азии на территорию Хакасско-Минусинской котловины вызван, как полагает С. В. Киселев²⁸, вытеснением их с территории первоначальной родины нахлынувшими ордами Чжичжишаньюя, который перед этим присоединил к своим войскам 50 000 воинов убитого им Илимшаньюя. Естественно, что потерпевшие военное поражение гяньгуни бежали на север в Хакасско-Минусинскую котловину, где проживали их соплеменники гяньгуни, проникшие сюда впервые еще на рубеже III—II вв. до н. э., и динлины — противники гуннов.

Таким образом, процесс проникновения тюркоязычных гяньгуней в динлинскую среду был процессом длительным, закончившимся в середине I в. до н. э., когда к динлинам пришла основная, последняя часть гяньгу-

---

²⁶ См.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 84, 87; Таскин В. С. Указ. соч., вып. 2, с. 30, 34.

²⁷ См.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 91, 93; Таскин В. С. Указ. соч., вып. 2, с. 37, 124.

²⁸ См.: Киселев С. В. Указ. соч., с. 560—561.

ней. На территорию Хакасско-Минусинской котловины проникло также и некоторое количество уюкцев и шурмакцев из Тувы, что выявлено археологически.

Источники подтверждают наличие двух основных этнических компонентов — динлинов и гяньгуней. Более поздние сведения династийных хроник (Таншу) указывают, что государство Хагас (Хакас), находившееся в VI—X вв. в Хакасско-Минусинской котловине, «есть древнее государство Гяньгунь»²⁹. При этом подчеркивается, что «их (гяньгуней) племена смешались с динлинами». Это указание подтверждает упомянутый выше приход гяньгуней в страну Динлин и их смешение с коренным местным населением.

Динлины и гяньгуни Среднего Енисея недолго находились под властью северных гуннов, так как последние скоро (после 40 г. до н. э.) откочевали в Среднюю Азию, где в 36 г. до н. э. были разбиты.

Впоследствии название «гяньгунь» исчезает со страниц летописей и не встречается до III в. н. э., когда оно появляется в Вэй-люе, весьма противоречивом источнике. Затем оно вновь возникает в VI в., когда древние гяньгуни в Таншу отождествляются с хакасами. Неупоминание гяньгуней в источниках I—II вв. может быть объяснено тем, что собственно владение Гяньгунь исчезло в связи с уходом всех гяньгуней с территории их родины и возникновением динлино-гяньгуньского антигуннского союза на территории Хакасско-Минусинской котловины. Упоминание об этом союзе встречается в летописях под традиционным названием «динлин», хотя потомки тагарских динлинов уже не играли в нем руководящей роли. Такое понимание событий разъясняет недоумение, высказанное в свое время В. В. Бартольдом, что в Хоухань-шу «динлины иногда упоминаются там, где мы скорее ожидаем встретить их южных соседей» (т. е. гяньгуней.— Л. К.)³⁰. Гяньгуни, таким образом, не упоминались здесь потому, что в это время их уже не было в районах южнее Саян и Танну-Ола. Владение Динлин фигурирует позднее в описаниях борьбы гуннов против императора-узурпатора Ван Мана (8—25 гг.

²⁹ Кюнер Н. В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв. н. э.— Записки Хак. НИИЯЛИ. Абакан, 1951, вып. 2, с. 4; Кызласов Л.: Р. Указ. соч., с. 165, прим. 2.

³⁰ См.: Бартольд В. В. Соч. М., 1963, т. II, ч. 1, с. 478.

н. э.). Эти сведения подтверждают, что динлино-гяньгуни уже давно освободились из-под власти северных гуннов и что они продолжали быть ярыми противниками гуннов. Именно поэтому в 11 г. н. э. предполагалось «загнать хуннов в Динлин», а Ван Ман, начиная войну с гуннами, «при составлении двенадцати корпусов войск, динлинов и хуаньцев поставил в области Дай-гюнь.., а семейства их взяты в областные и уездные города в заложники»³¹.

Военно-аристократическая верхушка возглавляла динлино-гяньгуньский военный союз в эпоху его борьбы с гуннами, вплоть до окончательного разгрома государства гуннов. Ханьские источники по-прежнему называют динлино-гяньгуней просто динлинами, главным образом потому, что речь всякий раз идет о населении территории, которая издавна называлась «государством Динлин». Сохранение старого названия за новыми обитателями одного и того же места, хотя они нередко абсолютно не связаны этнически, часто встречается в ранней историографии. В Хоухань-шу под 85 г. н. э. в период упадка северных гуннов указывается, что «южные поколения напали на них с лица; динлины произвели набеги с тыла (т. е. с севера. — Л. К.); сяньбийцы ударили с восточной, владения Западного края — с западной стороны»³². В конце I в. н. э. вместо гуннов в Центральной Азии появляются восточные племена сяньби, которые окончательно разбили гуннов в 87—91 гг. Наибольшего расцвета и могущества сяньбийские племена достигли во II в. при их предводителе Тяньшихуае (147—181). В повествовании о завоеваниях Тяньшихуая и упоминает в последний раз динлинов Хоухань-шу между 147 и 156 гг.: «Все старейшины на востоке и западе поддались ему (Тяньшихуаю. — Л. К.). Почему он на юге грабил пограничные места, на севере остановил динлинов, на востоке отразил фууюй, на западе поразил усунь и овладел всеми землями, бывшими под державою хуннов, от востока к западу на 14 000 ли, со всеми горами, реками и соляными озерами?»³³ Сообщение Хоухань-шу важно по двум причинам: во-первых, оно свидетельствует о том,

³¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 107, 145; Таскин В. С. Указ. соч., вып. 2, с. 58.

³² Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 126; Таскин В. С. Указ. соч., вып. 2, с. 80.

³³ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 154.

что сянбийцы, заняв земли гуннов, не захватили Хакасско-Минусинскую котловину и Туву, где никаких изменений в это время не произошло; во-вторых, о том, что и после разгрома гуннов динлино-гяньгуньский союз продолжал свои военные походы в Центральную Азию, очевидно, в погоне за добычей и рабами. Одно из таких наступлений и остановил Таньшихуай.

* * *

Гуннское завоевание прервало процесс исторического развития местных южносибирских племен. Оно привело к сложному видоизменению этнического состава населения, к трансформации социальной и экономической структуры местного общества, к сложению новых общественных и этнических взаимоотношений.

Таким образом, появление нового государственного управления у народностей Южной Сибири произошло весьма болезненно — в конце III в. до н. э. они оказались в составе государства гуннов. Карл Маркс дал глубокое объяснение сущности отношений, складывающихся при завоевании одних племен и народностей другими, что типично для обществ в эпоху раннеклассовых отношений: «Основное условие собственности, покоящейся на племенном строе (к которому первоначально сводится община) — быть членом племени. Это значит, что племя, ... покоренное другим племенем, *лишается собственности* и становится одним из тех *неорганических условий* воспроизводства племени-завоевателя, к которым община относится как к своим собственным. Рабство и крепостная зависимость являются поэтому лишь дальнейшими ступенями развития собственности, покоящейся на племенном строе»³⁴.

Вся жизнь, и особенно экономика, народностей Саяно-Алтайского нагорья была регламентирована в интересах гуннского государства. Судя по всему, собственно гунны не переселялись в степи и горы Саяно-Алтая. Край управлялся с помощью наместников, опиравшихся на военные гарнизоны. Как говорилось выше, для наместников сооружались в качестве опорных пунктов городки-ставки с монументальными дворцами, подобные дворцу, раскопанному на реке Абакан.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 482.

Объявив собственностью земли, недра и воды завоеванных народностей, гунны в первое время освоили добычу полезных ископаемых с помощью переселенных сюда гуннских мастеров и рудокопов. Но вскоре к этой работе были привлечены опытные местные рудокопы, плавильщики и кузнецы.

Очевидно, с сельскохозяйственным освоением гуннами плодородных земель Хакасско-Минусинской котловины связаны кольцевые городища, обнаруженные на притоках Енисея — реках Теси, Ербе и Тубе. Выяснилось, что они относятся не к тагарской культуре, как полагали ранее, а к гуннскому переходному периоду II—I вв. до н. э. При этом характерной особенностью кольцевых городищ является расположение их в головах древних оросительных каналов. Очевидно, гарнизоны, обитавшие в этих крепостях, регулировали водоснабжение полевых и обеспечивали охрану оросительной сети и вызревающих хлебов³⁵. Местные крестьяне жили в постоянных деревнях, аналогичных изображению на Боярских писаницах.

Учитывая приведенные факты и в дополнение к цитированным выше определениям К. Маркса, нельзя не вспомнить слова Ф. Энгельса: «Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой, мы находим их всюду или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю...»³⁶

Нам представляется, что во II—I вв. до н. э. основу гуннского государственного строя составляло сочетание рабства и зачатков крепостничества с коллективной формой зависимости даннического и отработочного типа. Новые археологические материалы все более убеждают в том, что имеющиеся в науке представления о социальном строе гуннов, об их якобы «чисто» кочевом хозяйстве устарели. Нельзя согласиться с утверждениями некоторых ученых, что государство гуннов носило племенной характер. Не следует забывать, что у гуннов су-

---

³⁵ См.: *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 251—252, 256; *Кызласов Л. Р.* Хакасская археологическая экспедиция 1959 года.— Уч. зап. Хак. НИИЯЛИ. Абакан, 1963, вып. 9, с. 159, 163; *Подольский М. Л., Тетерин Ю. В.* Раскопки раннетагарских курганов в зоне Знаменской оросительной системы.— АО 1978 года. М., 1979, с. 266.

³⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 35, с. 112.

ществовала военно-административная система разделения населения на десятки, сотни, тысячи и «тьмы» (десятки тысяч). Эта система опиралась на территориальные вассальные взаимоотношения, а не на родовые или племенные связи.

О том, насколько важна была для гуннов рудная и продовольственная база Саяно-Алтайской горно-степной страны, свидетельствует тот факт, что в 49 г. до н. э. шаньюй Чжичжи вновь завоевал Южную Сибирь и даже учредил свою ставку в земле Гяньгунь близ озера Кыргыз-нур. В общей сложности, хотя и с перерывами, пребывание народностей Саяно-Алтайского нагорья в гуннском государстве продолжалось с 201 до 40 г. до н. э., т. е. около 160 лет. Нет сомнения, что этот период имел большие последствия для культурно-исторического и социально-экономического развития местных племен.

Динлино-гяньгуньский антигуннский союз, который начал формироваться еще в 60-х годах, окончательно сложился и окреп после переселения гуннов в Семиречье в начале 30-х годов до н. э.

После ухода гуннов начался процесс внутреннего развития новой коалиции местных племен. С этих пор ее стала возглавлять группа тюркоязычных гяньгуней — кыргызов, заявившая себя преемницей правящей верхушки ушедших гуннов. Новая государственность в бассейне Абакана и среднего течения Енисея связана, таким образом, с пришлой этнической группой гяньгуней. Эта группа, принеся с собой новый язык тюркской языковой семьи, заняла руководящее положение в динлино-гяньгуньском военном союзе, состоявшем из разноязычных (судя по дотюркоязычной местной топонимике) этнических групп: угро-самодийско-кетоязычных.

В истории мы часто встречаемся с тем, что в раннеклассовом государстве дружины и правитель были чужеземцами. Гяньгуни (кыргызы) стали аристократическим династийным родом в среде местного разноэтничного населения. Поэтому впоследствии Таншу указывает: «Хагас есть древнее государство Гяньгунь», — но при этом разъясняется, что собственно «гяньгунь есть небольшой род»³⁷.

---

³⁷ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 350—357.

Некоторые исследователи приходят к выводу о раннем времени создания собственного государства средне-енисейскими народностями. Так, например, А. П. Окладников описывал процесс его создания так: «Появляются государственные образования в собственном смысле слова — со своими столицами, властной бюрократической иерархией и борьбой угнетенных социальных слоев с угнетательской общественной верхушкой. Первым в Северной Азии объединением такого типа стало государство енисейских кыргызов, возникшее не без воздействия гуннов в конце I тысячелетия до н. э. и дожившее до той тотальной катастрофы, которой было для всей Центральной Азии и Южной Сибири монгольское завоевание. Государство это существовало более тысячи лет!»³⁸ Таким образом, академик Окладников считал, что государственность на Енисее продолжала сохраняться и в течение всей таштыкской эпохи (I в. до н. э. — V в. н. э.). Было ли так в действительности? Это очень сложная проблема, для решения которой, как нам кажется, пока еще нет достаточных ни письменных, ни археологических данных.

Основные материалы по рассматриваемой проблеме были уже детально проанализированы С. В. Киселевым и Л. Р. Кызласовым³⁹. Новые факты, полученные в последние годы, принесли много сведений, но, к сожалению, они не пролили дополнительного света на социально-экономический строй таштыкского общества.

Можно только предполагать, что население Хакасско-Минусинской котловины под влиянием развитой структуры гуннского общества уже в таштыкскую эпоху было организовано по территориальному военно-административному принципу. К такому выводу нас приводит критическое рассмотрение одной иначе трудно объяснимой фразы хрониста-переписчика. Добавим, что этот хронист, должно быть, не до конца понял текст офици-

---

³⁸ Окладников А. П. Ранняя история народов Сибири в свете ленинской теории национальных отношений.— В сб.: В. И. Ленин и социальные преобразования в Сибири. М., 1974, с. 26. Ср. его же. Сибирская археология на современном этапе.— Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979, с. 20—21; Перво-бытное общество. Сборник. М., 1975, с. 165.

³⁹ См.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.

ального доклада, составленного послом к «хагасам», в котором содержались сведения, восходящие к более раннему времени. Текст гласит: «Фамилия (семья или род) может состоять из тысячи или ста человек, имеет общий дом, одну кровать, одно покрывало» (энциклопедия X века)⁴⁰. Аналогичное сообщение содержится в «Политическом своде» Ду Ю (735—812). «В каждой семье, — пишет он, — могло быть 500—1000 человек, которые имели общий дом, одну кровать и одеяло. Женщины и мужчины жили вместе, их нравы — весьма свободны». Сказалась ли здесь явная попытка придворного хрониста охаять обычаи северных варваров, или же использован архаичный текст доклада, или же не понят смысл и принцип разделения населения этого государства на сотни и тысячи? Установить это нелегко.

Судя по археологическим данным, не может быть и речи об отнесении этого текста к культуре чаатас (VI — начало IX в.), когда могильные сооружения демонстрируют наличие у древних хакасов малой парной семьи. Только в таштыкскую эпоху, до начала IV в., сооружались на Енисее, Абакане и верхнем Чулыме деревянные склепы-усыпальницы, в которых, нередко в два яруса (на полу и на особых полатах — нарах), хоронились кучки трупосожжений от десяти — двадцати до ста или двухсот человек. Такие склепы скорее всего являлись общими кладбищами для населения отдельных военно-административных десятков, сотен, полутысяч и тысяч, обитавших в определенных отведенных им уделах. Во всяком случае нами давно отмечался факт обнаружения в ранних таштыкских склепах разных по погребальному обряду захоронений людей, которые, видимо, относились к различным этническим группам населения, различающимся по своему происхождению⁴¹.

Показательно, что в период гуннского владычества в Хакаско-Минусинской котловине сооружались городки и монументальные архитектурные сооружения типа абаканского дворца и кольцевых городищ. Но эта традиция с уходом гуннов прервалась. Пока не обнаружено ни

---

⁴⁰ Кюнгер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 60.

⁴¹ См.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха, с. 76—78, 99, 162. Выводы о родоплеменном устройстве общества и «племенных кладбищах» (с. 191—192) ныне считаю устаревшими.

городищ, ни монументальных зданий, относящихся к I в. до н. э. — V в. н. э. Известны только поселения, состоявшие из деревянных сооружений типа изб, многогранных юрт и производственных сооружений.

Необходимым условием для создания собственного государства было второе великое общественное разделение труда — отделение ремесла от земледелия. Оно наметилось уже в тагарскую эпоху и несомненно произошло в государстве гуннов. Все это отразилось на общественном развитии динлино-гяньгуньских племен. Но после крушения гуннского господства на Енисее и ухода оттуда гуннов началась внутренняя консолидация местных и пришлых этнических групп.

Исходя из современных данных, мы еще не можем утверждать, что в обществе создателей таштыкской культуры завершилось это важнейшее историческое явление. Хотя в это время возникли специализированные поселения черных металлургов и кузнецов (на которых одновременно действовало не менее 10—15 плавильных горнов), уже выплавлялся металл высокого качества и было налажено производство цельносталей, наварных и цементированных орудий⁴². Возникли также прогрессивные универсальные и комбинированные орудия труда, такие, например, как ювелирные молоточки — напильники. Существовали бронзолитейные мастерские, сочетавшие особые горны для выплавки меди из руды с тигельными печами для приготовления специфических сплавов с добавлением олова, мышьяка, никеля, цинка и т. д. Работали ювелирные мастерские, в которых производились плавка и плющение золота и серебра, золочение бронзовых предметов простым и горячим способом (с применением ртути), инкрустирование железных изделий золотом и серебром, обработка драгоценных камней и т. п. Действовали обособленные мастерские со специализированными печами для обжига глиняной посуды, для массового изготовления ритуальных и погребальных масок из гипсовидной терракоты и т. д. Работали каменотесы, строители, косторезы, скульпторы и художники.

---

⁴² См.: Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск, 1979; его же. Железоплавильные печи на р. Белый Июс. — АО 1969 года. М., 1970; Хоанг Ван Кхоан. Технология изготовления железных и стальных орудий труда в Южной Сибири. — СА, 1974, № 4.

Особое значение для выяснения уровня технического прогресса и экономического потенциала таштыкского общества имеет констатация широкого использования различными мастерами особого теплообрабатывающего оборудования — специализированных печей: горнов для плавки железной и медной руды, печей для плавки разнообразных металлов и сплавов, обжига глиняной посуды, кузнечных и ювелирных горнов и тиглей. Наличие разветвленной сети постоянных теплотехнических сооружений (горнов и печей) предполагает прочную производственную связь мастеров с этими средствами производства.

Не было только одного — керамического производства с использованием гончарного круга. Вся глиняная посуда формовалась ручным способом. Только в IV—V вв., в поздне-таштыкское время, появляются поворачивающиеся деревянные подставки с шипами и, видимо, ручной гончарный круг. Это весьма важное обстоятельство. Оно не позволяет считать, что в таштыкское время произошло полное отделение ремесленного производства от остальных сфер хозяйственной деятельности.

Между тем в обращении появилась иноземная ханьская бронзовая монета⁴³. Возникли знаки различия чиновников и военных — зонты от солнца, наборные пояса и миниатюрные котлы-подвески. В графике и гравюре распространился единый стиль, а также строгий канон в изготовлении и раскраске культовых портретных погребальных масок.

Имеются и другие свидетельства прогрессивного общественного развития по пути формирования классового общества и почти государственной регламентации. Это обособление знати, создание управленческого аппарата, развитие частной собственности и, наконец, наличие развитой шаманистской идеологии. Но, по-видимому, не было еще собственной письменности. Несомненно, что самобытная государственность енисейских племен выкристаллизовывается еще в процессе таштыкского общественного развития, но завершилось это развитие, очевидно, не ранее IV—V вв. н. э. Процесс был скорее всего длительным, сложным и постепенным.

---

⁴³ См.: Лубо-Лесниченко Е. И. Дальневосточные монеты из Минусинской котловины. — В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.

Из противоречивых сообщений Вэй-люе (III в. н. э.) наиболее достоверным сведением о владении Гяньгунь является следующее: «Отборного войска 30 тысяч человек. Следуют за скотом. [Там] много соболей есть хорошие лошади»⁴⁴. Запись «потребительская»: указано на то, чего всегда не хватало в Китае. «Следуют за скотом» — фраза трафаретная для древнекитайских хроник. Она зачастую совершенно не отражает подлинного развития хозяйственной жизни и всего истинного многообразия сфер экономики того или иного общества северных варваров.

Сведение о 30 тысячах «отборного войска», т. е. о трех туменах постоянной армии, вероятно, правдиво. Эта цифра подтверждает наличие в таштыкскую эпоху десятичной военно-административной системы организации населения и войска. В этой связи можно составить себе некоторое представление даже о количестве населения владения Гяньгунь в III в. н. э. Дело в том, что при десятичной системе обычно одного воина выделяла семья в 5 человек. Поэтому можно полагать, что 30 000 воинов постоянной армии «собирались» от 30 000 семейств или что общее количество населения составляло в то время не менее 150 тыс. человек. В это число не входят подчиненные племена лесостепи и горной тайги.

Сообщения Вэй-люе и анализ археологических источников приводят к выводу, что изменений в этническом составе динлино-гяньгуньских племен за таштыкское время не произошло. Никаких новых этнических элементов на занимаемую ими территорию не проникло, так же как не произошло, очевидно, их подчинения ни сяньбийцам, ни другим завоевателям⁴⁵. Кризис первобытно-общинных отношений в динлино-гяньгуньском обществе углубился в конечном итоге настолько, что и остаточные родоплеменные связи оказались нарушенными. «Имущественные различия между отдельными главами семей взрывают старую коммунистическую домашнюю общину.; вместе с ней исчезает и совместная обработка земли средствами этой общины. Пахотная земля предостав-

---

⁴⁴ Супруненко Г. Н. Некоторые источники по древней истории кыргызов. — В кн.: История и культура Китая. М., 1974, с. 237.

⁴⁵ «Иегу», упоминаемые в событии 410 г., написаны иными иероглифами, чем гяегу, и не имеют отношения к гяньгуням-кыргызам, вопреки утверждениям некоторых авторов (ср.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 188).

ляется в пользование отдельным семьям — сначала на время, потом раз навсегда, переход ее в полную частную собственность совершается постепенно... Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества»⁴⁶. Этот процесс зафиксирован археологическими памятниками: около начала IV в. в Хакасско-Минусинской котловине навсегда исчезают коллективные усыпальницы, которые повсеместно заменяются индивидуальными погребениями последнего этапа таштыкской эпохи.

Закончился процесс становления классового общества. Сложилось второе в истории Хакасско-Минусинской котловины государство — государство древних хакасов.

2. Древние хакасы и тюрки

В начале VI в. в Южной Сибири произошло важнейшее историческое событие: на Алтае и в Хакасско-Минусинской котловине возникли два самобытных государственных образования. Оба они развили высокий для того времени экономический потенциал в результате расцвета горного дела, металлургии и ремесла (в первую очередь железоделательного и кузнечного производств). Благодатной базой для этого послужили богатейшие залежи разнообразных полезных ископаемых, которыми изобилует Саяно-Алтайское нагорье. В результате произошло отделение ремесла от земледелия и скотоводства. В первую очередь выделились мастера-рудознатцы, металлурги, кузнецы и ювелиры.

Несомненно, что это был глубинный процесс внутреннего развития обществ древних алтайцев и енисейцев. Но следует принять во внимание и то, что развитие горнорудного производства и черной металлургии у южносибирских этнических групп постоянно стимулировалось захватнической политикой очередных хозяев Центральной Азии, заинтересованных в первую очередь в получении массовой продукции железоделательного, бронзолитейного и ювелирного ремесел. В III—I вв. до н. э. именно эти экономические причины привели к гуннскому захвату южносибирских и забайкальских горнорудных месторождений. В V и начале VI в. алтайские тюрки-тугю были профессиональными железоплавильщиками, добы-

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 164.

вавшими «железо для жужаньцев». Позднее, они же предлагали «купить у них железа» прибывшему к ним в 568 г. византийскому послу Зимарху. Это является свидетельством не только их специализированной торговли железом, но и наличия на Алтае массового производства товарного железа и, следовательно, высокоорганизованной горнодобывающей и железоплавильной промышленности⁴⁷. То же сообщают источники и о древних хакасах.

Во главе обоих южносибирских государств стояли тюркоязычные этнические группы, имевшие разное происхождение. Государство древних алтайцев возглавило племя, называвшее себя «тюрк». В исторической науке это государство получило название Тюркского каганата (VI—VIII вв.).

Государство енисейских племен возглавил аристократический род кыргыз (кит. гяньгунь/цзяньгунь). Так как государство с самого начала было полиэтничным и в нем большую силу имел не только тюркоязычный, но и самодийский (касский) компонент, то его население называло себя «хакас» (кит. гакас, хагас/сяцзясы и т. п.)⁴⁸. Поэтому в исторической науке это государство VI—XIII вв. получило название государства древних хакасов (или кыргызов).

Письменные источники отчетливо различают происхождение алтайских тюрков-тугю и древних хакасов (кыргызов). Это выявляет анализ древнейших легенд об их происхождении, записанных по рассказам самих тюрков и хакасов в раннем средневековье и сохранных китайскими летописями.

Легенда о происхождении тюрков-тугю общеизвестна. Прародителями их считались четвертованный врага-

---

⁴⁷ См.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. М. — Л., 1950, т. 1, с. 221, 228; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (T'ukue). Wiesbaden, 1958, S. 5, 7, 40, 457; Византийские историки. Пер. С. Дестуниса. СПб., 1861, с. 376.

⁴⁸ См.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 350—357 и приложение; Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 55—60, 281—282; его же. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв. н. э.— Записки Хак. НИИЯЛИ. Абакан, 1951, вып. 2; его же. Китайские историки-летописцы о хакасах. — Записки Хак. НИИЯЛИ. Абакан, 1954, вып. 3.

ми чудом уцелевший мальчик и волчица, поселившиеся в пещере на Алтае и породившие 10 сыновей. Один из их внуков «царствовал между реками Афу (Абакан.— Л. К.) и Гянь (Кем-Енисей.— Л. К.) под наименованием Цигу» (т. е. Чика.— Л. К.), второй «превратился в Лебеда» (т. е. стал «Ку-кижи» — родоначальником североалтайских лебединцев.— Л. К.), а старший был поставлен государем «под наименованием Тюрк (Тукюе)»⁴⁹.

Легенда о происхождении гяньгуней (кыргызов) иная. Услышав ее, летописцы записали, что рыжеволосое, белолицое и голубоглазое племя гяньгуней по происхождению «не принадлежит к породе волков» (т. е. тюрков.— Л. К.). Гяньгуни зародились от сочетания бога с коровой в горной пещере (источник VIII в. Ю-ян цзацзу, гл. 4, с. 2)⁵⁰. Других подробностей запись легенды не содержит.

Цигу, жившие между реками Афу (Абакан) и Гянь (Енисей), т. е. на Западном Саяне и в Туве (между верховьями Абакана и Каа-Хема), и бывшие, по легенде, родственниками тюркам-тугю, — это тюркоязычные чики, упоминающиеся в рунических памятниках орхонских тюрков и уйгуров. Цигу (цзе-гу) не является транскрипцией термина «кыргыз», как полагали некоторые авторы. Летописи, приводя разные написания терминов «кыргыз» (гяньгунь) и «хакас», нигде не сопоставляют их с термином «цигу». Кроме того, кыргызы (хакасы) всегда имели центром своего расселения междуречье Чулыма и Енисея. Они никогда не жили только между реками Абакан и Енисей⁵¹.

⁴⁹ Бичурин Н. Я. Указ соч., т. 1, с. 220—222; Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности.— Живая старина. СПб., 1896, вып. III, IV; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 493—494; Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 103—106.

⁵⁰ См.: Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk.— В кн.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. СПб., 1899, S. 41; Schafer E. H. The Golden Peaches of Samarkand. A Study of T'ang Exotics. Berkley and Los Angeles, 1963, p. 73.

⁵¹ См.: Кызласов Л.-П. Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.).— ВМУ, серия IX, истор. науки, 1960, № 1, с. 70; Ошибочность смешения терминов гяньгунь с цзе-гу по китайским источникам выявлена Ю. А. Зуевым (см.: Зуев Ю. А. Термин «кыркун». — Труды Института истории АН Киргизской ССР. Фрунзе, 1958, вып. IV, с. 172—173).

В 552—555 гг., как сообщают письменные источники, вставшие алтайские тюрки-тугю уничтожили власть жуаньжуаней над Центральной Азией и основали свое государство. Первый Тюркский каганат (552—630) занимал огромную территорию от Черного и Каспийского морей до Великой стены и от Алтая до Тянь-Шаня и Восточного Туркестана.

Тюркский каган Кигинь (Мухан) в 555 г. «на севере покорил Цигу» (т. е. племенное объединение тюркоязычных чиков, живших в Туве) и включил, таким образом, весь бассейн Верхнего Енисея (до Саянских гор на севере) в состав своего государства.

После разделения в 581 г. первого Тюркского каганата на западный (с центром в Семиречье) и восточный (с центром на реке Орхон) Алтай и Тува оставались в составе первого Восточнотюркского каганата вплоть до его падения. Однако чики не смирились и ждали момента, чтобы сбросить тюркское иго. Так, под 583 г. источники сообщают, что «цигу, которые властвуют к северу от тугю, со скрежетом зубовным ожидают своей возможности (отомстить)»⁵².

В 629 г. территория Саяно-Алтайского нагорья была захвачена телэским племенем сйеяньто, а в начале 40-х годов VII в. она вновь попала под власть тюрков-тугю, возглавляемых жившим на Алтае Чеби-каганом, восставшим против сйеяньто и Китая. Чеби подчинил себе чиков и карлуков, но включение Тувы и Алтая в одно государство оказалось кратковременным и продолжалось до 650 г., когда восстание Чеби было подавлено. После этого в течение 30 лет Центральная Азия считалась подведомственной различным наместничествам, управление которых было, по существу, фиктивным. Как свидетельствует хроника династии Тан (618—907), «тридцать лет в северных странах не слышали восного шума».

Однако Г. П. Супруненко, опираясь на мнимые древние чтения и расшифровки, ошибочно принимает за кыргызов не только цигу, но и хэгу, невзирая даже на то, что источники прямо относят их к племенам телэ совершенно другого происхождения, чем гяньгуни-кыргызы (см.: Супруненко Г. П. Некоторые источники по древней истории кыргызов.— История и культура Китая. М., 1974, с. 239).

⁵² Liu Mau-tsai. Op. cit. I, S. 47. Утверждение некоторых авторов, что в 555 г. тюрками были покорены и кыргызы (за которых они принимают цигу), не имеет, как показано выше, никакого обоснования (ср.: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники... М., 1964, с. 20).

В 679—682 гг. всю Центральную Азию взволновали непрерывные восстания восточных тюрков-тугю, которые привели их к освобождению от формальной власти танских императоров и к созданию нового самобытного государства второго Восточнотюркского каганата (682—745) с центром на реке Орхон.

В период с 650 по 709 г. тюркоязычные племена Тувы, возглавляемые чиками, были достаточно сильны, чтобы совместно с жившими к северу от Саян древними хакасами (кыргызами) стать врагами восточных тюрков-тугю [ср. текст памятника Бильге-кагана: «Когда мне было двадцать шесть лет, народ чик с кыргызами стали (мне) врагами»].

В 709 г. тюркский каган Мочжо направил против чиков войско под командой полководца Могияна, который в сражении при Орпене в Туве (современное Урбюн — местность при впадении реки Чаа-Холь в Улуг-Хем) разбил войско чиков. Затем тюрки захватили и подчинили себе тюркоязычных азов, которые обитали преимущественно на плоскогорьях и в высокогорных степях Юго-Восточного Алтая и отчасти по Саянскому хребту (на Алашском плато в верховьях рек Алаш, Ак-Суг и на озере Кара-Холь)⁵³.

Снова владельцами Тувы и Алтая стали тюрки-тугю. После включения этих земель в состав второго Восточнотюркского каганата большая армия восточных тюрков под командованием Тоньюкука (при участии полководцев Могияна и Кюль-тегина) зимой 710 г. прошла через Туву для того, чтобы, перевалив Саяны (из долины реки Ак в долину реки Аны), нанести удар по соседним хакасам и вернуться назад. Но если чики, среди которых уже с середины VI в. жили тюрки-тугю, покорились, то азы, оправившись от поражений 709 и 710 гг., восстали вновь. Понадобилось послать войско во главе с Кюль-тегином, чтобы в 715 г. в жестоком сражении при озере Кара-Холь в Западной Туве разгромить войско азов: «Народ азов стал нам врагом. Мы сразились при Кара-Кёле (Черное озеро — Л. К.); Кюль-тегину шел (тогда) тридцать первый год. На своего белого коня героя Шалчы сев, он бросился в атаку, схватил эльте-

---

⁵³ См.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, с. 20; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 50—55.

бера азов; народ азов тогда погиб»⁵⁴. Конечно, этот текст следует понимать не буквально. Очевидно, разбив азов и уничтожив их эльтебера, тюрки-тугию ликвидировали самостоятельность азов. Под 715 г. азы в Туве упомянуты в последний раз, но без прямой локализации они еще раз упомянуты в уйгурской Терхинской надписи (около 753 г.). В дальнейшем территории Тувы и Алтая, вплоть до падения второго Восточнотюркского каганата в 745 г., входили в его состав.

* * *

Обратимся теперь к истории древнехакасского государства, занимавшего в VI — начале IX в. территорию Хакасско-Минусинской котловины. С запада его граница проходила по Абаканскому хребту и Кузнецкому Алатау, с юга — по Западно-Саянскому хребту (в те времена он назывался горами Кёгмэн), с востока — вероятно, по Восточно-Саянскому хребту. На севере владения государства простирались до границ таежной зоны и вплоть до устья реки Ангары.

В VI в., сразу после возникновения первого Тюркского каганата, кыргызские вельможи, возглавлявшие молодое енисейское государство, старались, видимо, сохранить дружественные отношения со своими грозными соседями. К 50-м годам VI в. относится сообщение памятника Кюль-тегина о том, что на поминальное оплакивание первого тюркского кагана Бумыня (Тумыня), умершего около 553 г., среди представителей других народов прибыли и кыргызы⁵⁵. Судя по косвенным данным, тюркские отряды, проверяя силу молодого древнехакасского государства, совершали в ту пору лишь отдельные грабительские набеги в Хакасско-Минусинскую котловину. Предполагать это можно потому, например, что в 568 г. византийского посла Зимарха, прибывшего с миссией на Монгольский Алтай, тюркский каган Дизабул «почтил пленницею; она была из народа так называемых херхисов», т. е. из кыргызов Енисея. Эта безымянная рабыня княжеского происхождения была, вероятно, одной из

⁵⁴ Малов С. Е. Указ. соч., с. 20; *его же*. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 38—39, 41, 66—67.

⁵⁵ См.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 36.

первых древнехакасских женщин, попавших в Европу. Византийский историк конца VI в. Менандр Протектор особо отметил эту экзотическую восточную пленницу в свите господина Зимарха, вернувшегося в Константинополь в 569 или 570 г.⁵⁶

В 629 г. одно из усилившихся тюркоязычных телеских племен сйеяньто, до того подчинявшееся западным тюркам-тугю, захватило власть над Центральной Азией и Южной Сибирью. Как сообщает «Новая танская история», «Хягасское государство зависело от Дома сйеяньто, который имел там своего гйелифу для верховного надзора»⁵⁷. Очевидно, зависимость заключалась в уплате дани под присмотром сйеяньтоского наместника — эльтебера. Но власть государства сйеяньто была кратковременной. В эту пору в северо-западной части Центральной Азии после падения первого Тюркского каганата происходила борьба различных тюркоязычных объединений. В источниках сообщается, что в 638 г. каган северной части западных тюрков Дулу захватил земли Гйегу, т. е., по-видимому, кыргызов. Так как никаких дополнений о последствиях захвата не сообщается, а Дулу вскоре умер, следует полагать, что дело закончилось очередным грабительским набегом. Около 647 г. номинальным правителем Саяно-Алтайского нагорья стал живший на Алтае Чеби, объявивший себя каганом восточных тюрков-тугю⁵⁸.

Все это, однако, не мешало древнехакасскому государю не только оставаться правителем своего государства, но даже продолжать вести независимую внешнюю политику. В 632 г. император Тайцзун отправил чиновника Ван И-хуна посланником в далекое государство Хагас, чтобы установить посольские взаимоотношения этого государства с Китаем. В 643 г. в танскую столицу пришло первое ответное древнехакасское посольство, которое привезло императору в подарок «соболиные шубы и соболиные шкуры»⁵⁹.

---

⁵⁶ См.: Византийские историки. Перевод с греческого С. Дестуниса. СПб., 1861, с. 379; ср.: *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, с. 76—77.

⁵⁷ *Бичурин Н. Я.* Указ. соч., т. 1, с. 354.

⁵⁸ См. там же. с. 287.

⁵⁹ *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 56.

И наконец, в 648 г. к Танскому двору прибыл правитель древних хакасов «сылифа (т. е. эльтебер. — Л. К.) Сибоцьюй Ачжань». По данным хроник, он якобы заявил: «Так как я всем сердцем предан империи, то надеюсь получить правительственную должность и держать чиновничью дощечку (символ вассалитета), и только». Очевидно, в сложной политической обстановке правителю хакасов было важно заручиться поддержкой великой державы и установить торговые взаимоотношения. Ему присвоили чин генерала и должность главного правителя Цзяньгунь (или генерал-губернатора Цзяньгунь).

В 654 г. еще раз отправили посланника к Танскому двору. Посол передал следующую просьбу государя древних хакасов: «В самом Китае имеется много наших людей. Ныне желаю, чтобы их отпустили на родину». Это сообщение свидетельствует о том, что в середине VII в. многие древние хакасы по различным причинам, особенно с целью торговли, попадали в Танскую империю. Тогда же император Гаоцзун послом к хакасам «отправил Фань Цяна, во множестве наградил парчой, по-прежнему (сяцзясы) ездили, чтобы произнести приговор (о выкупе), как только находились люди, которых следовало выкупить»⁶⁰.

В последнем случае, очевидно, речь шла о выкупе тех людей, которые были угнаны и проданы в рабство тюркскими правителями разных районов Центральной Азии в столь смутное время. Из других источников известно также, что в Китай в те времена приезжали не столько древнехакасские послы, сколько торговцы, пригонявшие на продажу и в обмен на шелковые ткани табуны степных лошадей, которых не разводили в танском Китае.

Такие торговые посольства относятся к 648, 653, 675, 707, 709, 711, 722, 723, 724, 747 и 748 гг.⁶¹ Обычно послы с подарками приезжали в начале или в конце года во время больших праздников. Нельзя не отметить, что

---

⁶⁰ Кюннер Н. В. Указ. соч., с. 56; ср.: Малявкин А. Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии.— В сб.: Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980, с. 115.

⁶¹ См.: Супруненко Г. П. Из истории взаимоотношений Танской империи с соседними северными народами. Научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1971, вып. 1; Liu Mau-tsai. Op. cit., p. 378—379; Schafer E. H. Op. cit., p. 64, 69.

особые посольства возглавлялись тегинами, т. е. принцами-сыновьями древнехакасского кагана. Так, в 722 г. приезжал тегин Исибо Шэючжэ Биши, в 723 г. — тегин Цзюйли Пиньхэчжун. Им обоим были пожалованы военные чины. Посольские и торговые связи древние хакасы старались завязать и с другими восточными государствами, например с Тибетом. Так, в одном из источников сообщается, что в августе — сентябре 711 г. император Жуйцзун получил сообщение, что в Тибете находится прибывшее туда ранее сяцзяское посольство, «не желающее входить в Хань» (т. е. в Китай. — Л. К.). Это сильно обеспокоило Жуйцзуна⁶².

Таким образом, развитие внешних сношений древнехакасского государства происходило своим чередом, невзирая на неутрачивающие стычки и войны древних хакасов со сменяющимися друг друга различными тюркоязычными государственными объединениями в Центральной Азии (сйеяньто, западные тюрки, восточные тюрки-тугю и др.). Наибольшими врагами древних хакасов в этот период являлись орхонские тюрки. В надписях орхонских тюрков, относящихся к 20—30-м годам VIII в., сообщается, что кыргызские правители древнехакасского государства были противниками усиления восточных тюрков-тугю уже в период жизни основателя второго каганата кагана Ильтереса (кит. Гудулу), который умер в 693 г.

В 709 г. кыргызы и их соседи чики и азы, жившие в Туве, открыто выступили против каганата. В надписи на памятнике знаменитому древнетюркскому полководцу Кюль-тегину (умер в 731 г.) говорится, что в период правления его дяди кагана Капагана (Мочжо), «перейдя через Кёгменскую (чернь), мы ходили войною вплоть до страны киргизов». Эта война как памятное для древних тюрков событие описана в ряде их эпитафий (Кюльтегина, Тоньюкука и Бильге-кагана). Она произошла в 710 г., когда Кюль-тегину было 26, а его брату Могилян, будущему Бильге-кагану, — 27 лет⁶³. В тексте это-

---

⁶² См.: Супруненко Г. П. Некоторые источники по древней истории кыргызов, с. 241; Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера. — Turcologica. Л., 1976, с. 266.

⁶³ См.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 38—39, 41, 66—67; Clauson G. Some Notes on the Inscription of Toḡuḡuq. — Studia Turcica. Budapest, 1971, p. 129.

го памятника разъясняется, что древнехакасского государя начала VIII в. звали Барс-бег. Правители тюрков попытались склонить его к вассалитету: «Мы в то время даровали (ему) титул кагана и дали (ему в супружество) мою младшую сестру — княжну» (дочь покойного Ильтереса). Это произошло между 693 г., когда умер Ильтерес, и 709 г., когда кыргызы и чики выступили против тюрков. Однако Барс-каган, став зятем Кюльтегина и Могиляна, не пожелал быть вассалом восточнотюркского кагана. В памятнике Тоньюкука сказано: «Но больше всего был нашим врагом киргизский сильный каган». При этом выясняется, что Барс-каган, задумав решительную борьбу против второго Восточнотюркского каганата, вступил в тройственный международный союз с «каганом народа табгач» (т. е. императором Китая) и каганом народа «десяти стрел» (т. с. каганом западных тюрков Средней Азии, которым в начале VIII в. был каган тюргешей) ⁶⁴.

Узнав о создании крайне опасной для них вражеской коалиции, правители Восточнотюркского каганата собрали крупные военные силы. Прежде всего, чтобы обезопасить свои северные тылы, они предприняли военный поход 710 г. против государства древних хакасов.

Выяснив, что дорога через Кёгмен (так тогда назывался Саянский хребет) одна и она завалена (снегом) (речь идет о наиболее пригодной для прохода войск действующей поныне скотопрогонной тропе с реки Ак-Суга вверх по Манчуреку на Арбаты и реку Абакан.— Л. К.), конное войско восточных тюрков, с большими трудностями переправившись через реку Ак-Тэрмель (ныне Ак-Суг.— Л. К.), только на десятые сутки пробилось в верховья реки Аны. При этом тюрками был убит проводник из местной народности степных азов, который сознательно завел врагов в труднопроходимые саянские дебри. Перейдя (как указывает памятник, с большим трудом) горы Кёгмен, «на киргизов мы напали во время (их) сна... Проложили (путь) копьями. Хан их и войско их собрались. Мы сразились и победили. Хана их мы умертвили. Киргизский народ вошел в подчинение кагану ⁶⁵. Так описано завершение этого похода в памятнике

---

⁶⁴ См.: Малов С. Е. Указ. соч., с. 66—67; Liu Mau-tsai. Op. cit., S. 155.

⁶⁵ Малов С. Е. Указ. соч., с. 67.

Тоньюкука. Если отбросить типичный для произведений средневековых тюрков поэтический прием мнимого нападения на врагов во время их сна⁶⁶, то, судя по тексту, тюрки столкнулись с древнехакасским войском, во главе которого стоял военный предводитель — хан, а не кыргызский Барс-каган. Этот хан и был убит во время боя.

Но в тексте памятника Кюль-тегина сказано, что Барс-каган был убит, а народ его стал рабынями и рабами. «Говоря: «Пусть не останется без хозяина страна Кёгменская», мы завели порядок в немногочисленном народе киргизов. Мы пришли, сразились и снова дали (страну для управления киргизу?)». Там же дополнено: «Проложив дорогу через снег глубиною с копье и поднявшись на Кёгменскую чернь, мы разбили киргизский народ, когда он спал; с их каганом мы сразились в черни Сонга... Киргизского кагана мы убили и племенной союз его взяли»⁶⁷.

Очевидно, что Барс-каган, придерживавшийся оборонительной тактики, был убит в сражении, которое произошло в горном лесу в урочище Сонга, т. е., по нашему мнению, в верховьях реки Сон в Батенёвском кряже — хребте, отделяющем северную часть Хакасии от южной. Вероятно, после прорыва через Кёгмен (Саяны. — *Л. К.*) тюркское войско («и ночью, и днем мы быстро скакали...») было без боя пропущено через степи Южной Хакасии, а решительное сражение было дано ему во «второй тайге» — в Батенёвском кряже, в долине реки Сон, чтобы не пропустить тюрков в Северную Хакасию, где традиционно располагались коренные земли хакасского рода кыргыз. Топоним Сонга сохранился не только в хакасском Сон-сух, но и в наименовании котловины в верховьях реки Сон. Прямую аналогию этому названию дает топоним Сорга. Так по-хакасски называется соседняя к югу за водоразделом котловина, названная по речке Сорых-сух, впадающей здесь справа в реку Бюрь.

Гибель Барс-кагана зимой 710 г. подтверждают и другие строки из памятника Кюль-тегина. Когда был убит восточнотюркский Капаган-каган (716), то на по-

---

⁶⁶ См.: *Стеблева И. В.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976, с. 85—99.

⁶⁷ *Малов С. Е.* Указ. соч., с. 41; ср. *Clauson G.* Op. cit., p. 129.

минальном памятнике ему во главе камней-балбалов⁶⁸ поставили балбалом — камень, символизирующий убитого кыргызского кагана, который тем самым признавался главнейшим побежденным врагом покойного.

Другие подробности и результаты тюркско-древнехакасской войны 710 г. остались неизвестными. Следует полагать, что подвергшееся ограблению тюрками древнехакасское государство, часть жителей которого, вероятно, была угнана в рабство, недолго оставалось под властью орхонских тюрков. У нас нет данных для утверждений о каких-либо переселениях восточных тюрков (буквально — кёк тюрков) в Хакасско-Минусинскую котловину. Вероятно, после военного разгрома, вывоза трофеев и рабов, покоренное население было обложено данью [в тексте: «Кыргызский народ вошел в подчинение кагану и повиновался (ему)»] и передано управлению местных правителей, согласных с верховной властью кагана восточных тюрков [в тексте: «Говоря: пусть не останется без хозяина страна Кёгменская, — мы завели порядок в немногочисленном (т. е. ослабленном угоном рабов — военнопленных? — Л. К.) народе киргизов. Мы пришли, сразились и снова дали (страну для управления киргизу?)»]. Возвращение на родину всего победоносного войска восточных тюрков особо подчеркнуто в тексте памятника Тоньюкука: «Мы вернулись, мы пришли обратно, обойдя Кёгменскую чернь. Мы вернулись от киргизов». Возвратились они скорее всего через Прибайкалье.

Отсутствие восточнотюркских гарнизонов или войск в Кёгменских горах подтверждает и вынужденный поход Кюль-тегина на азов в 715 г. С азами пришлось сражаться на озере Кара-Холь в Западном Саяне. Нельзя не учесть, что уже на другой год после разгрома древнехакасских войск, в 711 г., в танскую столицу прибыло древнехакасское посольство, а в 722 и 723 гг. посольства хакасов в Чанъань возглавляли тегини (принцы) (очевидно, подросшие сыновья убитого Барс-кагана).

Наконец, в тексте памятника Кюль-тегина сказано, что после его смерти в 731 г. на поминки «от кыргызского кагана пришел Чур-Тардуш Ынанчу»⁶⁹. Это озна-

⁶⁸ См.: *Кызласов Л. Р.* О значении термина «балбал» древнетюркских надписей. — Тюркологический сборник М., 1966; *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности, с. 39.

⁶⁹ См.: *Малов С. Е.* Указ. соч., с. 33, 43.

чает, что спустя 21 год после военного поражения древнехакасским государством снова управлял каган, который, очевидно, поддерживал с тюрками мирные или союзнические отношения.

О самостоятельности древнехакасских владык в столь тревожные годы второй половины VII и первой половины VIII в. рассказывают материалы танских хроник. «Новая танская история» в разделе о государстве Хагас сообщает: «В царствование императора Гао-Цзун, 650—683, дважды приезжали к Двору. В правление Цзинлун, 706—711, представлены были местные произведения. Чжун-цзун позвал посланника к себе и сказал ему: «Ваш царствующий Дом происходит из одного со мною рода (танская династия происходила от степного тюркского рода), и я отличаю его от прочих вассалов». В царствование государя Сюань-цзун, 713—755, были четыре посольства с местными произведениями. В правление Кянь-юань, в 758 году, «ойху (уйгуры) завоевали сие государство; после сего хягасские посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство»⁷⁰.

Как видим, уйгурский поход 758 г., когда было разбито 50-тысячное войско хакасов, танские хроники отмечают, как определенный рубеж, прекративший внешние сношения древнехакасского государства со средневековым Китаем на 85 лет. Но это случилось уже после того, как в 744 г. был убит последний восточнотюркский каган Озмиш и второй Тюркский каганат как государство погиб безвозвратно. Начался уйгурский период в истории Центральной Азии — эпоха существования Уйгурского каганата (745—840).

* * *

Что можно сказать о содержании раннего периода древнехакасской государственности в VI—VIII вв.? Исторические и археологические источники для этого периода чрезвычайно скудны. Судя по тому, что правителей древнехакасского государства письменные источники называют в VI—VII вв. то «старейшинами», то «сылифа» (т. е. эльтебер. — Л. К.), то местными титулами (ажо, бег, хан), следует заключить, что в начальный период сильная государственность складывалась постепен-

⁷⁰ Бичурин Н. Я. Указ соч., т. 1, с. 355.

но. Рунические надписи VIII в. различают два типа народов: народ с эльтебером (эльтеберлиг будун) и народ с каганом (каганлыг будун); титул эльтебер стоял ниже титула каган.

Несомненно, что по традиции предшествующего таштыкского периода государством управляли представители одного и того же местного аристократического рода кыргызы (в рунических текстах — кыркызы). Поэтому памятники восточных тюрков называют все население государства «кыркызским народом» (qyrqyz budun), а страну — «кыркызской землей» (qyrqyz jār), или «Кёгменской (т. е. Саянской.—Л. К.) страной (Kögmän jir sub).

Население еще с гуннского времени было организовано по военно-административному принципу. Оно было распределено по десяткам, сотням и тысячам. Такой вывод подтверждает тот факт, что все могильники знати, так называемые чаатасы VI — начала IX в., были сооружены на старых таштыкских кладбищах, обычно состоящих из склепов. Этим древнехакасская знать не только утверждала свое происхождение от знати таштыкского времени, но и поддерживала территориальную преемственность расселения военно-административных единиц прошлых веков.

Наличие подобной военно-административной системы, построенной уже по феодальному территориальному принципу, свидетельствующему о более прогрессивном устройстве общества, нежели архаичное раннеклассовое деление, подтверждают и письменные источники XII—XIII вв., повествующие о древних хакасах.

Это значительно проясняет те сведения источников X в., в которых общество древних хакасов VI—VIII вв. изображается как диктатура военных: «В их государстве великий командующий называется Хэси-бей, следующий (по чину) называется Ацжюйшэби-бей, следующий называется А-ми-бей. (Эти) три человека вместе управляют. В их государстве правительственные чиновники имеют должности цзайсяна (министра.—Л. К.), ду-ду (тутука — Л. К.), затем звания цзян-цзюня (воеводы.—Л. К.), дацзя (тархана.—Л. К.)».

Таким образом, енисейское общество VI—VII вв. было классовым, находящимся, очевидно, на раннем этапе становления феодальной системы производства при несомненном наличии рабовладельческого уклада в крупных хозяйствах (повествуя о тюркоязычных обитателях

Восточных Саян, танский хронист пишет: «Хягасы ловят их и употребляют в работу»). Основу составляло мелкое частное хозяйство комплексного направления (земледелие, скотоводство, горное дело и металлургия, охота, рыболовство и бортничество). Судьбами крестьян, ремесленников и скотоводов распоряжался военный предводитель: десятник, сотник, тысячник и темник. Все общественное устройство было нацелено на постоянную борьбу с внешними врагами, которых в те века было немало. Успешно развивались черная металлургия, кузнечное и литейное ремесла.

Древнехакасское государство, следовательно, сложилось как государство раннефеодального типа. Оно накопило высокий экономический потенциал и крупные военные силы к самому началу VIII в. (между 693 и 709 гг.), когда произошло следующее событие: каган и правители второго Восточнотюркского каганата вынуждены были по соглашению признать мощь молодого древнехакасского государства и объявить его равным себе каганатом, правителя его Барс-бега признать каганом, а сыновей его — тегинами. В надписи врага кыргызов Тоньюкука, официальном тексте, рассчитанном на прочтение его многими тюрками, есть место, где говорится о тройственном союзе врагов второго каганата тюрков. Там «кыргызский сильный каган» поставлен по политическому статусу в один ряд с «каганом народа табгач» (т. е. с императором танского Китая) и «каганом (народа) «десяти стрел» (т. е. с правителем всех западных тюрков Средней Азии).

Это факт чрезвычайной важности. Несмотря на отсутствие дополнительных материалов, он безусловно свидетельствует о высоком уровне социально-экономического развития древнехакасского государства в VI—VIII вв.

Свыше 75 лет назад Д. Н. Соколов, глубоко изучавший тамги башкир, казахов и других тюркоязычных народов, сопоставил их с известными в то время тамгами, обнаруженными при рунических енисейских надписях на донцах серебряных сосудов, изготовленных в VI—VIII вв. в древнехакасском государстве. Даже на этих довольно скромных материалах, отметив усложненность древнехакасских тамгообразных знаков, Д. Н. Соколов сделал совершенно правильный вывод относительно рода занятий и общественного строя их носителей: «Тамги на обоих сосудах настолько сложны, что не подходят

по своему характеру к родовым тамгам, особенно по способам удвоений: последние в тамгах родовых состоят просто из рядом поставленных тамг, каковы тамги аргынов и киргизских кипчаков; между тем тамги на сосудах удвоены более искусными способами, употребительными только у башкир, т. е. народа, употребляющего семейные тамги. Отсюда следует: тюрки, писавшие енисейским алфавитом в VII—IX веках, употребляли тамги как знаки собственности, о чем до сих пор было известно только по одному указанию китайских летописцев. Причем тамги эти были семейными, следовательно, племенам, употреблявшим их, не был свойствен в ту эпоху родовой быт и, по всей вероятности, они были оседлыми или полuosедлыми, подобно современным башкирам»⁷¹.

Это заключение Д. Н. Соколова было подтверждено нашими работами, основанными на обширных материалах по древнехакасским тамгам, собранным с эпитафий и наскальных пометок. И не только тамги VII—VIII, но и тамги IX—X вв. оказались личносемейными знаками крупных древнехакасских феодалов, владельцев земельных наделов, полученных ими от каганов на основе прав феодального вассалитета⁷².

Оседлость древних хакасов VI—VIII вв. подтверждается не только сообщением Таншу о том, что древние хакасы «зимою живут в избах, покрытых древесною корою», занимаются земледелием и ремеслом, но и материалами, происходящими из могильников VI—IX вв., так называемых чаатасов. В курганах культуры чаатас в составе жертвенной пищи неоднократно найдены остатки домашних свиней, чаще всего кости поросят⁷³. Как известно, ни кочевники, ни полукочевники

---

⁷¹ Соколов Д. Н. О башкирских тамгах. — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1904, вып. XIII, с. 17—18.

⁷² См.: Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. — СА, 1960, № 3; его же. О датировке памятников енисейской письменности. — СА, 1965, № 3; его же. Новый памятник енисейской письменности. — СЭ, 1965, № 2; его же. О древнехакасских личных тамгах. — Проблемы истории Хакасии. Абакан, 1979.

⁷³ Копёнский чаатас, курган № 5 (Евтюхова Л. А. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее. — ТГИМ. М., 1938, вып. VIII, с. 118); Ср.: Кызласов Л. Р. Древнехакасская культура чаатас VI—IX вв. — Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 46—52.

свиной не разводили. Среди курганов чаатасов отчетливо выделяются как курганы рядового свободного населения, так и склепы знати, которые считаются бегскими. Это семейные могилы, ибо вместе с мужчинами здесь же, нередко под одной насыпью, захоронены жены и дети. Если умерших взрослых по обычаям древних хакасов, непременно сжигали и хоронили лишь их пережженные кости, то малолетних детей (очевидно, как еще безгрешных) погребали иначе — по обряду труположения. Распространение могильников типа чаатас свидетельствует о существовавшем в то время территориальном расселении военно-административных групп во главе с бегами-военачальниками: тысячниками и темниками.

3. Древние уйгуры и хакасы

Древние уйгуры, один из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии, происходили из группы племен телэ. Уже в конце IV в. предки телэ становятся известны как скотоводы, жившие разрозненно родовыми группами в степях к северу от пустыни Гоби. Они были «храбры и сильны», искусны в «конной стрельбе из лука», а также ездили на телегах с высокими колесами, за что и назывались «гао-цзюй» (буквально «высокотележные»). После завоевания Центральной Азии в 552—555 гг. вышедшими с Алтая тюрками-тугю уйгуры оказались в их подчинении. Летопись Таншу сообщает, что тюрки «их силами геройствовали в пустынях севера»⁷⁴.

В период восточнотюркских каганатов особенно сильными были уйгуры, которые жили в бассейне реки Селенги. Начиная с 606 г. уйгуры, во главе которых стоял род Яглакар, неоднократно пытались освободиться от зависимости тюрков-тугю и создать свое государство, но эти попытки не увенчивались успехом. Только после смерти в 734 г. последнего сильного кагана восточных тюрков Бильге-кагана, когда второй Восточнотюркский каганат, раздираемый внутренними противоречиями, переживал глубокий кризис, уйгуры особенно усилились. Они возглавили объединение племен Центральной Азии, враждебных тюркам-тугю. Наиболее сильными их союзниками были тюркоязычные карлуки, жившие в это

---

⁷⁴ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 213—219, 301—308.

время между Алтаем и озером Балхаш. После убийства последнего восточнотюркского кагана в начале 745 г. эта борьба завершилась окончательной победой уйгуров, которые стали полными хозяевами Центральной Азии. Так возникло новое государство — Уйгурский каганат (745—840).

Главу государства уйгуры называли каганом. Основные должностные лица также носили тюркские титулы. Первым каганом, руководившим борьбой за создание государства уйгуров, был Пэйло, происходивший из правящего рода Яглакар. Уже при нем территория каганата расширилась от Алтайских гор до современной Маньчжурии. После Пэйло каганом стал его сын Моюн-чур (746—759), который был смелым и искусным полководцем. Он продолжал завоевательную политику отца, укреплял государство и завязал оживленные сношения с Китаем, во главе которого в тот период продолжала стоять династия Тан. В течение четырех лет (756—759) в Китае бушевало восстание, носившее в значительной степени антифеодальный характер. Его возглавили проживавшие в пограничных провинциях, переселившиеся в Китай в IV—VI вв. из Средней Азии согдийские колонисты.

Моюн-чур заключил с танским двором договор, по которому уйгуры для борьбы с мятежниками выставили большую армию. Объединенные войска кагана и императора сумели подавить восстание. За эту услугу уйгуры ежегодно получали от Китая десятки тысяч кусков шелковых тканей и различные предметы роскоши. Но это не помешало уйгурам разграбить восточную столицу Танской империи город Лоян. Моюн-чур получил от императора официальное признание и пышный титул. В знак «мира и родства» танский император дал ему в жены свою дочь.

Моюн-чур и верхушка уйгурского каганата были озабочены укреплением своих северных тылов. Для этого необходимо было ликвидировать угрозу со стороны наиболее сильных северных соседей — древних хакасов, проживавших в Хакасско-Минусинской котловине к северу от Саянских гор, и их союзников-тюркоязычных чиков, живших на территории современной Тувы⁷⁵.

---

⁷⁵ См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 50—53.

О ходе борьбы уйгуров с северными соседями известно не только из косвенных сведений исторических хроник, но и из надписи уйгурского памятника, который содержит важнейшие данные для понимания событий того времени. Таким памятником является каменная стела с надписью на орхонском алфавите, поставленная в честь кагана Моюн-чура в 758 г. уйгурами на реке Селенге⁷⁶.

По данным этого памятника, территория Тувы была завоевана уйгурами в 750—751 гг.; для этого им пришлось воевать с жившими там чиками. Отсюда следует, что после падения восточных тюрков-тугю в 745 г. власть в Туве перешла к местным племенам, которых возглавляли чики. Чики находились в союзнических отношениях со своими северными соседями — древними хакасами. Их союз был основан на стремлении народов бассейна Енисея препятствовать захвату родных земель приходившими периодически, сменяя друг друга, завоевателями из Центральной Азии. На этот раз ими были уйгурские войска под предводительством Моюн-чура, от имени которого в посвященном ему памятнике говорится: «В год Тигра (750) я пошел в поход против чиков. Четырнадцатого числа второго месяца сразился я у реки Кем (теперь Улуг-Хем.— Л. К.). В тот же год (чики) подчинились...» Из этих слов становится ясным, что борьба уйгуров с чиками была упорной и, очевидно, кровопролитной. Будучи свободными в течение коротких пяти лет, чики ожесточенно боролись против новых захватчиков. Недаром скупые строки памятника сообщают, что каган был вынужден провести в Туве целое лето, строить во враждебной среде свои лагеря и опорные военные крепости, устраивать «моления высшим богествам», испрашивая победу над новой землей, и в знак закрепления сооружать каменные столбы с вырезанными на них грозными надписями, силу приказов которых подтверждают выбитые на них личные тамги кагана. «Там я распорядился устроить свой лагерь и дворец, там я заставил построить крепостные стены, там я провел лето, там я устраивал моления высшим богествам. Мои тамги и мои письма я там приказал сочинить (и врезать в камень)».

⁷⁶ См.: *Ramstedt G. I. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei.* — *Journal de la Société Finno-ougrienne*, XXX, 3. Helsinki. 1913; см. также: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.

Только глубокой осенью 750 г. Моюн-чур, оставив в Туве охранные гарнизоны, продвинулся на восток, на реку Орхон, для того чтобы сразу же двинуться в поход против татар. Однако осенью 751 г. кагану пришлось принять срочные меры для того, чтобы удержать территорию Тувы в своей власти.

Дело в том, что в течение года сложилась антиуйгурская коалиция племен Саяно-Алтайского нагорья, состоявшая из живших на Иртыше карлуков, оставшихся тюрков-тугию и древних хакасов. К роду кыргызов, возглавлявшему древнехакасское государство, тюрки направили специальных послов с призывом выступить против уйгуров и поднять на восстание чиков, понавших под власть уйгуров. Древнехакасский хан, согласившись с предложениями тюрков и карлуков, направил в Туву разведчиков и быстрые «летучие отряды» конницы, чтобы поднять восстание своих союзников — чиков. Это предприятие постигла неудача из-за предательства нескольких тюркских бегов, которые успели обо всем доложить кагану уйгуров. Уйгуры сумели перехватить древнехакасских разведчиков, напали и рассеяли их «летучие отряды». В памятнике Моюн-чура об этом сказано так: «Смотрите, хан киргизский проживает на краю Кёгменских гор в своем жилище, (говорят), он послал свои летучие отряды в сторону своих союзников, а на его летучие отряды мои люди уже напали, (говорят), и его разведчиков задержали...» Осенью 751 г. Моюн-чур с большим войском вновь появился в Туве, переправился через Кем, прошел на запад и в битве у реки Болучу, на левом берегу Иртыша, разгромил войско карлуков. В это время, когда результат похода уйгуров на карлуков еще не был известен, с опозданием и в одиночку восстали чики, которые были жестоко усмирены специальным тысячным отрядом, посланным в Туву каганом.

Так закончились попытки населения Верхнего Енисея вернуть себе желанную свободу и так начался уйгурский период в истории Тувы. В Терхинской надписи того же Моюн-чура новые границы определены так: «По Алтунской черни (Алтай. — Л. К.) западную границу, по Кёгмену (Саянам. — Л. К.) северную границу защитай!»

Бассейн Верхнего Енисея и прилегающая к ней часть современной Западной Монголии стали северо-западны-

ми окраинами уйгурского государства⁷⁷, районами, имеющими для уйгуров важнейшее стратегическое значение, так как обладание ими позволяло уйгурам обезопасить себя от нападения наиболее сильных соседей: древних хакасов (с родом кыргызов во главе), алтайских тюрков и карлуков, живших в то время на территории современного Восточного Казахстана. Кроме того, обладание этим районом давало уйгурам доступ к важнейшим источникам рудного и металлургического сырья.

Для того чтобы окончательно закрепиться в Туве, каган, как повествует памятник Моюн-чура, прожил здесь в специально построенной крепости зиму и лето 752 г. Все это время шло строительство оборонительных укреплений, формирование гарнизонов, разработка системы управления завоеванным населением. Для управления Тувой от имени кагана был поставлен военный наместник с титулом «тутук». Тутуку подчинялись управители отдельных районов, носившие титулы «ышбаров» и «тарханов», а также сборщики дани с покоренного населения. «Народу чик я дал тутука, ышбаров и тарханов я тогда утвердил»⁷⁸. Вся военно-административная верхушка, опираясь на уйгурские охранные войска, размещенные в Туве особыми военными поселениями, в случае необходимости получала подкрепления из центральных областей древней Уйгурии.

Однако древние хакасы, жившие за Саянским хребтом, являлись постоянной угрозой для уйгуров, и поэтому в Туве по приказу кагана был подготовлен поход за Саяны для разгрома хакасов и присоединения их государства к владениям уйгуров. Этот поход был осуществлен в 758 г. Памятник Моюн-чура об этом событии не говорит, так как он был сооружен ранее; только летописи кратко сообщают о том, что государство хакасов было завоевано уйгурами, а хакасский владетель получил от уйгурского кагана особый титул.

Временное поражение не привело к включению территории Хакасско-Минусинской котловины в состав каганата⁷⁹. Дело ограничилось лишь номинальным признанием верховной власти уйгуров, причем управителем в древнем государстве хакасов остался все тот же хан, по-

⁷⁷ См.: *Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись.— СТ, 1980, № 3, с. 92.

⁷⁸ *Малов С. Е.* Указ. соч., с. 41.

⁷⁹ *Бартольд В. В.* Соч., т. II, ч. 1, с. 487.

лучивший на это право (очевидно, ценой откупа в виде дани) вместе со специальным титулом от Моюн-чура.

Это подтверждается известным сообщением 800 г. о том, что северная граница государства уйгуров проходила по Саянскому хребту. В энциклопедическом сочинении Тун-дянь («Общее уложение», гл. 200, автор Ду Ю; годы жизни: 733—812 гг.) говорится об Енисее как главной реке, пересекающей страну хакасов: «Это большая река, которая вытекает с севера (страны) хой-хэ (уйгуров) через ущелье горного хребта»⁸⁰.

Начатое при Моюн-чуре в Туве в 750—752 гг. крупное строительство городов, крепостей и укреплений в виде длинных глинобитных стен продолжалось и после уйгурско-хакасской войны 758 г. Нами изучены в Туве остатки семнадцати крепостей, окруженных по четырехугольнику глинобитными стенами, и двух глинобитных бастионов. Все уйгурские крепости расположены стратегически продуманно, по одной дугообразной линии, обращенной выпуклостью к северу, в сторону Саянского хребта, прикрывая центральные, наиболее плодородные районы Тувы и всего Уйгурского каганата от возможных вторжений беспокойных северных соседей — древних хакасов. Крепости расположены цепочкой по долине реки Хемчик, начиная от его верховьев, заходят в долину реки Чаадан, тянутся к устью Ак-Суга и затем по левобережью реки Улуг-Хем (Енисей) до его левого притока — долины реки Барык. По этой же линии (от поселка Тээли к городищу Эльдег-Кежиг на Барлыке, по долине Хемчика и далее на Чаа-Холь и, наконец, к берегу Улуг-Хема в районе Старого Шагонара) проходят отрезки длинной глинобитной стены, со рвом с северной стороны. Стена была сооружена в местах, не имеющих естественных горных преград. Она связывала городища-крепости, образуя единую оборонительную систему, направленную против вторжений в каганат с севера⁸¹.

⁸⁰ Hirt F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk.— В кн.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. СПб., 1899. В другом источнике конца X в. повторено, как анахронизм: «Это государство... имеет реку, которая из Хуйгу (из страны уйгуров) течет на север и переходит через горы» (Кюнгер Н. В. Указ. соч., с. 57).

⁸¹ См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 59—63; его же. Древняя Тува. М., 1979, с. 145—158; Кызласов И. Л. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века.— СА, 1979, № 3, рис. 4; ср.: Кызласов Л. Р. Культура древних уйгур (VIII—

Четыре крепости (на Эдегее, при устьях рек Алаш и Ак-Суг) вынесены на левый берег Хемчика, кроме того, въезд в Туву из-за Саянского хребта с севера, по самой удобной Арбатско-Манчурекской тропе, был «заперт» двумя глинобитными бастионами, сооруженными уйгурами возле брода через горную речку Манчурек. Создание монументальных архитектурных сооружений с целью обороны северной границы уйгурского государства потребовало огромных затрат и участия в строительстве значительного количества людей на протяжении нескольких десятков лет. Все это особенно наглядно показывает, какую силу представляло собой во второй половине VIII в. древнехакасское государство и какую опасность оно несло Уйгурскому каганату.

Уйгурское господство в Туве, начавшись в 750 г., продолжалось до 840 г., т. е. до времени падения их каганата в Центральной Азии. Но в начале IX в. государство древних хакасов настолько окрепло, что возглавлявший его хан вновь объявил себя каганом. Это вызвало затяжную войну между древними хакасами и уйгурами, которая, начавшись около 820 г., продолжалась двадцать лет. На протяжении этого времени степи Тувы неоднократно становились ареной ожесточенных битв, так как древние хакасы старались изгнать уйгуров из этой страны, ставшей основным северным оплотом каганата и в то же время являвшейся ключевой позицией к выходу хакасов на просторы Центральной Азии, где находилось сердце древней Уйгурии.

4. Древние хакасы, кыргызы и киргизы

Государство у древних хакасов, живших в Хакасско-Минусинской котловине, возникло в VI в. Хакасы делились на ряд этнических групп, входивших в одно государство, но еще различающихся между собой и по происхождению, и по языку. Ядро их составляли отюреченные местные племена и древняя немногочисленная тюркоязычная этническая группа гяньгуней-кыргызов (цзяньгунь), переселившаяся на земли к северу от Саян из Северо-Западной Монголии через Туву в период с конца III до середины I в. до н. э. Левобережье Ха-

---

IX вв.).— Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 52—54, рис. 30—32.

каско-Минусинской котловины и Северный Алтай населяли с древности угорские этнические группы, а правобережье котловины, Западные и Восточные Саяны — самодийские и кетоязычные племена⁸².

✓ В VI—VIII вв. в исторических источниках для обозначения населения Хакасско-Минусинской котловины появляются термины *хакас* и *кыргыз*. Термин *хакас* встречается в китайских источниках и возникает после того, как, по свидетельству «Синь Таншу» и «Таншу хечао», гяньгуньские «племена смешались с динлинами»⁸³ или, как уточняется, «их (цзяньгуней.— Л. К.) племя смешалось с динлинами»⁸⁴. В различных сочинениях от периода Тан до энциклопедий XVIII в., в зависимости от старого или современного чтения слагающих его нероглифов, этот термин звучит по-разному: то как *хакас*, *хягас*, то как *сяцзясы*, *сягэсы*, *хэгэсы* и т. п. При этом *сяцзясы* есть современная транскрипция термина *хакас*, *сягэсы* равняется *хагас* и т. д. Чтение *хакас* отстаивали западноевропейские синологи конца XVIII — начала XIX в. (К. Висделу, Ю. Клапрот, И. Абель-Ремюза, И. Дюгальд, В. Шотт и др.). Оно же было принято большинством русских ученых XIX — начала XX в. (В. П. Васильев, П. И. Кафаров, В. В. Радлов и др.). Н. Я. Бичурин читал *хагас* или *хягас*⁸⁵.

Современные синологи не едины в чтении древних нероглифов. Например, Б. Карлгрен разъясняет их написание совсем иначе, чем Пуллебланк и другие ученые⁸⁶.

---

⁸² См.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, с. 161—190; *его же*. К вопросу об этногенезе хакасов.— Уч. зап. ХНИИЯЛИ. Абакан, 1959, вып. VII, с. 70—92.

⁸³ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 350—351; Кюнер Н. В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв.— Зап. ХНИИЯЛИ. Абакан, 1951, вып. II, с. 4.

⁸⁴ Кюнер Н. В. Указ. соч., с. 281.

⁸⁵ Подробнее см.: Кызласов Л. Р. Взаимоотношение терминов *хакас* и *кыргыз* в письменных источниках VI—XII веков.— Народы Азии и Африки, 1968, № 4; *его же*. Еще раз о терминах «*хакас*» и «*кыргыз*».— СЭ, 1971, № 4. Незнанием истории вопроса можно объяснить предположение С. Е. Яхонтова: «Основанием для прочтения *хягэсы* как *хакас*, вероятно, послужила форма *ХАГАС*, которой пользуется Н. Я. Бичурин» (Яхонтов С. Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз».— СЭ, 1970, № 2, с. 118).

⁸⁶ См.: Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen. — SAJ, Wiesbaden, 1973, v. XVII, N 1, S. 6.

По данным Б. Карлгрена, иероглиф *ся* в кантонском диалекте до сих пор читается как *ха*, *цзя*-ка и *сы*-сы или *цзи*. Согласно Н. В. Кюннеру, предпочтительнее старинное чтение *хакас* вместо современного *сяцзясы*⁸⁷. В статье С. Е. Яхонтова не признается чтение *хакас* в качестве реконструкции *хягясы* (*сяцзясы*) и утверждается, что *хягясы* — это одна из транскрипций термина *кыргыз*. Однако истолкование С. Е. Яхонтова было отвергнуто Н. Ц. Мункуевым, указавшим, что допущения С. Е. Яхонтова и его реконструкция *кыргыз* «недостаточно обоснованы. По-видимому, для *сяцзясы* надо предположить исходное *гакас* (с учетом ассимиляции)», и далее Н. Ц. Мункуев отсылает читателей к нашей статье о терминах *хакас* и *кыргыз*⁸⁸.

Таким образом, нет оснований соглашаться с разъяснением С. Е. Яхонтова. Представляется более надежным чтение большинства как западноевропейских, так и отечественных синологов (Н. Я. Бичурин, П. И. Кафаров, Н. В. Кюннер, Н. Ц. Мункуев и др.)⁸⁹. Нельзя не заметить, что чисто лингвистический комментарий терминов без исторического подхода, учитывающего условия, среду, время и место их употребления, к сожалению, может оказаться малозначимым.

Термин *хакас*, правильно употреблявшийся в историографии, являлся местным самоназванием, так как в транскрипции составляющие его иероглифы употреблены исключительно в фонетической роли и поэтому варьируются, утрачивая присущий им собственный смысл. Так, китайцы транскрибируют лишь чужеземные слова⁹⁰. О местном происхождении термина *хакас* прямо

⁸⁷ См.: *Karlgren B. Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese*. Paris, 1923, N 136, 346, 807—811; *Кюннер Н. В.* Указ. соч., с. 25.

⁸⁸ См.: *Яхонтов С. Е.* Древнейшие упоминания названия «киргиз». Ср.: «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар»). Пер. с китайского, введение, комментарий и приложения Н. Ц. Мункуева, М., 1975, с. 128.

⁸⁹ Некоторые современные синологи также употребляют только термин *хакас* [см.: *Очерки истории Китая / Под ред. Шан Юэ*. М., 1959, с. 241, 355; *Моржанов В. М.* Из истории взаимоотношений уйгуров с Китаем в IX веке (по китайским источникам). Девятая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1978, ч. 1, с. 187].

⁹⁰ Ошибкой является утверждение, что термин *хакас* имеет китайское происхождение (см., например: *Карпов В. Г.* Хакасский язык.— В сб.: *Тюркские языки. Языки народов СССР*. М., 1966,

говорит «Таншу хэчао»: «Впоследствии северные варвары в своем языке ошибочно (с точки зрения китайского историографа.— Л. К.) сделали хакас (сяцзясы), ибо уйгуры, говоря о них, как бы называли: желтокраснолицые»⁹¹.

В «Тан хуйяо» хронист указывает: «Спрашивали у переводчиков, и те сказали, что хягя имеет значение «желтая голова, красное лицо». Видимо, уйгуры называют их так. Но ныне посол (хакасов.— Л. К.) говорит, что они сами имеют это название. Не знаю, что правильно». Ссылка на истолкование местного самоназвания тюркоязычными толмачами — уйгурами, жившими при китайском дворе, показывает, что хакас как новое самоназвание народа ни китайцам, ни уйгурам не было понятно. Поэтому уйгуры прибегли к сомнительной народной этимологии. И это в то время, как термин *кыргыз* (кит. гяньгунь, цзяньгунь или гэгунь) был хорошо и давно известен и уйгурам, и в Китае.

Факты подобного рода, содержащиеся в источниках, не позволяют согласиться с утверждением С. Е. Яхонтова, что различные формы названий (гэгунь, гяньгунь, кигу, гегу, хэгусы, хягясы — сяцзясы), встречающиеся в разновременных хрониках (от рубежа III—II вв. до н. э. до XI в.), являются одним и тем же этнонимом термина киргиз и рассматриваются в источниках «как названия одного и того же народа (или государства)»⁹².

Историкам хорошо известно, что в гунно-сарматскую эпоху (III в. до н. э. — V в. н. э.) на всем протяжении евразийских степей, в том числе в Южной Сибири, произошли значительные изменения в этническом составе населения в связи с эпохальными событиями великого переселения народов. Гуннское нашествие на Саяно-Алтайское нагорье в конце III в. до н. э. привело к исчезновению до того процветавших археологических культур: уюкской в Туве, пазырыкской в Горном Алтае, тагарской на Среднем Енисее и в лесостепном Причумылье, большереченской на Верхней Оби.

т. II, с. 428; ср. сохранившееся название родовой группы *какас* в составе башкир: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 250, 271).

⁹¹ Кюннер Н. В. Новые китайские материалы..., с. 14; его же. Китайские известия..., с. 282.

⁹² См.: Яхонтов С. Е. Указ. соч., с. 110—111.

Именно в гунно-сарматскую эпоху фиксируется первое появление в Южной Сибири тюркоязычных племен, вступивших во взаимодействие и смешение с местными племенами, что привело к сложению новых этнических групп. Это нашло отражение сначала в сложении таштыкской культуры (I в. до н. э. — V в. н. э.) в Хакасско-Минусинской котловине и шурмакской культуры (II в. до н. э. — V в. н. э.) в Туве, а впоследствии привело к формированию первых раннесредневековых государств. В VI в. на Алтае, в Туве, в Центральной и в Средней Азии сложился первый Тюркский каганат, а в Причулымье и на Среднем Енисее — древнехакасское государство.

Следовательно, никакого «одного и того же народа (или государства)», как полагает С. Е. Яхонтов, на Енисее на протяжении огромного периода времени почти в 1300 лет (III в. до н. э. — XI в. н. э.) не было и не могло быть. Танские хроники точно отразили не только действительно происшедшие в конце I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э. этнические перемены, но и изменение самоназвания основного ядра населения Хакасско-Минусинской котловины.

Ли Дэ-юй, писавший в 40-х годах IX в., утверждал, что «сяцзясы являются потомками цзяньгунь»⁹³, а не самими цзяньгунями.

Западноевропейские, арабо- и персоязычные авторы, а также орхонские тюрки и селенгинские уйгуры не применяли термина *хакас*, а употребляли термин *кыргыз*. Его упоминает в VI в. византийский историк Менандр Протектор. О кыргызах повествуют и некоторые памятники орхонских тюрков⁹⁴. Каково же взаимоотношение терминов *хакас* и *кыргыз*?

Китайцы также знали термин *кыргыз*, который они еще в период Хань транскрибировали как гяньгунь (цзяньгунь), а затем (в XIII—XIV вв. и позднее) передавали гораздо точнее в форме цилицзисы (киргис), цзи-

---

⁹³ Супруненко Г. П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гун Хойчан ипинь цзи». — Изв. АН Кирг. ССР, серия обществ. наук. Фрунзе, 1963, т. V, вып. 1, с. 79.

⁹⁴ См.: Византийские историки. СПб., 1861, с. 379; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М. — Л., 1951, с. 36.

лицзисы (гиргис), хэлицзисы (хэргис или хыргис), циэргайсы (киргайс), циэргзисы и т. п.⁹⁵

С. Е. Яхонтов, к сожалению, игнорировал употребляющуюся в источниках форму цилицзисы, точнее всего передающую тюркоязычный термин *кыргыз*. Осталось неразъясненным, почему в китайской историографии не могла употребляться ни в ханьское, ни позднее в сунское и танское время эта форма, фонетически наиболее близко воспроизводящая иноязычный оригинал. Термин *кыргыз* (цзяньгунь) употреблялся хронистами в танское время совместно с термином *хакас* (сяцзясы) в одних и тех же источниках. Но они различали оба эти термина, например: в «Ю-ян цацзу» (VIII в.), в тексте Харабалгасунского памятника IX в.⁹⁶, в «Тайини хуаньюйцзи» (X в.), в «Синь Таншу» (XI в.), а позднее в «Таншу хэчао» (XVIII в.), в «Цзичжи тунцзянь» (XIX в.) и др.⁹⁷

В танских источниках указывается, что «Хакас есть древнее государство Гяньгунь», и после того, как «гяньгуньское племя смешалось с динлинами», «северные варвары в своем языке ошибочно (с точки зрения историографа.— Л. К.) сделали хакас». Очевидно, что государство хакасов при династии Тан находилось на том же месте, где в период Хань размещалось «древнее государство Гяньгунь», что «хакас» — местный термин, не тождественный гяньгунь (киргиз), ибо в этом государстве жило разноплеменное население — гяньгунни после их смешения с местными племенами динлинов.

Записанное китайцами в VI—VII вв. чужеземное слово «хакас» нельзя считать транскрипцией тюркского слова «кыргыз», эквивалентом которого является гяньгунь (цзяньгунь) или цилицзисы.

Термин *хакас* в китайских хрониках по значению го-

---

⁹⁵ См.: Кюнер Н. В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв., с. 4, 5; Иакинф (Бичурин Н. Я.). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829, с. 40, 568; Кычанов Е. И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке.— ИАН Кирг. ССР, серия обществ. наук. Фрунзе, 1963, т. V, вып. 1.

⁹⁶ См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, III СПб. 1895, S. 289; Васильев В. П. Китайские надписи на Орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне.— Сб. ТОЭ. СПб., 1897, 3, с. 25.

⁹⁷ См.: Кюнер Н. В. Китайские известия..., с. 55—60; его же. Новые китайские материалы по этнографии, с. 4—5; Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 350—357.

раздо шире, чем термин *кыргыз* и точнее, ибо это имя действительно охватывало все разноязычные племена (в том числе и кыргызов), входившие в древнехакасское государство. Термин *кыргыз* не был и не мог быть само-названием всех племен, входивших в состав древнехакасского государства. Тюркоязычные кыргызы, будучи ядром, объединявшим и возглавлявшим разноязычные племена и роды (угорские, самодийские и тюркоязычные), входившие в одно государственное целое, продолжали оставаться малочисленными и в VI—XI вв. Свидетельством тому являются все известные сообщения об их численности.

В тексте памятника Кюль-тегина (VIII в.) при описании войны орхонских тюрок с кыргызами сказано: «Мы завели порядок в немногочисленном народе кыргызов»⁹⁸. А в «Синь Таншу» говорится, что «гяньгунь (кыргызы.— Л. К.) есть небольшой род», хотя там же указано, что все народонаселение государства хакасов в целом достигало «нескольких сот тысяч (человек)»⁹⁹. Это было сказано в 846 г., когда китайцы близко ознакомились с положением дел в древнехакасском государстве. Однако вступивший в тот год на престол император Сюаньцзун отказался внести в царскую родословную кыргызский род государей хакасов по причине его малочисленности и чтобы не усиливать его¹⁰⁰.

Из приведенных данных следует, что кыргызы были не особым народом, а аристократической родовой группой среди древних хакасов. Из их состава выходили беги, возглавлявшие каждую из древнехакасских групп. Старейшинами, ханами, а затем каганами в этом государстве становились люди из рода кыргыз. Кыргызы составляли феодальную княжескую верхушку в государстве древних хакасов так же, как это было с ними позднее в XVII, а затем и в XIX в. среди современных хакасов и тувинцев¹⁰¹.

---

⁹⁸ Малов С. В. Указ. соч., с. 39. Разъяснение С. Е. Малова в скобках — не первоисточник.

⁹⁹ У Бичурина (см.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 357) стоит «хягас», а в оригинале — «гяньгунь»; исправление см. Кюнер Н. В. Новые китайские материалы по этнографии, с. 10.

¹⁰⁰ Подробности см.: Кызласов Л. Р. Взаимоотношение терминов *хакас* и *кыргыз* в письменных источниках VI—XII веков.

¹⁰¹ См.: Бахрушин С. В. Енисейские киргизы в XVII в.— Научные труды. М., 1955, т. III, ч. 2, с. 176, 186, 190; Кызласов Л. Р.

Из-за главенствующей роли рода кыргыз в государстве, население которого составляли разноязычные родоплеменные группы, орхонские тюрки-тугу и уйгуры, некоторые западные историки называли все эти племена кыргызами. Поэтому некоторые современные историки именуют государство древних хакасов государством кыргызов, упуская из виду, что подавляющее большинство населения составляли не кыргызы. Однако без учета последнего обстоятельства невозможно изучать конкретную историю древнехакасского государства.

Доказательством того, что китайские источники VI—XI вв. под названием «хакас» понимали разноязычное население этого государства, а не только тюркоязычных кыргызов (которых они обособляли, как гяньгунь), являются языковые данные. В «Синь Таншу», «Тайпин хуаньюйцзи» и других источниках приведено сравнительно много древнехакасских слов. Их анализ свидетельствует, что наряду с определенно тюркскими в древнехакасском словаре имеются самодийские, которые частично были выявлены еще В. Шоттом¹⁰².

Среди древнехакасских слов имеются явно тюркские, по-китайски транскрибированные слова: «гань» (хам) — шаман; «бей» — бег; «кэхань» — каган; «ай» — месяц; «сымо» (сын) — марал; «меу-сзе» (мүс) — лёд; «со» (сол) — левый; «маоши» (наа чыл) — новый год и т. п. Но в то же время рядом с ними фигурируют и самодийские слова: «кяса» или «цзяша» (кысе)¹⁰³ — железо (а не тюркское «темир»); «мидичжита» (меади-миди) — место палатки; «Абу» — река Абакал (с явным самодийским топонимом «бу» — вода); «гуду» — ископаемые клыки мамонта, и др.

Даже титул государя (кагана) хакасов Ажо (ажэ) не является транскрипцией тюркского «каган» или «хан», а лишь самодийским: «аҕсе» (аджа) — отец в значении «отец страны». Нельзя не отметить, что С. Е. Яхонтов

К вопросу об этногенезе хакасов, с. 85—88; Карцов В. Г. К вопросу о классовом расслоении хакасов в середине XIX в.— Уч. зап. ХНИИЯЛИ, вып. VII, с. 111—112; Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. М.—Л., 1934, с. 73.

¹⁰² См.: Schott W. Über die ächten Kirgisen. — Abhandlungen der Königlich Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Berlin, 1865, S. 442.

¹⁰³ См.: Прокофьев Г. Н. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов.— Известия Ленинградского гос. университета. Л., 1930, вып. 2, с. 370.

Заблуждается относительно трактовки и этого титула. Исходя из исторической фонетики китайского языка, он заявляет, что «транскрипция ажэ» должна обозначать звуки, которые можно отождествлять «с тюркским титулом инал». Автору неизвестно, что не тюркский, а самодийский по происхождению титул ажо, верно транскрибируемый в китайских источниках VII—XI вв., сохранился в языке аборигенов в том же произношении до начала XVIII в. Он зафиксирован в форме «ажо»—«ожо» русскими документами в языке хакасов в качестве титула главного судьи — одного из представителей верховной власти¹⁰⁴. Поэтому ажо не может иметь ничего общего с титулом инал и историческая фонетика китайского языка здесь ни при чем.

Вероятно, приводимое в источниках название Енисея Гянь (Кян), которое нужно читать как Кем, происходит от самодийского «ке» или «кы» — река (ср. хакасское «Ким» — Енисей; тувинское и тофаларское «хем» — река; «Улуг-Хем» — Енисей, река Хемчик), так как в тюркских языках, кроме языков современных народов Саяно-Алтайского нагорья, такого термина в значении «река» или «вода» нет, а на территории самодийскоязычных селькупов имеются названия рек Кем и Кемчуг.

Из приведенных фактов можно сделать один вывод.

Итак, под хакасами китайские источники понимали разноязычное население древнехакасского государства в период VI—XI вв., часть которого была тюркоязычной (цзяньгуни — кыргызы и отюреченная часть местных племен), а другая — самодийскоязычной. Возможно, было распространено двуязычие. Очевидно, что в составе посланников и торговцев, приезжавших в Китай из государства древних хакасов, встречались люди, говорившие как на том, так и на другом языке. С их слов и были записаны танскими чиновниками древние тюркские и южносамодийские слова хакасов.

Историк Н. Н. Козьмин и известный тюрколог С. Е. Малов полагали, что термин «хакас» является передачей местного слова «карагас», а не «кыргыз». Специально занимавшийся этнической историей народов Сибири по китайским источникам синолог Н. В. Кюннер считал, что «наименование хагясы, по-видимому, не яв-

---

¹⁰⁴ См.: Козьмин Н. Н. Хакасы. Иркутск, 1925, с. 76—78; Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1882, кн. 1, № 15, 37.

Ляется транскрипцией имени кыргыз, для которого имеются более ранние транскрипции — гйегу, гйегунь, гьян-гунь». Позднее он прямо указывал: «Хакасы и кэргизы в монгольскую эпоху XIII в. могли означать различные группы (части) одного и того же народа»¹⁰⁵.

Итак, сохранный летописями термин «хакас» является местным термином. Как его расшифровать?

Как доказывают историки и лингвисты, термин «хакас» сохранился до настоящего времени. Так, С. В. Киселев отмечал, что «помещенное в китайской летописи наименование «хагас», по-видимому, отражает самоназвание населения Минусинской котловины, сохранившееся у качинцев, которые зовутся «хаас». Н. Г. Доможаков считал, что древнее «хакас» является ранней нестяженной формой наименования «хаас». А «хаас» есть самоназвание одной из групп хакасов, неточно по-русски называемых качинцами. В нестяженной форме «хакас» — «кахас» сохранилось в названии группы башкир¹⁰⁶.

Однако и древнее «хакас», и современная стяженная форма «хаас» не являются изначально тюркоязычными терминами, так же как и «карагас». Они не переводятся с тюркских языков. Первоначально эти термины самодийские. Г. Н. Прокофьев доказал, что термин «кас» — «хас» самодийский и употребляется в значении «человек, мужчина; люди». Он входит в самоназвание ряда самодийских племен, в древности распространившихся на север с Саяно-Алтайского нагорья («хасава» у ненцев и «каса» у энцев). По мнению Г. Н. Прокофьева, карагас переводится с самодийского как «журавлиные люди»¹⁰⁷. Добавлю, что местные для Хакаско-Минусинской котловины южносамодийские племена, ныне полностью отюреченные, но еще до XIX в. сохранявшие эле-

---

¹⁰⁵ См.: *Козьмин Н. П.* Хакасы; *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М. — Л., 1954; с. 7; *Кюнер Н. В.* Китайские историки-летописцы о хакасах. — Зап. ХНИИЯЛИ. Абакан, 1954, вып. 3, с. 121; ср.: *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха, с. 189, прим. 4, 6; *Кюнер Н. В.* Восточные урянхайцы по китайским источникам. — Уч. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1958, вып. VI, с. 203.

¹⁰⁶ См.: *Киселев С. В.* Из древней истории Хакасии. — Советская Хакасия, 1945, 24 августа; *Доможаков Н. Г.* О некоторых особенностях сагайского и хакасского (качинского) диалектов. — Зап. ХНИИЯЛИ. Абакан, 1956, вып. 4, с. 65; *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 250, 271.

¹⁰⁷ *Прокофьев Г. Н.* Этнология народностей Обь-Енисейского бассейна. — СЭ, 1940, т. III, с. 69—74.

менты родного языка, имели те же обозначения для слова «человек»: казы (моторы), куза (койбалы)¹⁰⁸ и хаса (камасинцы)¹⁰⁹.

Ядро хакасской группы хаасов составляют подразделения с наименованиями «хасха», в которые также входит этноним «хас». Этот этноним имеется и в названиях хааских групп, не являющихся родовыми: хара хаас, кӧк хаас, хыр хаас (черный, синий и седой хаасы). Часть граничащих с ними сагайцев называла себя: сагай-хаас.

Следовательно, этноним хаас, широко распространяясь среди современных хакасов, имеет древнее южно-самодийское происхождение, так же как и самоназвания ныне тюркоязычных, а прежде, как это исторически известно, в основном самодийскоязычных соседних с хакасами тофаларов — «карагасов» (роды «хааш» и «сарыг хааш», группы: ак-хааш, кӧк-хааш, хара-хааш), живущих по Восточному Саяну, и «кашинцев» (хааш) XVII в.¹¹⁰

Это доказывает, что основное ядро качинцев составили отюреченные в глубокой древности южные самодийцы, сохранившие до настоящего времени свое самоназвание, но уже в тюркской адаптации. «Хасха», т. е. качинцы, впервые упоминаются в «Юань ши» под 1293 г.¹¹¹ Древние черты языка качинцев позволяют сделать вывод, что процесс их отюречивания проходил еще в эпоху древне-хакасского государства в VI—XI вв. Во всяком случае, когда древние хакасы во второй половине IX в. включили в свое государство часть Западной Сибири, Прибайкалья, Туву и Северную Монголию, они, переселяясь на новые земли, перенесли туда и свое название. Поэтому оно сохранилось у их отдаленных потомков в самоназвании родо-племенных групп: у башкир (кахас), тофаларов (хааш), тувинцев, окинских сойотов и дархатов-монголов (хаасут). Хаасут (хаазут) та же стяжен-

¹⁰⁸ Словари 1806 г. Г. И. Спасского опубликованы в книге: *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, с. 289, 303.

¹⁰⁹ См.: *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien. Berlin, 1962, t. 1, S. 163.

¹¹⁰ См.: *Катанов Н. Ф.* Поездка к карагасам в 1890 году.— ЗРГО по отделению этнографии. СПб., 1891, XVII, 2.

¹¹¹ По переводу В. Н. Казина (см.: Уч. зап. ТНИИЯЛИ, вып. VI, с. 200). Транскрипция Е. И. Кычапова — «хэсыхэ» (см.: *Кычанов Е. И.* Указ. соч., с. 61).

ная форма от хакас, только оформленная ныне аффиксом монгольского множественного числа. Только у башкир сохранилась древняя нестяженная форма — кахас. По тем же историческим причинам у башкир, тувинцев, бурят-булагатов, дархатов-монголов и даже якутов имеются также группы кыргыс (хиргис), ибо в составе древних хакасов переселялись в Западную Сибирь к Уралу, в Прибайкалье, Туву и Монголию и представители древнего рода кыргызов. Потому же, вероятно, только хакасы, тувинцы, алтайцы, монголы и башкиры знают горловое пенне.

В самом термине *хакас*, таким образом, содержится первое свидетельство наличия «касских», т. е. южносамодийских, этнических групп. Древность их обитания доказывается самодийской топонимикой на Саянском хребте¹¹².

Появление термина *хакас* в письменных источниках VI—XI вв. в качестве названия государства и народа свидетельствует, что в древнехакасском государстве наряду с постепенно отюречивающимися угорскими и южносамодийскими родовыми группами сложилось новое тюркоязычное ядро местных племен (в него входили и кыргызы).

Кыргызы VI—XII вв. представляли собой не особый народ, а издревле смешанный из-за брачных связей с другими родами аристократический род, входивший в тюркоязычное ядро древних хакасов, от которого он ничем уже не отличался в этническом и культурном отношении, за исключением сохранения своего древнего самоназвания. Поэтому слово «кыргыз» (в особенности в том понимании, которое в него вкладывали персидские и арабские источники) выступает не как этнический, а как политический термин. Сам факт возглавления государства родом кыргыз приводил к тому, что все входившее в него разноязычное население некоторыми автора-

---

¹¹² См.: *Қызласов Л. Р.* К вопросу об этногенезе хакасов, с. 73—74; *Дульзон А. П.* Дорусские топонимы Средней Сибири.— Вопросы географии. М., 1966, сб. 70, с. 45; *Кузев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 250, 271, 360, 361. Ср.: *Бикбулатов Н. В.* Башкирская терминология и система родства как этногенетический источник.— АЭБ. IV, Уфа, 1971; *Иванов М. С.* Предания о роде кыргыс.— Мифология народов Якутии. Якутск, 1980; *Ксенофонов Г. В.* Эллада. М., 1977, с. 45, 53; *Окладников А. П.* Якутия до присоединения к Русскому государству — История Якутской АССР. М.—Л., 1955, т. 1, с. 340—341.

ми также ошибочно называлось кыргызами. Наше мнение подтверждает, например, такой известный источник X в., как персидское сочинение «Худуд ал-Алам». В нем к кыргызам отнесены подчиненные им, но заведомо не кыргызские по происхождению и языку племена фури (куруканы Прибайкалья) и кесим (древнехакасские кыштымы). Вот текст в изложении В. В. Бартольда: «Есть народ фури, также из киргизов, к востоку от них; они с другими киргизами не смешиваются; они людоеды, безжалостные; языка их другие киргизы не понимают... Есть народ кесим, из киргиз, в горах... Есть другой народ из киргизов, язык которого ближе к языку карлуков»¹¹³. Очевидно, что в источниках подобного рода кыргызы — явно политический или же географический, точнее государственный, но никак не этнический термин.

Институт аристократического рода имел большое значение в истории племен и народностей Центральной Азии и Сибири. Его нельзя не учитывать при восстановлении исторического прошлого.

Карл Маркс писал: «Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся в результате смешения победителей с покоренными племенами...»¹¹⁴. Без понимания этого положения К. Маркса невозможно воссоздать историю развития классового общества и государства в Центральной Азии и Сибири, нельзя раскрыть особенности социально-экономических отношений общества и его политической структуры.

Письменные источники постоянно упоминают аристократические роды у различных племен и народностей, начиная с государства гуннов. Например, Рашид-ад-дин (XIV в.) писал о монголах: «Слово монгол стало именем их рода, и это название переносят (теперь) на другие народы, которые похожи на монголов, потому что начало обобщения сего слова (с другими народами) произошло с эпохи монголов». И далее: «Вследствие благоденствия Чингисхана и его рода, поскольку они суть монголы, — (разные) тюркские племена... из-за самовосхваления называют себя (то же) монголами, несмотря

---

¹¹³ Бартольд В. В. Соч., ч. I, с. 494.

¹¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 465.

на то что в древности они не признавали этого имени»¹¹⁵.

Ясно, что даже в период становления и развития классового общества, когда община у народов Центральной Азии давно уже стала по своему экономическому базису не родовой, а сельской, все же было принято называть поповские в зависимости, различные по этническому происхождению племена и группы по имени господствующей привилегированной группы. Так случилось с центральноазиатскими киргизами, которые являются далекими предками современных киргизов Тянь-Шаня, но которые не были связаны в своем происхождении с енисейскими киргизами.

Наиболее ранними источниками по истории предков современных киргизов являются сообщения о центральноазиатских киргизах, относящиеся к XIII в. В то время, по данным «Юань ши», центральноазиатские киргизы жили на территории современной Монголии возле города Каракорума (Хэлинь) в долинах Орхона и Толы. Эти киргизы были подданными монгольской Юаньской империи. Совместно с тюркоязычными восточнокипчакскими племенами они составляли особую армию, которую возглавлял известный юаньский генерал кипчак Тутуха (тюрк. — Тутук), а после него — его прямые потомки.

Центральноазиатские киргизы не были родственны киргизам Енисея. Они, например, в 1293 г. в составе карательной армии Тутухи, действовавшей по приказу императора Хубилая, участвовали в подавлении восстания саяно-алтайских племен (при этом была захвачена и истреблена знать енисейских киргизов). Их даже поселяли в качестве военных поселенцев на полуопустошенной земле качинцев¹¹⁶. Центральноазиатские киргизы происходили из многочисленных тюркоязычных племен, которые обитали в Центральной Азии еще в периоды Тюркского (VI—VIII вв.) и затем Уйгурского (VIII—IX вв.) каганатов. В 840—847 гг. эти земли были захвачены древними хакасами, во главе которых стояли каганы и беги из рода киргизов. После того как восточные монгольязычные племена вытеснили древних хакасов из

¹¹⁵ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М. — Л., 1952, т. I, кн. I, с. 77, 102.

¹¹⁶ См.: Кычанов Е. И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке, с. 61—64; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 136—137.

Центральной Азии обратно на Енисей, бывшие подданные кыргызского кагана, центральноазиатские тюркоязычные племена в XII—XIII вв., восприняли имя киргизов. Затем они попали на феодальную службу к монгольским владыкам. Их происхождение определил среднеазиатский историк XVII в. Абул-Гази, опираясь на известные ему источники. По его данным, в монгольскую эпоху настоящих кыргызов на территории современной Монголии оставалось мало и их именем стали называть себя тюркоязычные и ассимилированные ими группы совершенно иного происхождения: «В наше время очень немного людей из этого рода. Монголы и другие племена, истребив киргизов в огне и воде, вступили в землю их и, оставшись тут жить, приняли имя киргизов. Они сами знают, из какого они рода».

Еще в 30-х годах XIX в. глубокий знаток истории Центральной Азии известный русский синолог Н. Я. Бичурин справедливо предупреждал историков: «Киргис есть название монгольскому (по занимаемой территории; надо: «тюркоязычному». — Л. К.) поколению, давно пропавшему, и сие поколение не надобно смешивать с кэргизами, обитающими ныне между Кашхаром, Мауриньяром и Бухарнею. Сей народ составляет орду, от турков происходящую».

Общезвестно, например, что имя тюркоязычных болгар, пришедших на Дунай с востока в VII в., восприняли их подданные балканские славяне, которые стали называться болгарами уже в середине IX в.¹¹⁷

Центральноазиатские киргизы впоследствии передвинулись на Тянь-Шань и явились основным компонентом в сложении современного киргизского народа¹¹⁸. Недавно выявлен важный источник, подтверждающий завершение этого процесса. По данным Махмуда ибн Вали (XVII в.), «в раджабе 1045 г. (декабрь 1635 — январь

---

¹¹⁷ См.: *Абуль-Гази*. Родословное древо тюрков. Пер. и предисл. Г. С. Саблукова. Казань, 1906, с. 38; *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960, с. 609, прим. 2; ср.: *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. М., 1980, с. 128, прим. 326.

¹¹⁸ См.: *Бартольд В. В.* Соч. М., 1963, т. 2, ч. I, с. 514; *Кызласов Л. Р.* О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня. — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Фрунзе, 1959, т. 3, с. 111—113, ср. с. 233; *Ахмедов Б. А.* К изучению политической истории Киргизии XV века. — Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 5.

1636 г.) двенадцать тысяч семейств киргизов, которые прежде обитали на широком просторе между Каракорумом и Керуленом... и проводили жизнь в неверии, невежестве и в заблуждении, прибыли через Каратегни в окрестность Гиссара...»¹¹⁹. Таким образом, не с Енисея, а из глубин Центральной Азии переселялись предки современных киргизов в Среднюю Азию.

Изучая историю своего народа, киргизские историки приходят к верным выводам о том, что нет никаких фактических данных о переселении киргизов Енисея па Тянь-Шань, что «сибирские киргизы не были этническим компонентом киргизской народности»¹²⁰. Новые материалы, выявленные А. А. Арзыматовым, позволили ему сделать вывод, что «современное население Хакасской автономной области несомненно является потомками древних киргизов, что подтверждают не только архивные источники, но и происхождение самого названия этого народа»¹²¹. Что касается происхождения и древней истории современного киргизского народа, то они продолжают оставаться неизвестными. Решение этих вопросов следует искать не в истории енисейских племен, а в истории восточных центральноазиатских кипчаков и примкнувших к ним тюркоязычных племен, проживавших в древности в степях между Алтаем на западе и Хинганом на востоке.

В свете приведенных фактов нельзя путать между собой ни многочисленных древних центральноазиатских киргизов (ставших основой для сложения современных киргизов), ни средневековых хакасов с их древним господствующим родом кыргыз (послуживших основой для этногенеза современных народностей Саяно-Алтайского нагорья, в том числе современного хакасского народа, сохранившего в своем составе род хырхыс). Было бы несправедливо также называть государство енисей-

---

¹¹⁹ СЭ, 1978, № 2, с. 179. Ср.: *Махмуд ибн Вали*. Море тайн относительно доблестей благородных. Пер. Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977.

¹²⁰ *Джамгерчинов М. Б.* Были ли сибирские киргизы этническим компонентом киргизской народности? — Труды Киргизского гос. университета, серия истор. Фрунзе, 1971, вып. XI, с. 11; *его же*. Из истории киргизской народности XVI — I-й пол. XVIII в. Авторефер. канд. дис. Фрунзе, 1972.

¹²¹ *Арзыматов А. А.* К вопросу о формировании хакасской народности. — УЗ исторического факультета Киргизского гос. университета. Фрунзе, 1964, вып. 8.

ских племен VI—XIII вв. по имени династийного правящего рода, а не по самоназванию большинства составившего его трудового населения, которое имеется в источниках. Создали это государство и населяли его в то время древние хакасы, и потому историческая справедливость обязывает нас называть его государством древних хакасов.

5. Древнехакасское государство в IX—XII вв.

В период господства уйгуров в Туве (750—840) древние хакасы вели с уйгурами непрекращавшуюся борьбу. Положение особенно осложнилось в начале IX в., когда хакасский хан, почувствовав себя достаточно сильным, объявил себя каганом. В сложившихся исторических условиях в Центральной Азии должен был быть лишь один каган. Каган уйгуров Бао-и около 820 г. начал войну с хакасами. Об этом событии сообщается в памятнике, поставленном в честь Бао-и в уйгурской столице Орду-Балыке на реке Орхон (ныне развалины Харабалгас). В иероглифическом тексте этого памятника говорится, что хакасы (гяньгуни) имели более четырехсот тысяч воинов, что уйгурский «чудесновостественный» каган разгромил это войско, убил хакасского кагана; «...коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами; государственные дела (Гяньгуньского владения) прекратились; на земле не стало живых людей»¹²². В согдийском тексте того же памятника сообщается только о двухстах тысячах воинов хакасского кагана, которых каган уйгуров «разогнал одной рукой во все направления друг от друга и взял его (хакасского кагана) государство»¹²³. Очевидная тенденциозность не позволяет доверять текстам этого памятника. И действительно, Таншу о том же событии сообщает: «Хойхуский хан (уйгурский каган) послал министра с войском, но сей не имел успеха. Хан двадцать лет продолжал войну».

Таким образом, в стране хакасов остались не только «живые люди», но сохранилось государство, имевшее

¹²² *Васильев В. П.* Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне.— Сб. ТОЭ. СПб., 1897, 3, с. 25.

¹²³ *Hansen O.* Zur soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasum.— Journal de la Société Finno-ougrienne. XLIV, 3. Helsingfors, 1930, S. 19—20.

такие силы, которые позволили ему после двадцатилетней кровопролитной войны ликвидировать Уйгурский каганат.

Естественно, для военной победы одного государства над другим необходимо было, чтобы хакасы к рубежу VIII—IX вв. высоко развили свой экономический потенциал. Им действительно удалось создать мощную базу по массовому производству оружия разных видов, конского снаряжения и разнообразного материально-производственного снабжения тех многочисленных войск, которые после разгрома основных сил уйгуров далеко преследовали их разрозненные отряды. Войскам хакасов пришлось пройти с боями на запад до Среднего Иртыша, на юг до городов Восточного Туркестана, на юго-восток до границ танского Китая и на восток до бассейна Амура.

Ф. Энгельс писал: «...насилие не есть просто волевой акт, а требует весьма реальных предпосылок для своего осуществления, в особенности — известных *орудий*, из которых болсе совершенное одерживает верх над менее совершенным, ... победа насилия основывается на производстве оружия, а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве вообще, следовательно... на «экономической силе», на «хозяйственном положении», на *материальных* средствах, находящихся в распоряжении насилия»¹²⁴.

По данным Худуд ал-Алам (X в.), относящимся к периоду древнехакасской экспансии в середине IX—X вв., кыргызы «несправедливы и безжалостны, отличаются воинственностью и склонностью к распрям; со всеми народами, которые находятся вокруг них, они воюют и враждуют». По сообщению Таншу, в уйгурско-хакасской войне верх одерживали хакасы. Их каган писал кагану уйгуров в те годы: «...твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя»¹²⁵.

Хакасы в этой борьбе, которая первоначально происходила на территории Тувы — крайнего северо-западного оплота уйгуров, выступали, очевидно, не одни. Их поддерживали многие племена Южной Сибири, в том

¹²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 170.

¹²⁵ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 355; МНКС. М., 1973, вып. 1, с. 43.

числе местные племена Тувы, жаждавшие освобождения от ига уйгурских феодалов. Эти племена издавна имели тесные дружеские связи со своими соседями — хакасами. Завоевание Тувы хакасами подразделяется на несколько этапов¹²⁶.

Полностью территория Тувы была освобождена в 840 г., когда хакаские войска, воспользовавшись внутренними распрями между уйгурскими феодалами, прорвались в Центральную Азию. Их армия вместе с войсками восставшего и присоединившегося к хакасам уйгурского полководца Кюлюг Бага-тархана составляла грозную силу в 100 000 воинов. Уйгурский каган был убит в сражении под столицей своего государства. Город Орду-Балык был разграблен и сожжен, что подтверждается не только сообщениями Таншу, но и археологическими обследованиями его развалин¹²⁷. Синь Таншу, как и Цзю Таншу, приписывает победу не хакасам, а полководцу Цзюй-лу мо-хэ (Кюлюг Бага-тархану): «Неожиданно вождь племени (по имени) Цзюй-лу мо-хэ объединился с ся-гэ-сы (хакасы.— Л. К.) и со 100 000 конницы атаковал уйгурский город. Убил кагана, казнил Цзюэ-ло-у (министра уйгурского кагана.— Л. К.) и сжег их столицу. Племена рассеялись»¹²⁸. Но в разделе о хакас сказано: «Полководец Гюйлу Мохэ привел Ажо (древнехакасского кагана.— Л. К.) в хойхусскую орду. Хан (каган уйгуров.— Л. К.) был убит в сражении, и его Дэлэ (тегинь.— Л. К.) рассеялись. Ажо под личным предводительством предал огню ханское стойбище и жилище царевны (т. е. города Орду-Балык и Хатун-Балык.— Л. К.). Хойхусский хан обыкновенно сидел в золотой палатке. Ажо забрал все его сокровища и в плен взял Тай-хо царевну...».

После этого разгрома значительная часть уйгуров (пятнадцать аймаков) во главе с министром Пан-тегином переселилась в Восточный Туркестан, где создала

---

¹²⁶ См.: *Кызласов Л. Р.* О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв.— Уч. зап. ХНИИЯЛИ. Абакан, 1960, VIII; *Кызласов И. Л.* Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века.— СА, 1979, № 3.

¹²⁷ См.: *Киселев С. В.* Древние города Монголии.— СА, 1957, № 2, с. 93—95; *Котвич В. Л.* Поездка в долину Орхона летом 1912 года. ЗВОРАО. СПб., XXII, 1—2, 1914.

¹²⁸ *Малявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974, с. 26—27.

новое уйгурское Турфанское княжество¹²⁹. Уйгуры продолжали борьбу с хакасами и в марте 841 г. избрали нового кагана Угйе.

При разгроме уйгуров хакасы захватили их хатун—китайскую царевну Тай-хо. Стремясь установить связи с Танским двором, они отравили ее с посольством из десяти тарханов, во главе которых стоял Дулюй Шихэ. Каган Угйе догнал и убил послов, захватив обратно хатун. Снова разгорелась война. Угйе, будучи оттеснен хакасами на юг, напал на пограничные крепости и округа Китая, грабил города и деревни. В результате в войну с уйгурами вступили и китайские войска, которые разгромили уйгуров, взяли в плен несколько десятков тысяч их воинов и в августе 846 г. убили Угйе. Брат Угйе Энянь продолжал борьбу. При Эняне часть уйгуров переселилась на территорию современной Внутренней Монголии вплоть до среднего течения Амура, где жили племена хн и шивэй.

В 847 г. китайцы разбили хисцев, а хакасские войска (70 000 всадников) во главе с министром Лбо разбили шивэй и увели в плен захваченных уйгуров, но, очевидно, не всех. Последний уйгурский каган Энянь бежал в Восточный Туркестан¹³⁰.

Так закончилась борьба с уйгурами. Хотя государство уйгуров на территории современной Монголии погибло в 840 г., все же значительное количество уйгуров в X—XII вв. проживало не только в Туве, но и по всей Центральной Азии к западу и к востоку от киданей. Даже на киданьской земле они имели свои города, в которых составляли большинство населения. В период владычества чжурчжэней в центральной части современной Маньчжурии проживало такое большое количество уйгуров, что они составили восемнадцатитысячную армию Чжунсяоцзюнь, которой командовал чжурчжэньский полководец Ваньянь Чэньхэшана. Эта армия нанесла ряд поражений войскам монгольских феодалов, которым с

---

¹²⁹ См.: Якубовский А. Ю. Арабские и персидские источники об уйгурском Турфанском княжестве в IX—X веках. ТОВЭ. Л., 1947; IV; Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 334, 337—338, 356; Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX—XII вв. Новосибирск, 1983.

¹³⁰ См.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 334—337. Остатки захоронений хакасов и уйгуров IX—X вв. обнаружены на Среднем Амуре.

большими потерями все же удалось разгромить ее только в 1232 г.¹³¹

Следует заметить, что хакасы, очевидно, не стремились изгнать всех уйгуров, захватить всю Центральную Азию и сделать ее центром своего нового государства. После взятия Орду-Балыка хакасский каган не перенес свою ставку на реку Орхон, где размещались административные центры сменявших друг друга империй Центральной Азии. Его ставка разместилась по южной стороне хребта Танну-Ола, в долине реки Тэс-Хем, близ озера Убсу-Нур, в которое впадает эта река. Наместником кагана на Орхоне был поставлен уйгур Кюлюг Бага-тархан.

Таким образом, хакасам важно было освободить от уйгурских войск территорию Тувы и разгромить уйгурскую мощь в Центральной Азии, чтобы захватив эти земли, ликвидировать возможность нового уйгурского завоевания, а также восстановить после длительного перерыва прямые связи со многими странами, и в том числе с Танской династией. Эти цели были достигнуты к 847 г. Китайская дипломатия прилагала все усилия к тому, чтобы привлечь на свою сторону правящую верхушку хакасов и подчинить новых хозяев Центральной Азии своей власти. Но достичь этого не удалось. Источник сообщает, что древние хакасы «не думали служить как вассалы».

В ноябре 842 г. ко двору императора прибыл посланник древних хакасов Та-бу Хэцзу с письмом от кагана, в котором сообщалось о посылке военного отряда на розыски царевны Тай-хо. В марте 843 г. в танскую столицу прибыл новый хакасский посланник Чжу-у Хэсу с письмом от хакаского кагана. В подарок он привел «две знаменитые лошади». Посол был торжественно принят императором Уцзуном. Между правителями обоих государств завязалась оживленная переписка, из которой видно, что в июле того же года прибыло очередное хакасское посольство во главе с генералом Вэнь-у Хэ (привез в дар 10 пар соколов и 100 лошадей). В апреле

---

¹³¹ См.: *Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв.*, прим. 484—486; *его же. Китай и уйгуры в 840—848 гг.—Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.* Новосибирск, 1975, с. 81—82; ср.: *Е Лун-ли. История государства киданей.* Пер. В. С. Таскина. М., 1979, с. 499.

844 г. хакасский посланник генерал Дидэ Исынапъ-чжу привел в дар еще двух белых лошадей¹³².

В перениске говорится о войне хакасов с уйгурами, о победе хакасов. Император в своих письмах упорно советовал кагану «уничтожить, вырвать с корнем уйгуров, уничтожить их государство и города», «перехватить их в пути и истребить», выражал благодарность «за покорение уйгуров» и сожалел, что «нас разделяют различные народы и нашим государствам трудно действовать общими силами». Одним словом, применялся традиционный для китайской дипломатии принцип: «руками варваров подавлять варваров»¹³³.

Тогда же со слов хакасских послов было составлено описание их страны, обычаев, «звуков их языка», а живописец Люй Шу написал картину, изображающую посольство Чжу-у Хэсу.

В апреле 843 г. к хакасам было отправлено ответное посольство во главе с Чжао Фанем с поручением передать императорскую грамоту, признававшую хакасского правителя каганом, с пожалованием ему титула Хюн-ву Чен-мин (или Цзуйинсюнчэн-мин). Каган Хюн-ву Чен-мин, хакасское имя которого осталось неизвестным, принимал личное участие в сражениях с уйгурами. Кроме того, он старался установить дружественные отношения с Китаем. Он исходил при этом из собственных интересов и отстаивал самостоятельность своего государства. После его смерти в 847 г. ту же политику проводил его преемник Ин-ву Чен-мин каган. В отличие от тюрков и уйгуров хакасы не падали на провинции Китая, находились в дружественных связях с Тибетом, с карлукамп Семиречья и арабами Средней Азии. Они обменивались посольствами и вели взаимовыгодную торговлю со всеми этими странами.

---

¹³² См.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 356; Супруненко Г. П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гун Хойчан и пинь цзи». — ИАН Кирг. ССР, серия обществ. наук. Фрунзе, 1963, т. V, I; *её же*. Из истории взаимоотношений Танской империи с енисейскими кыргызами. — В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975; *её же*. Некоторые источники по древней истории кыргызов. — История и культура Китая. М., 1974.

¹³³ См.: Малавкин А. Г. Тактика танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии. — Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.

В 860—873 гг. хакасские послы трижды приезжали к Танскому двору. Хакасы не стремились иметь общие границы с Китаем. В их государство в IX—XII вв. входили лишь территории Хакасско-Миусинской котловины, Алтая (до Среднего Иртыша на западе и районов Средней Оби на северо-западе), Тувы, Северо-Западной Монголии и Прибайкалья. В районах современной Центральной и Восточной Монголии продолжали жить уйгуры, потомки тюрков-тугю и другие тюркоязычные племена, которые после 840 г. были подведомственны управлению хакасской администрации, а затем, очевидно, по мирному договору были предоставлены сами себе.

О том, что в первое время там были чиновники-администраторы, говорит единственная пока хакасская надгробная надпись с тамгой конца IX в., найденная в верховьях реки Селенги, т. е. на древней родине уйгуров. Это надпись кыргызского судьи Бойла, подчинявшегося наместнику Бага-тархану¹³⁴, уйгуру по национальности. Интересно, что судья обязан был, видимо, контролировать древние земли уйгурского каганского рода Яглакар, за населением которых, естественно, нужен был особый присмотр. Примечателен факт, что верховным наместником покоренной Уйгурии каган древних хакасов поставил перешедшего к нему на службу уйгурского вельможу Бага-тархана, подчинив ему своих чиновников и охранные войска.

Основная экспансия хакасов в IX в., по данным восточных и западных мусульманских авторов, была направлена в сторону Восточного Туркестана. Уже в 841—842 гг. древнехакасские войска, преследуя уйгуров, захватили часть Джунгарии, ворвались в Восточный Туркестан и в марте 843 г. захватили города Бейтин (Бешбалык) и Аньси (Куча)¹³⁵, дойдя до Кашгара.

Анонимный автор X в. в сочинении Худуд ал-Алам подтверждает сведения о завоеваниях хакасами восточ-

---

¹³⁴ См.: Малов С. Е. Еписейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 85. В Монголии обнаружены выбитые на скалах древнехакасские тамги, в том числе и возле руинеских надписей, которые, таким образом, определяются как древнехакасские IX—X вв. Ср., например: *Наделяев В. М.* Древнетюркская надпись из Ховдсомола МНР.— Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.

¹³⁵ См.: *Лю Сюй.* Цзю Таншу, гл. 174, лешжуань 124; ср.: *Малаявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв., с. 37, прим. 182.

но-туркестанских карлуков, указывая, что город «Пенчул расположен в области карлуков; его владетель прежде был в зависимости от тогузгузов, а теперь им владеют киргизы». Название Пенчул, произношение которого не вполне установлено, некоторыми исследователями принимается за «Пятиградие», т. е. Бешбалык, а другими — за Учтурфан¹³⁶.

Хакасы преследовали одну цель: не дать возможности укрепиться в этом районе своим старым врагам — уйгурам, которые могли бы отрезать хакасов от Средней Азии и тем самым прервать их давние дружественные торговые связи с этой страной, как это было в VIII—IX вв., когда уйгуры отрезали хакасов от Средней Азии, Тибета и Китая.

Восточнотуркестанский поход был сравнительно кратковременным и к началу X в. хакасы вернулись на территорию Северо-Западной Монголии и Тувы. В Синь Таншу сообщается, что «хягас не мог совершенно покорить уйгуров». Такой ход событий подтверждается сообщениями письменных источников о дальнейших судьбах Центральной Азии.

Судя по данным Худуд ал-Алам, в то время хакасы владели и Алтаем. В источнике сказано, что «область одного из хырхызских племен» включает «гору Тулас» (Алтай): «На этой горе водится соболь, а (также) много серой белки и мускусной газели». В другом месте сообщается, что «некоторая часть хырхызов находится на запад от областей тогузгузов и тухси». Это свидетельствует о продвижении какой-то части древнехакасских войск к западу и юго-западу от Алтая на Средний Иртыш и в Джунгарский Ала-Тау.

Алтай еще до 40-х годов IX в. входил в состав древнехакасского государства, что видно из сообщения другого источника: «Эта страна упирается в западную сторону Темных гор (очевидно, Восточных Саян. — Л. К.), имеет Золотое море (озеро Алтын-Кӧл, т. е. Телецкое озеро. — Л. К.), которое, разделяясь, образует две реки (в Алтын-Кӧл с южного конца впадает река Чулышман, а с северного вытекает река Бия. — Л. К.)».

Сопоставление разноязычных письменных источников с новыми археологическими данными позволяет соста-

¹³⁶ См.: Бартольд В. В. Соч. М., 1963, т. II, ч. 1, с. 487—494; Minorsky V. «Hudud al-Alam. The Regions of the World» a persian geography. 372 A. H. — 982 A. D. London, 1937, p. 96—98.

вить более полную картину завоеваний древнехакасских войск в 40-х годах IX в. Выясняется, что были и западные походы вслед за бежавшей на запад частью уйгуров, позволившие хакасам к середине IX в. захватить не только район современного Новосибирского Приобья, но и районы Среднего Иртыша. Таким образом, в конце IX в. древнехакасское государство занимало обширную территорию от среднего течения Иртыша на западе до Байкала и бассейна реки Селенги на востоке. Северной границей служила река Ангара, от устья которой граница шла на запад несколько южнее Томска¹³⁷.

Как сообщает Синь Таншу, «Хагас было сильное государство; по пространству равнялось тукюзским владениям... (т. е. занимало площадь, равную территории тюркского каганата.—Л. К.). На восток простиралось до Гулигани (т. е. до курыканов на озере Байкал.—Л. К.), на юг—до Тибета (т. е. до Восточного Туркестана.—Л. К.), на юго-запад—до Гэлोलу (т. е. до карлуков Семиречья.—Л. К.)».

* * *

В начале X в. в Северном Китае возникло государство монголоязычных племен киданей, известное в истории под названием династии Ляо (916—1125). Первый император киданей Абаоцзи, расширяя границы своего государства, в 924 г. вторгся с большим войском в Центральную Азию, где он уже не встретил хакасов. Источники указывают, что он «на западе захватил древние земли туцзюэ» и «вступил в область уйгуров», а 2 октября 924 г. «достиг древнего уйгурского города», т. е. руин Орду-Балыка. Это подтверждает, во-первых, факт ухода древних хакасов из центральных районов Азии к 20-м годам X в. и, во-вторых, предоставление хакасами этой части страны в управление оставшимся здесь уйгурам и другим местным племенам¹³⁸.

¹³⁷ См.: МИКК. М., 1973, вып. 1, с. 37, 40, 43; *Minorsky V.* Op. cit., p. 62, 94, 99; *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, с. 57. Подробную карту походов древнехакасских войск и границ их государства в IX—XII вв. см.: *Кызласов Л. Р.* Древнехакасское государство в IX—XII вв. (карта).—Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, рис. 32.

¹³⁸ См.: *Васильев В. П.* Указ. соч., с. 28, 29, прим. 1; *Малявкин А. Г.* Указ. соч., с. 64—65; *Е Лун-ли.* История государства киданей. Пер. В. С. Таскина. М., 1979, с. 42.

Сообщение о том, что Абаоцзи в долине Орхона захватил город Футучэн, которым владели древние хакасы во время своего господства в Центральной Азии, вряд ли может означать, что в 924 г. это все еще был «кыргызский город», как полагает Х. Пэрлээ¹³⁹. Очевидно, что древние хакасы до своего ухода на запад владели городом Футучэн, но в целом этот вопрос еще нуждается в дополнительном изучении. О тюрках и уйгурах в Центральной Азии, живущих к западу от киданей, сообщил в 953 г. и путешественник Ху Цяо: «На западе живут туцзюэ и хуйхэ (тюрки и уйгуры. — Л. К.), а на северо-западе граница доходит до (земель племени) оуцзюэлюй... К западу от оуцзюэлюйцев живут сяцзя (сы)», т. е. древние хакасы¹⁴⁰.

Так как северо-западная граница государства киданей в 924 г. была закреплена по реке Орхон, то неподдающиеся пока отождествлению племени оуцзюэлюй обитали в середине X в. в долинах рек Селенга и Мурэн к северу и северо-востоку от хребта Хангай. В том же году киданьские войска перешли пустыню Гоби и захватили несколько городов Восточного Туркестана. При этом жившие там уйгуры вынуждены были временно им покориться. Источники не сообщают о завоевании киданями территории Тувы, Алтая и Северо-Западной Монголии. Последняя продолжала прочно входить в состав государства хакасов до XII в. По данным Ляо-ши, кидань с хакасами сразу установили мирные отношения.

В сочинении «Худуд ал-Алам» (982) указывается, что каган хакасов жил в начале X в. уже не к югу от Танну-Ола, а в городе Кемиджкет (город на реке Кем), т. е., очевидно, в одном из бывших уйгурских городов-крепостей на Улуг-Хеме в Туве. В середине X в. главная ставка хакасского кагана была перенесена из Тувы в северную часть современной Хакасии, видимо, на место слияния рек Белого и Черного Июсов. Такой вывод можно сделать на основании приведенного в книге Гардизи (XI в.) «Украшение известий» описания пути торговых караванов из Восточного Туркестана в ставку кагана хакасов¹⁴¹.

---

¹³⁹ См.: Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундад уеийн хот суурины товчоон. Улан-Батор, 1961.

¹⁴⁰ Е. Лун-ли. Указ. соч., с. 327.

¹⁴¹ Бартольд В. В. Соч. М., 1973, т. VIII, с. 47—48.

Хакасы установили с киданями в начале X в. мирные, дружественные отношения. Некоторые из них ездили в государство Ляо для того, чтобы получать образование. Так, в одном источнике под 931 г. сказано, что «юго-западная граница (государства киданей) руководила приходом стремившихся к просвещению людей государства Хягясы». В Ляо-ши сообщается, что в 948 г. мятежному киданьскому вельможе Бьен-ду было приказано ехать послом в государство хакасов. В ноябре 952 г. и в 977 г. хакасы присылали в Ляо свои посольства с подарками, очевидно, стремясь завязать торговые отношения¹⁴². В XI—XII вв. южные княжества древне-хакасского государства располагались на землях Горного Алтая, Тувы и современной Северо-Западной Монголии.

6. Гибель древнехакасского государства

В VI—IX вв. монголоязычные племена обитали за восточной и северо-восточной окраинами современной территории Монголии, по южным берегам Амура от устья Аргунн до устья Нонни и по северной полосе современной Маньчжурии. Собственно монголы (мэнью, мэнва) расселялись к югу от среднего течения Амура¹⁴³. К западу от них на всей территории Центральной Азии (Восточный Туркестан, Джунгария, Монголия, Внутренняя Монголия) жили тогда тюркоязычные этнические группы: тюрки-тугю, тюргеши, карлуки, огузы, древние хакасы, азы, чики, чигили, дубо, кимаки-кипчаки, курыкане, уйгуры, тюрки-шато и др. Последними тюркоязычными правителями западной части Центральной Азии были древние хакасы, а восточной и южной — уйгуры.

Значительная часть восточных тюркоязычных народов [уйгуры, куны, кай, тюрки-шато, си, белые татары

¹⁴² См.: *Кюнер Н. В.* Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв. п. э.—Зап. ХНИИЯЛИ. Абакан, 1951, вып. II, с. 12; *Малявкин А. Г.* Указ. соч., с. 67; *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975, с. 27—28.

¹⁴³ См.: *Кызласов Л. Р.* Ранние монголы.— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975; *Кычанов Е. Н.* Монголы в VI—первой половине XII в.— В кн.: Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980; *Tamura J.* The Legend of the Origin of the Mongols and Problem concerning their Migration.— Acta Asiatica. Tokyo, 1973. N 24.

(оигуты), потомки тюрков-туго и др.] обитала также не только в районе Великой стены, но и в Ордосе, и на равнинах Маньчжурни. Они жили там уже в период государства Бохай (VII—X вв.) и позднее — во времена киданьского и чжурчжэньского господства в Северо-Восточном Китае¹⁴⁴. В период киданьского господства оставшиеся в Маньчжурни уйгуры сохраняли свои города и лишь сменившие киданей чжурчжэни (династия Цзинь) завладели ими. Это событие упоминается под 1122 г.: «Покорил три города: Гаочэн, Эньчэн и уйгурский город», находившиеся поблизости от киданьской Средней столицы¹⁴⁵.

О старом уйгурском населении в Центральной Маньчжурни сообщается в чжурчжэньской истории «Цзинь ши», а сведения о восемнадцатитысячной армии, состоявшей из «маньчжурских» уйгуров и входившей в войско чжурчжэней до 1232 г., мы уже приводили выше¹⁴⁶.

В X—XII вв. восточной частью современной территории Монголии владели монголоязычные кидани. Западным пограничным пунктом их владений стал город Хэдунчэн в верховьях реки Орхон. В «Географии» киданьской династии Ляо указано, что это «уйгурский город Хэтунь (т. е. Хатун-Балык. — Л. К.), ошибочно названный Хэдуном»¹⁴⁷. Вторжение монголоязычных киданей в центральноазиатские степи, которое началось походом 924 г., стало настоящей катастрофой. Оно привело к кардинальным изменениям этнической карты Центральной Азии. Киданьское нашествие X—XI вв. вызвало бегство многих тюркоязычных племенных объединений и этнических групп от границ Китая на запад и предопределило выдвигание монголоязычных племен из бассейна Амура и Маньчжурни на освободившиеся степные про-

¹⁴⁴ См.: Шавкунов Э. В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968, с. 57; Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. М., 1975, с. 299; Евсюков В. В. К этнической истории чжурчжэней.— Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980, с. 150.

¹⁴⁵ Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974, с. 75, прим. 484—486.

¹⁴⁶ См.: Малявкин А. Г. Указ. соч., с. 77—78; *то же*. Китай и уйгуры в 840—848 гг.— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века, с. 81—82.

¹⁴⁷ Чжан-му, Хэ Цю-тао. Мэн-гу-ю-му-изи. Записки о монгольских кочевьях. Перевод с кит. П. С. Попова. СПб., 1895, с. 340, прим. 387; Кызласов Л. Р. Ранние монголы, с. 176; Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв., с. 74.

сторы¹⁴⁸. Вот как описывает среднеазнатский историк Марвази (XII в.) бегство тюркоязычных племен из Северного Китая и Центральной Азии: «Среди них (тюрков) есть группа людей, которые называются куны, они прибыли из земли Китай, боясь китайского (т. е. киданьского — Л. К.) хана. Они христиане несторианского толка. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ... Их (кунов) преследовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. (Тогда) куны переселились на землю шаров (очевидно, сары-кипчаков. — Л. К.), а шары переселились на землю туркмен. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского (т. е. Черного. — Л. К.) моря»¹⁴⁹. Эту «ценную» миграцию комментаторы справедливо относят к 30-м годам XI столетия. Во второй четверти XI в. куны и каи оказываются по соседству с древними хакасами и кимаками; каи, например, на реке Ямар (по данным Махмуда Кашгари, XI в.), т. е. на Оби. Показательно сообщение Ауфи (XIII в.): «Среди них (тюрков. — Л. К.) имется племя, называющееся хирхиз, которое весьма многочисленно. Их обиталища находятся на Летнем Востоке. К северу от них расположены степи каи и кимаков, а к западу — (земли) ягма и карлуков».

Куны впоследствии вошли в состав куманов — половцев, появившихся в Европе между 1030 и 1049 гг. В 1068 г. куны вторглись в Венгрию. Часть кунов и каи продвинулись в Среднюю Азию и вошли в состав сельджуков и туркмен. Впоследствии каи, спасаясь от орд Чингисхана, бежали в Малую Азию, где поселились вблизи Анкары.

Очевидно, миграция тюркоязычных этнических групп, начавшаяся далеко на востоке под натиском монголо-

---

¹⁴⁸ См.: Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, с. 154—158; Кумков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 122—129; Бартольд В. В. Соч. М., 1968, т. 5, с. 396 и сл.; см. также: Ахинжанов С. М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI века. — Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.

¹⁴⁹ Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A. D. 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky. London, 1942, p. 29—30.

язычных киданей, на западе в конечном итоге в 1030—1050 гг. выразилась в передвижениях тюркоязычных народов по северному и южному берегам Черного моря: кыпчаков-половцев — по северочерноморским степям вплоть до Венгрии; сельджуков — через Иран, Ирак и Закавказье в Малую Азию.

Первоначально в VI—IX вв. собственно монголы жили в холодных лесах, были оседлыми в прочных жилищах, занимались преимущественно охотой и рыболовством, выращиванием свиней и лошадей. В конце X — начале XI в. начался процесс постепенного расселения монголоязычных племен на запад, сопровождавшийся вытеснением и ассимиляцией местных тюркоязычных групп. В короткий срок (за 200 лет) монголы из пеших, в основном лесных рыбаков, охотников и коневодов, стали кочевниками-скотоводами. От тюркоязычных скотоводов они заимствовали все виды степного скота, навыки и опыт кочевников, а также передвижные жилища и другие формы материнской культуры степняков, сохранив, однако, многое и из своего прежнего оседлого быта¹⁵⁰.

Миграция тюркоязычных народов в Южной Сибири разрушила объединение кимаков и увлекла за собой на запад их основное ядро. Но древние хакасы (кыргызы) не испытали особых потрясений, и государство их, территория которого была расположена к северу от основного пути тюркоязычных мигрантов, продолжало свое развитие. Федерация древнехакасских княжеств в то время занимала территории Хакасско-Минусинской котловины, Тувы, Горного Алтая и котловину Больших озер современной Северо-Западной Монголии. Угроза возникла с приходом новых монголоязычных воинов — найманов.

Двигавшиеся на запад найманы вытеснили в XI—XII вв. из района хребта Эктаг-Алтай (Монгольский Алтай) и с верховьев Иртыша остатки тюркоязычных кимаков-кыпчаков, которые частично отступили на запад в Кыпчакскую степь, а частично ушли на восток в Центральную Азию. В котловине Больших озер, между Монгольским Алтаем, Хангаем и Танну-Олой, найманы столкнулись с древними хакасами. Здесь находилось самое

---

¹⁵⁰ См.: Кызласов Л. Р. Ранние монголы. Ср.: Clauson G. *Philology and archaeology*. — Antiquity, 1973.

тожное древнехакасское княжество. О нем, очевидно, говорит восходящее к XI в. сообщение монгольского эпоса о жившем на реке Орхон хане мангутов Начине: «Соседним государством Начина является государство кергисов»¹⁵¹. Это княжество, хотя оно и сохранилось до середины XII в., было ослаблено войной с новыми войсками монголоязычных киданей, о которой сообщает персидский историк XIII в. Ала-ад-дин Джувейни.

Когда в 1130 г. десяти тысячное войско киданей во главе с гурханом Елюем Даши прорывалось с реки Орхон в Среднюю Азию и «подшло к границе киргиз, они напали на племена, которые были в тех пределах, а то племя (киргизы) также оказывало им противодействие. Оттуда они тоже двинулись, пока не достигли Имля. Там они основали город, от которого теперь остались только развалины». Абул-Гази (XVII в.), опираясь на свои источники, о том же факте пишет: «Многие семейства кара-китайские почему-то взбунтовались против своих государей и, убежав отсюда, перешли в земли киргизские. Считая тамошних жителей за пришельцев (кыргызы действительно были пришлыми в котловине Больших озер.— Л. К.), они начали похищать скот у них, а потому и там не могли ужиться, перешли в землю Имль; основавши там город, поселились в нем, стали возделывать землю»¹⁵².

В результате кидани были разбиты древними хакасами и отброшены в Джунгарию к реке Эмель.

Речь идет о столкновении киданей с хакасами на южных границах Северо-Западной Монголии, когда кидани из Центральной Монголии через Монгольский Алтай проходили в Джунгарию на реку Эмель в район современного города Чугучак. Разгром киданей подтверждается и дальнейшим сообщением Джувейни. Когда гурхан обосновался в Семиречье с центром в Баласагуне в 1133 г., «он отправил войско на Кашгар и Хотан и покорил их. Затем он послал войско к пределу киргиз, чтобы отомстить за беспокойства, причиненные ими, и

---

¹⁵¹ Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэрнады. М., 1957, с. 62, 70.

¹⁵² Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Пер. и предисл. Г. С. Саблукова. Казань, 1906, с. 43; см. также: Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.—Л., 1952, т. 1, кн. 2, с. 78—79.

взял Бишбалык»¹⁵³, находившийся в Восточном Туркестане. Хотя детали этой войны остаются неизвестными, несомненно, кидани тогда потерпели поражение. Древние хакасы, жившие в Северо-Западной Монголии, сохранили свою самостоятельность дорогой ценой и ненадолго. То, что не удалось сделать киданям, вскоре довершили найманы. Как указывает Рашид-ад-дин, при Эннат-каане в середине XII в. «они разбили племя киргизов» и захватили всю котловину Больших озер.

Так как после этого граница владений найманов с «областью киргиз» прошла по хребту Танну-Ола¹⁵⁴, очевидно, что найманы захватили Северо-Западную Монголию и ликвидировали находившееся в ней с середины IX в. южнохакасское княжество.

В то же время в так называемом Восьмиречье близ истоков Каа-Хема, по водоразделу сибирских и центральноазиатских рек, расселились монголоязычные ойраты, вытеснившие оттуда «в пределы страны киргизов», т. е. в Восточную Туву, часть обитавших там туматов (потомков древних тюркоязычных дубо)¹⁵⁵.

Таким образом, с середины XII в. почти на всей территории современной Монголии господствовали монголоязычные племена и граница основного размежевания тюрков и монголов стала почти такой же, как в настоящее время.

* * *

Стихи из «Тайной истории монголов» 1240 г. (§ 254) образно и точно воспроизводят всю остроту политической ситуации, в которой находились разноэтничные группы и народности Центральной Азии в XII в.:

Звездное небо поворачивалось — была всенародная распря.
В постель свою не ложились — все друг друга грабили.
Вся поверхность земли содрогалась — вседневная брань шла.
Не прилечь под свое одеяло — до того шла общая вражда.

¹⁵³ Ала-ад-дин Ата мелик Джувейни. Тарих-и джихангушаи. (История завоевателей мира). Пер. Н. Н. Туманович. Хранится в рукописном фонде Института истории Киргизской АИ, № 1693; ср.: Д. Осмон К. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. Пер. Н. Н. Козьмина. Иркутск, 1937, т. I, с. 246—247; Wittfogel K. W., *Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907—1125)*. Philadelphia, 1949, p. 622, 657.

¹⁵⁴ См.: Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. I, с. 135, 137, 150; кн. 2, с. 112, 250.

¹⁵⁵ См.: Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. I, с. 118.

Борьба за вытеснение из центральноазиатских степей их прежних тюркоязычных хозяев переплеталась с кровопролитными междоусобицами монголоязычных этнических групп в процессе их объединения в единое государство.

В этой борьбе Тэмучин (будущий Чингисхан) в конце XII в. вел войну и с найманами. В 1199 г. он разгромил возле озера Кызыл-Баш (ныне Улунгур-Нур) на Черном Иртыше найманского Буюрук-хана, который бежал после этого и «ушел в область Кэм-Кэмджиут, принадлежащую к местностям, входившим в область киргизов»¹⁵⁶, т. е. в Туву. В 1204—1205 гг. Тэмучин завершил покорение монгольских племен и, разгромив найманов, завоевал Северо-Западную Монголию и Джунгарию. Он поставил там наместником и неограниченным властителем своего друга Хорчи, указав: «Будь темником и управляй этой западной страной до Золотых гор» (т. е. до Алтая).

В 1206 г. Тэмучин на всеобщем курилтае был провозглашен Чингисханом. Грозная монгольская опасность нависла над многими странами Азии и Европы.

Первыми с этой опасностью встретились тюркоязычные племена Южной Сибири, и прежде всего этнические группы, входившие в государство древних хакасов. Как мы уже видели, в XI—XII вв. им приходилось сражаться с монголоязычными найманами, ойратами и киданями, которые, продвигаясь на запад, постепенно занимали земли местных тюркоязычных и других племен.

Ко времени провозглашения Чингисхана федерация древнехакасских княжеств переживала процесс феодальной раздробленности и была ослаблена. Под двойным ударом киданей и найманов в середине XII в. погибло южнохакасское княжество котловины Больших озер. Обособилось княжество Алтай.

Как указывает Рашид-ад-дин, в конце XII — начале XIII в. от древнехакасской федерации сохранилось лишь два объединенных княжества: «Киргиз» (коренные земли хакасов, т. е. собственно Хакасско-Минусинская котловина) и «Кэм-Кэмджиут» (Тува, так ее называли монголы по рекам Хем-Енисей и Хемчик). Текст гласит: «Киргиз и Кэм-Кэмджиут — две области, смежные друг с другом; обе они составляют одно владение. Кэм-Кэмд-

---

¹⁵⁶ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. 2, с. 112, 250.

жиут — большая река, одной стороною она соприкасается с областью монголов (Могулистан) и одна (ее) граница — с рекой Селенгой, где сидят племена тайджиутов; одна сторона соприкасается с (бассейном) большой реки, которую называют Анкара-мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир. Одна сторона Кэм-Кэмджиута соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов. Племена кори, баргу, тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум, также близки к этой области. В этих областях много городов и селений и кочевники многочисленны. Титул (каждого) их государя, хотя бы он имел другое имя, — инал, а родовое имя тех из этой области, кто пользуется уважением и известностью, — иди. Государь ее был... (пропуск). Назваше другой области Еди-Орун, государя тамошнего называли Урус-инал»¹⁵⁷.

Из приведенного текста можно заключить, что к началу XIII в. княжества Хакасия (монголами названа «Киргиз») и Кешдим (Тува, монголами названа «Кэм-Кэмджиут») еще «составляют одно владение» под эгидой древнехакасского рода кыргызы, но каждое из них имело своего правителя, которого звали инал, т. е. наследник¹⁵⁸. Вероятно, правителями были два брата — сыновья одного государя. При захвате бассейна верхнего и среднего течения Енисея монголам пришлось иметь дело с двумя правителями.

Из тех же данных следует, что монголы, а вслед за ними Рашид-ад-дин называли именем Кэм-Кэмджиут территорию современной Тувы, которая, однако, имела и свое местное название. К сожалению, это название пропущено в сохранившейся рукописи Рашид-ад-дина. В тексте, где говорится о пути послов Чингисхана из Монголии «к киргизским эмирам и начальникам», указано: «Сначала они прибыли в область, название которой... (пропуск), а тамошнего эмира называли... (пропуск). После того они (прибыли) в другую область, название которой Еди-Урун, а тамошнего эмира называли Урус-Инал»¹⁵⁹.

¹⁵⁷ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. I, с. 150.

¹⁵⁸ Ал-Хорезми (X в.) разъяснял: «Инал-тегин — это наследник джаббуи, и у каждого предводителя тюрок-царя или дехкана есть йинал, то есть наследник» (Материалы по истории туркмен и Туркмени. М.—Л., 1939, т. I, с. 219).

¹⁵⁹ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. 2, с. 151.

Из географического расположения областей очевидно, что в этом месте упущено местное имя Тувы и ее правителя, а под именем Еди-Урун, т. е. в дословном переводе «Семь мест» («Семь урочищ»), монголам была известна Хакаско-Миусунская котловина, которая являлась личным владением старшего князя Урус-инала. Северная граница княжества Урус-инала проходила по району впадения Ангары в Енисей, где находился город Кикас, о котором у Рашид-ад-дина сказано: «Город тот принадлежит к области киргизов»¹⁶⁰.

В 1207 г., как сообщает хроника 1240 г. «Тайная история монголов», огромная армия под командованием Джучи (1184—1226), старшего сына Чингиса, покорила все лесные народы, жившие в Южной Сибири от Байкала и Косокола до западносибирских степей. При этом были подчинены Саяно-Алтайское нагорье и федерация княжеств древнехакасского государства. В источнике сказано: «В год зайца (1207) Чжочи был послан с войском Правой руки к лесным народам. Проводником отбыл Буха... Подчинив ойратов, бурятов, бархунов, урсатов, хабханасов, ханхасов и тубасов, Чжочи подступил к тумен-киргизам. Тогда к Чжочи явились киргизские нойоны Еди, Инал, Алднер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами и белыми же соболями»¹⁶¹. «Чжочи принял под власть монгольскую все лесные народы, начиная оттуда по направлению к нам, а именно народы: шибир, кесдин, бант, тухас, тенлек, тоелес, тас и бачжиги. Взял он с собою киргизских нойонов-темников и тысячников, а также нойонов лесных народов и, представив Чингисхану, велел бить государю челом своими белыми кречетами, да белыми ж меринами, да белыми ж соболями»¹⁶².

---

¹⁶⁰ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. I, с. 102. Иногда читают «город Милес».

¹⁶¹ Напомню, что еще в 843 г. древнехакасские послы привозили в дар танскому императору «10 пар соколов» и «прекрасных белых лошадей» (см.: Супруненко Г. П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века.— ИАН Кирг. ССР, серия обществ. наук. Фрунзе, 1963, т. V, вып. I). Издревле белый цвет у древних хакасов был цветом дружелюбия.

¹⁶² Козин С. А. Сокровенное сказание. М.—Л., 1941, т. I, с. 174—175; ср.: Лубсан Данзан. Алтан тобчи. Пер. Н. П. Шастиной. М., 1973, с. 183—184.

Сообщений о больших военных действиях на Саяно-Алтае в это время нет. Поэтому следует заключить, что кыргызские правители древнехакасского государства, хорошо знавшие политическую ситуацию в Центральной Азии, в 1207 г. только номинально признали верховную власть нового монгольского кагана и откупились обычными по тому времени миролюбивыми подарками. Или, как пишут по традиции поздние среднеазиатские авторы, военачальники кыргызов Енисея «выразили свою покорность Чингисхану»¹⁶³. После этого Чингисхан передал в подданство Джучи-хану все покоренные лесные народы, обложив их данью. Однако, как сообщается в ряде источников (Юань ши, Шэн-у цинь-чжэн лу, в сочинениях Рашид-ад-дина и Абул-Гази)¹⁶⁴, в конце осени того же 1207 года, после похода на тангутское государство Си Ся, Чингисхану понадобилось получить подтверждение о подчинении ему саяно-алтайских областей, во главе которых продолжали оставаться кыргызские государства. К ним были направлены монгольские послы Алтан и Буря. «Оба эти эмира (кыргызские. — Л. К.) оказали полный почет упомянутым послам и, послав вместе с ними своих двух послов, имя одного (из которых) Илик-Тимур, а другого Аткирак, отправили обратно с белым соколом и подчинились Чингисхану»¹⁶⁵.

Судя по этим источникам, правителя области Еди-Урун (бассейн Среднего Енисея) называли Урус-инал или иногда Еди-инал (последнее, видимо, по имени области: инал области Еди). Местное название Тувы отсутствует и в этих текстах, но зато имеется имя князя из рода кыргыз, который владел Тувой, — Алтыэр (буквально: «шестой мужчина»).

Так как те же источники сообщают о трех кыргызских послых к Чингисхану (Урут-Утуджу, Элик-Тимур и Аткирак) и о трех кыргызских ноёнах (Еди-инал, Ал-

---

¹⁶³ Абуль-Гази Указ. соч., с. 76; МИИК. М., 1973, вып. I, с. 217.

¹⁶⁴ См.: Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. I, с. 150; кн. 2, с. 151, 253; Абуль-Гази. Указ. соч., с. 39, 76; Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. — ТВОАО. СПб., 1859, ч. IV, с. 141; Палладий (Кафаров). Старинное китайское сказание о Чингис-хане. — Восточный сборник, I. СПб., 1877, с. 180; Иакинф (Бичурин). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829, с. 40.

¹⁶⁵ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. 2, с. 151, 253.

тыэр и Олебек-дигин), бивших ему челом через Джучихана, то возможно, что власть монгольского кагана признали все три древнехакасских княжества¹⁶⁶. Третьим княжеством, где также правил князь из рода кыргызы по имени Олебег-тегин («принц» Олебег), был скорее всего Алтай. Вероятно, все три князя были братьями при живом престарелом отце. Из них прямым престолонаследником был Урус Единиал, правитель главного домена государства—«области Еди», т. е. Хакасско-Минусинской котловины.

В «Тайной истории монголов» упоминается, что в 1207 г. Джучихан столкнулся на Саяно-Алтайском нагорье с «тумен-киргизами» (т. е. с десяти тысячными киргизами) и имел дело с «киргизскими нойонами-темниками и тысящиками»¹⁶⁷. Это означает, что в древнехакасских княжествах население и войско были разделены на территориальные воинские единицы—десятки, сотни, тысячи и тьмы или тумены (десятки тысяч). Следовательно, имелись десятские, сотники, тысячники и темники. Такая военно-административная организация зародилась в древнехакасских землях еще в древности, вероятно в таштыкскую эпоху, и окрепла во время бесконечных войн в IX—X вв. Очевидно, старая система управления и организация войск, укоренившиеся в древнехакасском государстве, первоначально не были затронуты монгольскими феодалами. Для начала они ограничивались только сбором дани.

Гнет и поборы особенно усилились после того, как Чингисхан начал свои завоевательные войны, напав в 1211 г. на государство чжурчжэней (династия Цзинь, 1115—1234 гг.), находившееся в Северной Маньчжурии и Приморье. С этих пор древнемонгольские правители совершали победоносные грабительские походы в богатые цивилизованные страны.

В Восточной Туве жили тюркоязычные туматы (потомки древних дубо), во главе которых стоял их вождь

---

¹⁶⁶ См.: *Рашид-ад-дин*. Указ. соч., т. I, кн. 1, с. 150; *Козин С. А.* Сокровенное сказание, с. 174; см. также: *Poucha P.* Die Geheime Geschichte der Mongolen. Praha, 1956, s. 62.

¹⁶⁷ В китайском тексте: «Вань-кэргисы», т. е. также «десяти тысячные кыргызы» [см.: *Палладий (Кафаров)*. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане.— ТЧРДМ. СПб., 1866, т. IV, с. 131].

Тайтула-Сокар. В 1207 г. Тайтула-Сокар вместе с «киргизскими нойонами» подчинился Джучи. Но в 1217 г. туматы, которые «жили в пределах страны киргизов и были чрезвычайно воинственным племенем и войском», восстали. Чингисхан послал большую армию во главе с опытным полководцем Борагул-нойоном. Завязались «большие сражения», во время которых Борагул-нойон был убит «мятежными» туматами¹⁶⁸. По комментарию Рашид-ад-дина, «так как туматы были злокозненным и недоброжелательным племенем, то (монголы) множество из них перебили»¹⁶⁹.

Восстание туматов и расправа над ними взволновали все население древнехакасского государства, руководимое князьями из аристократического рода киргизов, возглавлявшими княжества в Горном Алтае, Туве и Хакасско-Минусинской котловине.

В следующем 1218 году, когда монгольские сборщики дани потребовали для своих феодалов туматских девушек, оскорбленные туматы восстали вторично. Тогда их поддержали другие местные этнические группы: «В год барса (1218), когда восстало одно (из) племен тумат, сидевшее в Бургуджин-Токуме и Байлуке, для его покорения (монголы), из-за того, что оно было поблизости от киргизов, потребовали от киргизов войско; те не дали и восстали», — пишет Рашид-ад-дин. Разразилась первая серьезная война. Во главе армии восставших встал полководец из рода киргиз по имени Курлун.

Следует отметить, что подобная реакция киргизских правителей древнехакасского государства была для них вполне естественной. Они терпели притеснения захватчиков и смирялись лишь до той поры, пока не было кровно обижено одно из этнических объединений, входящих в их государство на правах кыштымов и пользовавшихся их покровительством и защитой. Требование выступить с войском на подавление своих же подданных, на одно из их вассальных племен, переполнило чашу терпения. Для подавления восстания народностей Саяно-Алтайского нагорья Чингисхан вновь послал большую армию во главе с «верховным владельцем лесных

---

¹⁶⁸ См.: Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. 1, с. 122, 171; кн. 2, с. 178, 255—256.

¹⁶⁹ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. 1, с. 122.

племен» Джучи-ханом. Передовой отряд, как и в 1207 г., вновь возглавил верный Буха-нойон¹⁷⁰.

В 1218 г. произошло первое кровавое завоевание Южной Сибири. Буха, как пишет Рашид-ад-дин, «обратил в бегство киргизов и вернулся назад от восьмой реки»¹⁷¹. Видимо, разведывательный отряд Буха-нойона встретил передовые караулы киргизов в пограничной части Северной Монголии и загнал их в Туву. Буха вернулся из Восьмиречья, которое находилось в истоках Каа-Хема, чтобы доложить обстановку.

Джучи-хан с основной своей армией шел с востока. «Он прошел по льду через Селенгу и другие реки, которые замерзли», а когда вошел в Туву, то «лед уже сковал реку Кэм-Кэмджнут (Улуг-Хем.— Л. К.). Он прошел по льду и, покорив и подчинив киргизов, вернулся назад»¹⁷². Очевидно, армия Джучи по льду Енисея прошла в Хакасско-Минусинскую котловину и покорила там древних хакасов, ибо и в тексте «Шэн-у цинь-чжэн лу» сказано, что он прошел «реку Кянь (Енисей.— Л. К.) и вниз по ней. Покорил кэргисы, ханьхасы, теляньу, кэшидими, хоин и ирган роды»¹⁷³. Армия Джучи, неся потери, огнем и мечом истребила основные силы восставших. Рашид-ад-дин указывает, что в этом походе Джучи покорил лесные племена урасут, теленгут и куштеми, которые «обитают по лесам в пределах страны киргизов и кэм-кэмджнутов», а также тех из них, территория которых «была расположена по ту сторону киргизов (на расстоянии) около одного месяца пути... Во время (этого) похода и возвращения он также захватил и те племена»¹⁷⁴.

Очевидно, в восстании участвовали почти все этнические группы Южной Сибири. Восстание населения древнехакасского государства и расправа над ним вызвали широкий отзвук в Центральной Азии. В том же году взбунтовались некоторые монголоязычные племена, и прежде всего жившие к югу от Южной Сибири найма-

¹⁷⁰ См.: *Рашид-ад-дин*. Указ. соч., т. I, кн. I, с. 123, 151; кн. 2, с. 163, 189, 256; ср.: *Палладий (Кафаров)*. Старинное китайское сказание о Чингис-хане, с. 191.

¹⁷¹ *Рашид-ад-дин*. Указ. соч., т. I, кн. I, с. 151 (в тексте ошибочно Нока). Ср.: *Палладий (Кафаров)*. Указ. соч., с. 191, где сказано, что Буха преследовал «киргис» до реки Имар.

¹⁷² *Рашид-ад-дин*. Указ. соч., т. I, кн. I, с. 123, 151.

¹⁷³ *Палладий (Кафаров)*. Указ. соч., с. 191.

¹⁷⁴ *Рашид-ад-дин*. Указ. соч., т. I, кн. I, с. 123.

ны, а также меркиты. Чингисхан, задумавший поход на Среднюю Азию, должен был выслать карательные войска против найманов «и других племен, которые бунтовали по всем углам его владений»¹⁷⁵. Карательная армия Джучи-хана, ослабленная в предшествующих боях, с Енисея без передышки выступила на помощь войскам Субэдая для разгрома мятежных меркитов, бежавших в Кипчакскую степь¹⁷⁶.

Данных о том, что завоевание Южной Сибири в 1218 г., несмотря на всю его жестокость, подорвало экономику и уничтожило самобытную культуру древнехакасского государства, нет. Дело, видимо, в том, что Саяно-Алтайскому нагорью монголы отводили роль производственной и сырьевой базы для снабжения своих войск оружием, мясом и хлебом.

В Центральной Азии нет залежей железа и цветных металлов. В источниках XIII—XIV вв. постоянно указывается, что «(татарам) неоткуда было получать железо», «что татары хотят покупать... железо» и что «земля (их) не родит железа». Древние монголы, а до них и тангуты охотно покупали железо и медь в Китае. Через Хэдун и Шэньси вывозились пудами железные монеты, из которых ковали «оружие в большом количестве»¹⁷⁷.

Поэтому завоевания 1207—1211 гг. северных стран (Саяно-Алтай, Забайкалье и Приморье), богатых рудными ископаемыми и населенных опытными горняками, металлургами и кузнецами, совершались древнемонгольскими феодалами по экономическим причинам. Они стремились создать тыловые базы для снабжения армий хлебом, оружием и конским снаряжением. В Южной Сибири создавались ремесленно-хлебопашеские поселения, строились города, возникали фактории купцов-мусульман. Туда принудительно переселяли захваченных в плен опытных ремесленников и землепашцев¹⁷⁸.

---

¹⁷⁵ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. 2, с. 179.

¹⁷⁶ См.: Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. 2, с. 189—190; Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963, т. I, с. 435—437.

¹⁷⁷ Мункуев Н. Ц. Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносибирских источников (рукопись докторской диссертации). М., 1970, с. 788—790; Кычанов Е. И., Лубо-Лесниченко Е. И. Монетное обращение в Хара-Хото.— Страны и народы Востока. М., 1971, вып. XI, с. 51.

¹⁷⁸ См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в середине века. М., 1969, с. 138—160.

Южная Сибирь находилась в улусе Джучи-хана до его смерти. Джучи, как старшему сыну, «в качестве улуса и юрта были назначены земли, наиболее отдаленные па запад от собственной Монголии»¹⁷⁹. Столица его помещалась на Иртыше. Он не успел продвинуться далеко на запад после 1207 г. потому, что ему пришлось потратить много сил и времени на укрепление своих тылов в Южной Сибири, населенной «мятежными» народностями. Только сын его Бату-хан вторгся в Европу и расширил улус до размеров того государства, которое русские летописцы называли Золотой Ордой.

Но борьба южносибирских народностей на этом не закончилась. В 1226 г. умер Джучи, а в 1227 г. — Чингисхан. Саяно-Алтайское нагорье, в течение 20 лет номинально находившееся в улусе Джучи-хана, отошло теперь к коренному улусу великого хана и перешло во владение Тулуя, младшего сына Чингиса, а после его смерти (1233) — во владение его старшей жены Соркуктани-беги, матери Мункэ, Хубилая, Хулагу и Ариг-Буки¹⁸⁰.

Во время правления великого каана Угэдэя (1229—1241), старавшегося прослыть «справедливым», монгольская знать пыталась урегулировать отношения с верхушкой «немирных покоренных» племен, среди которых происходило брожение. С этой целью Угэдэй взял себе в жены меркитку и кыргызку (по Юань ши: «цилицзихутени»). Последняя была четвертой «главной» женой Угэдэя, по сообщению Рашид-ад-дина, ее звали Джачин¹⁸¹.

В период вступления на престол великого каана Мункэ (1251—1259) по всей Монголии прокатились выступления и были разоблачены заговоры. В этих условиях вновь возникли волнения среди населения бассейна Енисея. Для предотвращения назревавшего восстания Мункэ пришлось послать многоопытного Буханойна «с двумя туманами войска к границам киргизов и кем-кемджиута»¹⁸².

¹⁷⁹ Греков Б., Якубовский А. Золотая Орда. Л., 1937, с. 43.

¹⁸⁰ См.: Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. I, с. 102; т. II, с. 8, 78, 128—129, 103—113. Ср.: Абуль-Гази. Указ. соч., с. 40: «По смерти Чингисхана, страна киргизская и все окрестные ее стороны признали над собою власть Тули-хана: старшая жена его, мать всех детей его, Сююр-куктай-беки, приняла в свои руки власть».

¹⁸¹ См.: Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. II, с. 8—9, прим. 8.

¹⁸² Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. II, с. 138.

После смерти Соркуктани-беги весной 1252 г. владельцем западной части Монголии и Саяно-Алтайского нагорья стал Ариг-Бука, младший сын ее и Тулуя, брат Мункэ и Хубилая. По Рашид-ад-дину, Ариг-Бука был женат на знатных женщинах из местных западномонгольских племен ойратов и найманов и опирался на эти племена, ибо ойраты составляли ядро его войска. Он обычно жил на своих землях: «Его летнее становище было в Алтае (Монгольском. — *Л. К.*), а зимнее — в Теке и Киргизе. Между ними (расстояние в) три дня пути»¹⁸³. Здесь под областью «Киргиз», очевидно, понимается Тува и Хакаско-Минусинская котловина, так как от Монгольского Алтая за три дня пути конному или тем более кочевому каравану можно добраться лишь до верховий Енисея, а не до Хакаско-Минусинской котловины.

В 1260 г. началась борьба между претендентами на престол великого каана — между братьями Ариг-Букой и Хубилаем. Мункэ умер в Китае во время одного из завоевательных походов. В Каракоруме, тогдашней столице Монгольской империи, правителем оставался Ариг-Бука. Его и провозгласили великим кааном. Но находившиеся на войне в Китае царевичи и нойоны провозгласили великим кааном своего полководца Хубилая. Началась междоусобная война между братьями.

Осенью войска Ариг-Буки были разбиты. «Ариг-Бука и войска его испугались, обратились в бегство, рассеялись и прибыли в область киргизов»¹⁸⁴, т. е. в личное владение Ариг-Буки. Оттуда он послал в область Тангут новое войско, но и его разбили полководцы Хубилая, «а оставшиеся бежали и присоединились к Ариг-Буке в области киргизов... А Ариг-Бука, расстроенный и растерянный, стоял с отошавшим и голодным войском на границе Кэм-Кэмджиют у реки... (пропуск), из боязни прихода каана он отправил (к нему) гонцов и просил прощения»¹⁸⁵.

---

¹⁸³ *Рашид-ад-дин*. Указ. соч., т. II, с. 201; ср. с. 163.

¹⁸⁴ *Рашид-ад-дин*. Указ. соч., т. II, с. 161. Об этом же сообщает рукопись, называемая «Аноним Искандера» (XV в.): «Ариг-Бука, раздраженный этим поражением, убил пленных и укрепился в области киргизов» (Перевод в фонде Института истории АН Кирг. ССР, № 1693).

¹⁸⁵ *Рашид-ад-дин*. Указ. соч., т. II, с. 161.

Когда в 1264 г. Ариг-Бука был вынужден поехать с повинной к Хубилаю в Северный Китай (где и умер в 1266 г.), он оставил свои западномонгольские земли сыновьям.

После этого все Саяно-Алтайское нагорье, как и вся Монголия, вошло во владения монгольской династии Юань (1260—1368), которую основал великий каан Хубилай (1260—1294). Хубилай еще в 1260 г. предложил все земли от Амударьи на юго-запад считать владением его брата Хулагу; земли «с той стороны Алтая» до Амударьи — владением Алгу, внука Чагатая. «А с этой стороны от Алтая и до берегов моря-океана я буду охранять», — заявил он. Это подтверждает Рашид-ад-дин: «...с восточной стороны непосредственно с побережья океана и до границы области киргизов (каан) не имеет ни одного непокорного».

По Юань ши, все владения императоров монгольской династии для удобства администрации были разделены на 12 провинций, причем современная Монголия, включая и Саяно-Алтайское нагорье, входила в провинцию Лин-бэй с центром в Каракоруме. Каждая провинция — шэн — делилась на лу — области, фу — округа, чжоу — префектуры и сянь — уезды¹⁸⁶.

Бассейн верхнего и среднего течения Енисея также получил административные деления, но с учетом собственных исторически сложившихся районов. По Юань ши, Хакасско-Минусинская котловина называлась областью Киргиз, бассейн реки Ангара — областью Ангара (Ан-кэла), а Западные Саяны по долине реки Ус — областью Усы.

На территории Тувы были образованы: область Хань-хэна (Капканас), т. е. современная Тоджа; Кяньчжоу («Енисейская префектура») — земли по среднему течению Енисея, т. е. современные Чаа-Хольский и Улуг-Хемский районы; Иланьчжоу («Змеиная префектура») — земли бассейнов Элегеста и Межегея, т. е. современный Тандинский район¹⁸⁷.

---

¹⁸⁶ См.: *Рашид-ад-дин*. Указ. соч., т. II, с. 162, 177, 182, 184.

¹⁸⁷ См.: *Кюнгер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, с. 283, 286; *Кычанов Е. И.* Сведения в «Юань ши» о переселениях киргизов в XIII веке. — ИАН Киргизской ССР, серия обществ. наук. Фрунзе, 1963, т. V, вып. I.

В 1270 г. император Хубилай назначил своим правителем-наместником областей Киргиз, Ханьхэна, Кяньчжоу, Иланьчжоу и других мест дуаньшигуаня Лю Хао-ли¹⁸⁸. Резиденцией его стала область Иланьчжоу с главным городом на левом берегу Элегеста, руины которого были открыты и исследованы нами и названы Межегейским городищем. В биографии Лю Хао-ли говорится, что этого опытного администратора назначили «в отдаленный край непременно для умиротворения его».

Однако умиротворения не получилось. В 1273 г. «северные князья подняли мятеж, привели Хао-ли в свое войско и чуть не убили. Их военачальник за то, что Хао-ли был добрым в обращении с людьми, освободил его. Весной 16 года чжиюань (т. е. в 1279 г. — Л. К.) мятежный князь пригласил Хао-ли прибыть в Кянь-кяньчжоу¹⁸⁹. Он сказал: «Император сомневался во мне, это привело к нынешнему». Хао-ли ответил: «Не сомневался. Если бы сомневался в князе, то, (когда) пригласил князя в столицу, разве согласился бы на (его) возвращение?»¹⁹⁰.

Не подлежит сомнению, что взбунтовались и освободились от монгольского господства те же князья из рода кыргыз, которые и прежде владели народами, населявшими Саяно-Алтайское нагорье. По упоминанию Кянь-Кяньчжоу, очевидно, что восстание возглавлял князь, живший на Улуг-Хеме в Туве (округ Кяньчжоу). Из диалога князя и Лю Хао-ли видно, что этот князь, по приглашению Хубилая, ездил от имени местной знати в столицу императора, которая в 1264 г. была перенесена из Каракорума в новый город Дайду, построенный на месте современного Пекина. Очевидно, князь просил право на самостоятельное управление в качестве вассала родным краем, но император сомневался и прислал в эти земли своего чиновника. Недовольство местной княжеской верхушки вылилось в восстание 1273 г.

Лю Хао-ли ожидал подхода карательных войск монголов, но, не дождавшись, весной 1280 г., «возглавив множество (людей), ушел в другое место, оборонялся в

¹⁸⁸ См.: Кычанов Е. И. Указ. соч., с. 61 (здесь ошибочно назван 1269 год); см.: Юань ши, цзюань 63, 167.

¹⁸⁹ Кянь-Кяньчжоу — китайское название монгольского Кэм-Кэмджиут. Кянь — транскрипция местного «Кем» или «Хем» — современное Улуг-Хем (Енисей).

¹⁹⁰ Юань ши, цзюань 167.

теснине, ожидая прибытия войск». Однако «войска мятежного князя разбили (его). Хао-ли на западе прошел через снеговые горы», т. е., весьма вероятно, через Монгун-Тайгу¹⁹¹. Убедившись, что он отогнан в другую сторону, откуда ему не пройти в Монголию, Хао-ли «тогда одеждой подкупил тысячника мятежного князя», который пропустил уходивших китайцев и монголов на восток, «тропинками в горах Теби-Шань» (дословно «Железная стена»). С тысячьё своих приверженцев Хао-ли добрался до Дайду.

Разыгравшиеся в середине 70-х годов междоусобицы, многолетняя борьба Хубилая и Хайду (внук Угэдэя) за обладание Западной Монголией, Джунгарией и Восточным Туркестаном, восстание монгольских князей в 1287 г. во главе с Наяном¹⁹² в тылу юаньского правительства, на землях теперешней Маньчжурии, — все это позволило народам Саяно-Алтайского нагорья восстановить свою государственность.

Со времени восстания 1273 г. и до 1293 г. на Енисее государством по-прежнему управляли местные князья из рода кыргызы. Однажды один из сторонников Хайду, нойон Тук-Тимур, хотел «напасть на область киргизов» с целью грабежа, но не успел этого сделать¹⁹³. Впоследствии независимые кыргызские князья, лавируя в сложной политической обстановке, сумели, очевидно, договориться о поддержке их со стороны Хайду.

В 1292—1293 гг. на Монгольский Алтай и на Енисей вторглась мощная армия, состоявшая из тюркоязычных вассалов, под командованием кипчака Тутуха, полководца Хубилая. Зимой 1292 г., находясь в Каракоруме, Тутуха получил императорский указ «овладеть киргизами». Ранней весной 1293 г. его войска достигли Улуг-Хема в Туве и «встали лагерем у реки Кянь» (Улуг-Хем). Обнаружив, что князья из рода кыргызы со своими дружинами отошли за Саяны в Хакасско-Минусинскую котловину к своим сородичам, войска Тутухи по примеру предшествующего похода Джучи «по льду шли несколь-

¹⁹¹ Монгун-Тайга — покрытый вечными снегами горный массив на юго-западной границе Тувы с Монголией.

¹⁹² См.: Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. II, с. 193. Но год сви́ньи, о котором здесь сказано, падает на 1287 год, по другим данным — на 1286 год (см.: Кычанов Е. И. Указ. соч., с. 63; ср.: Книга Марко Поло. М., 1956, с. 100).

¹⁹³ См.: Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. II, с. 169.

ко дней и только тогда дошли до границ их владений. (Армия Тутухи) полностью овладела всем народом пяти их племен и (монголы) разместили (в их владениях) войска, чтобы охранять их (т. е. оккупировали их земли.— Л. К.). Тутуха доложил о заслугах и был повышен в чине... Хайду, получив известие о захвате киргизов, послал (им на выручку) на реку Кянь (Енисей) войска. Тутуха снова разбил их и взял в плен полководца Хайду Болоча»¹⁹⁴.

Под «народом пяти их племен» понимается подчиненное князьям из рода кыргыз население пяти административных областей, на которые юаньские власти поделили бассейн верхнего и среднего течения Енисея: область Киргиз; область Усы; Ханьхэна (Капканас); Кяньчжоу и Иланьчжоу¹⁹⁵.

Так в крови было потоплено двадцатилетнее самовластие кыргызских князей. 1293 год стал годом окончательной гибели древнехакасского государства. Это произошло 86 лет спустя после первого похода Джучи-хана в Южную Сибирь.

Оккупировав страну и уничтожив верхушку древнехакасских феодалов, юаньские власти стремились воссоздать в Южной Сибири свою производственную базу. А чтобы окончательно сломить сопротивление местных народностей, они приступили к осуществлению жестокого плана подавления местного населения Саяно-Алтайского нагорья. Расправа состояла в высылке особенно активных и беспокойных групп населения в далекие чужие земли и в насаждении на их место древнемонгольских военных поселенцев.

В том же 1293 году Хубилай на землях казненного им за восстание 1287 г. князя Наяна где-то в Дунбэе при слиянии Сунгари и Амура основал город Чжаочжоу, который, согласно юаньской топографии, входил в область Гуаннин-фу. В этот город были переселены люди

---

¹⁹⁴ Юань ши, цзюань 128; см. также: *Кычанов Е. И.* Указ. соч., с. 64 (у этого автора имеются ошибки в датах); ср.: *Палладий (Кафаров)*. Старинное монгольское сказание о Чингисхане, с. 234—235, прим. 498; *Кадырбаев А. Ш.* Кипчаки в империи Юань. Девятая научная конференция «Общество и государство в Китае», М., 1978, ч. I, с. 218; *Кыласов И. Л.* Кипчаки и восстания енисейских племен в XIII в.— СА, 1980, № 2.

¹⁹⁵ Ср. Юань ши, цзюань 167: «В 7-м году назначил (Лю Хао-ли) дуаньшигуанем пяти областей — Иланьчжоу и других».

из трех этнических групп, живших до того на Енисее: усухань (или юаньсухань), ханас и цзилицзисы (кыргызы).

В Юань ши в биографии Хара-Батура говорится: «В 1293 г., обращаясь к нему, император Ши-цзу (Хубилай) сказал: «Древние земли Наяна называются Абалаху и доставляют рыбу. Сейчас я в тех землях построил город и поселил там три племени: юаньсухань, ханасы и цзилицзисы (кыргызов). Этот город был назван Чжаочжоу. Ты отправляйся туда и займи пост «сюаньвэйши» (окружного начальника)»¹⁹⁶. В 1295 г. в Чжаочжоу было создано военно-хлебопашное управление под началом темника Асаня, которому были подчинены тюркоязычные переселенцы¹⁹⁷.

Юаньские власти выселяли людей не только из Тувы и Хакасско-Минусинской котловины. В Китай переселяли и кыргызских князей, живших в княжестве Алтай и также принимавших участие в восстании. Выселяли их и после смерти Хубилая при императоре Тэмуре (1295—1307). Как сообщает Юань ши, «в 1295 г. киргизов, проживающих в горах Цзиньшань (Алтай), переселили в Шандун и дали им поля, быков и семена»¹⁹⁸, т. е. их заставили заниматься земледелием, как привычным для них занятием.

К 1293 г. относится другое сообщение: «В сентябре 1293 г. Ши-цзу (Хубилай) разместил на землях Хэсыхэ в качестве военных поселенцев 700 семей чжирхэхусотай (ских) цирцзисы». Это место, очевидно, трудно для прочтения и перевода. В переводе Е. И. Кычанова оно дополняется другим чтением: «700 семей киргизов ежирхаху разместили в качестве военных поселенцев на землях Хэсыхэ». Другой переводчик — В. Н. Казин прочел это место иначе: «Семьсот дворов киргисов, излишних

---

¹⁹⁶ Кычанов Е. И. Указ. соч., с. 61; ср. также: Чжан-му, Хэ Цютао. Ман-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях, с. 171, прим. 35. (Здесь ошибочно стоит 1276 год, когда Наян был еще владельцем той области.)

¹⁹⁷ Интересно, что в Северо-Восточном Китае (уезд Фуюй) сейчас живет тюркоязычная группа (около 700 человек) с само-названием «кыргыз» [см.: Тенишев Э. Р. Этнический и родо-племенной состав народности юйгу.— СЭ, 1962, № 1, с. 65: его же. О языке кыргызов уезда Фуюй (КНР).— Вопросы языкознания, 1966, № 1].

¹⁹⁸ Кычанов Е. И. Указ. соч., с. 62.

у джирхахов, поселены в земле хас-ха»¹⁹⁹. Заметим, что хэсыхэ есть китайская транскрипция местного названия хасха, как совершенно правильно реконструировал этот термин В. Н. Казин.

Земли этнической группы хасха находились в Хакасско-Минусинской котловине, где с глубокой древности живут хакасы, одна из групп которых имеет многочисленные родовые и территориальные группы, носящие этноним хасха²⁰⁰.

Таким образом, выселяя «мятежных» кыргызских князей и людей из числа коренного населения с Саяно-Алтайского нагорья, юаньские власти старались заместить их преданными себе военными поселенцами. Таковыми оказались «чжирхэхусотайские кыргызы».

Центральноазиатские кыргызы в эпоху Монгольской империи являлись вассалами юаньских феодалов. Будучи тюрками, родственными кипчакам, они входили в одну армию с кипчаками под командованием кипчакского хана и юаньского генерала Тутухи (Тутук). В период восстания саяно-алтайских племен и их двадцатилетней свободы эта армия размещалась в Каракоруме на реке Орхон.

О центральноазиатских кыргызах сообщают следующие строки Юань ши: «В 1283 г. было указано передать 600 голов быков, отданных пастись богатым жителям Туле-ту (в бассейне реки Керулен.— Л. К.) бедным из кыргызов». И далее: «В 1289 г. проинспектировали семьи кыргызов, живущих в Хэлинь (Каракорум), и оказали помощь бедным семьям». В том же году «из Хэлинь была отправлена расквартированная там армия циэрцисы (кыргызов)», которой командовал Тутуха²⁰¹.

Армия Тутухи, состоявшая из кыргызов, живших в Каракоруме и по рекам Орхон и Керулен в Монголии, оказалась основой тех карательных войск юаньских властей, которые «в огне и воде», а точнее в крови, потопили в 1293 г. восстание саяно-алтайских народностей за свободу. Какую-то часть преданных монголам кара-

---

¹⁹⁹ Кычанов Е. И. Указ. соч., с. 61; ср. с. 64, прим. 26; Уч. зап. ХНИИЯЛИ, VI, Кызыл, 1958, с. 200.

²⁰⁰ См.: Кызласов Л. Р. К вопросу об этногенезе хакасов.— Уч. зап. ХНИИЯЛИ. Абакан, 1959, т. VII.

²⁰¹ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, с. 106. О реке Туле-ту см.: Козин С. А. Сокровенное сказание, с. 114; Кычанов Е. И. Указ. соч., с. 61—62.

телей из числа солдат, относящихся к центральноазиатским киргизам, Хубилай поселил в качестве военных поселенцев на древней опустошенной земле хаасов (качинцев). Недаром имя кровавого завоевателя — князя Хубилая сохранилось в среде хакасов до современности как имя одного из «злых духов»²⁰².

При великом каане Тэмуре (1295—1307), третья жена которого была центральноазиатской киргизкой, управление провинцией Лин-бэй с центром в Каракоруме было поручено старшему брату императора Камале. В сферу его владений входила и территория Тувы: «Областями Каракорум... Онон, Керулен, Кем-Кемджиют, Селенга, Баялык, до границ киргизов и великого заповедника Чингиз-хана, называемого Бурхан-Халдун, все-ми он ведает»²⁰³.

Весь XIV век на территории Монголии происходила борьба между потомками знатных семей Чингизидов. Огромная Монгольская империя, раздираемая внутренними противоречиями, взрывами восстаний угнетенных народов против ига монгольских феодалов, распадалась. Восстания угнетенных народов в 1368 г. ликвидировали монгольскую династию Юань. Монгольский каан, его чиновники и войска были изгнаны за пределы Китая. В 1380 г. войска династии Мин вторглись в Монголию и разрушили Каракорум, а на западе русские войска разгромили орды Мамайя на Куликовом поле. Монгольская империя распалась, и на ее месте возникли мелкие феодальные княжества.

XIV—XV века — темное время в истории племен Саяно-Алтайского нагорья. Мы почти не имеем письменных источников этого периода. Очень скудны и данные археологии. О том, что происходило в это время в Южной Сибири, мы можем только предполагать.

Наиболее поздними сообщениями арабоязычных географов о кыргызах являются сведения уроженца Баку Абд-ар-Рашида ибн Салиха ибн Нури ал-Бакуви. Его книга «Сокращение (книги о) «Памятниках и чудесах царя могучего» написана в начале XV в. Книга является компилятивной редакцией сочинения ал-Казвини «Памятники стран и сообщения о рабах (Аллаха)», состав-

---

²⁰² О Хубилай-пеге см.: Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен. СПб., 1907, ч. IX, с. 568, XXIV.

²⁰³ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. II, с. 205—207.

ленного в 1275—1276 гг. Сведения ал-Бакуви в основном относятся к концу XIII в. Но в тексте много анахронизмов, ибо, в свою очередь, Захарийа ибн Мухаммад ал-Казвини заимствовал многие факты из сочинений Абу Дулафа, ал-Джайхани и ал-Истахри.

По ал-Бакуви, страна кыргызов расположена в шестом климате: «Он начинается от поселений восточных тюрок-кани, кун, хирхиз, кимак, ат-тогузгуз, стран туркмен, хазар...» и т. д. О кыргызах сказано: «Страна хирхизов. Это — тюрки. Протяженность (их страны) — один месяц (пути). У них есть царь, которому они подчиняются, и он осведомлен об их нуждах. Никто не может подойти к нему, пока ему не минет сорок лет. Во время молитв они пользуются размеренной речью. Молятся они повернувшись к югу лицом. Там есть камень, который зажигают ночью, и он заменяет им светильники»²⁰⁴.

Новым в этом тексте по сравнению с более ранними сообщениями арабо- и персоязычных источников X—XII вв. является сведение об употреблении кыргызами-хакасами на Енисее каменного угля, что подтверждается и археологическими данными XIII—XIV вв.

После разгрома и выселений 1293 и 1295 гг. Саяно-Алтайское нагорье, обескровленное и придавленное пятой оставленных монголами военных поселенцев, вновь вошло в юаньскую провинцию Лин-бэй, которой управлял Камала. В 1309 г. наместник Лин-бэя предлагал императору на северной стороне Алтая устроить военнопашотные поселения. По-видимому, поселения такого рода существовали и на Енисее вплоть до падения Юаньской династии в конце XIV в. В Юань ши под датой 1 сентября 1321 г. сказано: «Пожалованы сиротам и вдовам северных племен зерно и бумажные деньги... Бедным семьям из племени у-эр-су (ursud) и хань-ха-на-сы (qanqanas) и других выданы по две кобылицы»²⁰⁵. Таково последнее известное нам сообщение XIV в. о племенах Верхнего Енисея, если только в данном случае речь идет не о ранее высланных с Енисея в Северный Дунбэй урсутах и хабханасах.

²⁰⁴ Очерки истории СССР, XIV—XV вв. М., 1953, с. 458; Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб Талхис ал-асар ва аджа'иб ал-малик ал-каххар. Пер. З. М. Буннятова. М., 1971, с. 101, 104.

²⁰⁵ Мункуев Н. Ц. Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII—XIV вв.—В сб.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970, с. 397.

После этого насильственно переселенные на Саяно-Алтайское нагорье монгольские и другие военные поселенцы выехали в родные края или были изгнаны, и местное население в конце XIV — начале XV в. скорее всего было предоставлено самому себе.

Безжалостный военный разгром и физическое уничтожение больших масс населения были произведены полчищами древнемонгольских феодалов в государствах от Саяно-Алтайского нагорья на западе до Приамурья и Приморья на востоке. К. Маркс и Ф. Энгельс справедливо указывали, что «...достаточно бывало одной опустошительной войны, чтобы обезлюдить страну и уничтожить ее цивилизацию на сотни лет»²⁰⁶. Именно это случилось с Южной Сибирью в XIII—XIV вв., где самобытная цивилизация была безвозвратно погублена древнемонгольскими феодальными правителями.

Огромный регресс, вызванный завоеванием XIII в., объясняет, почему в Сибири в XV—XVII вв. обитало сравнительно малочисленное население, переживавшее глубокий экономический и культурный упадок. Кроме Сибирского ханства только в южной полосе кое-где существовали мелкие разрозненные феодальные улусы.

Глава II

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

1. Хозяйство и быт

Обитатели Южной Сибири с древности вели комплексное хозяйство, умело используя естественно-географические условия. Основной хозяйственной деятельностью населения древнехакасского государства являлось занятие земледелием и скотоводством. Земледелие у древних хакасов было высоко развито, чем они выделялись среди других народов Центральной Азии и Сибири. Об этом свидетельствуют как письменные, так и археологические источники¹. Так, например, в тексте известной харабалгасунской стелы, поставленной в 822 г. в уйгурской сто-

²⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 221; ср. т. 3, с. 54.

¹ См.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 568—572; Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948; Левашова В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939.

лице Орду-Балыке, в качестве основных военных трофеев, взятых якобы в разгромленном «гянгуньском государстве», подчеркивается, что «коровы, лошади, хлеб и оружие были нагромождены высокими горами». Конечно, не коровы и лошади, а в первую очередь хлеб и, возможно, оружие могли быть «нагромождены высокими горами» в государственных хранилищах. Эта добыча и вызывала восторг у завоевателей. Древнехакасский хлеб был действительно желанной и важнейшей добычей для многих степняков, как в ранние, так и в более поздние эпохи. Таншу сообщает, что хакасы «сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень. Муку мелют ручными мельницами; хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне. Вино квасят из каши»². В Тайпинхуаньюцзи (X в.) упоминается «ячмень, пшеница, темное просо, конопляное семя. В третью луну (апрель. — Л. К.) постоянно пашут и сеют, в восьмую (сентябрь. — Л. К.) и девятую луну (октябрь. — Л. К.) собирают (урожай), варят кашу, чтобы делать напиток, также чтобы перебродить (на) водку. Для пшеницы имеется пеший (т. е. он приводится в действие людьми) жернов, (которым) делают муку. К пище ажэ добавляют хлебцы». В источнике упоминаются также посевы овса и метельчатого проса³.

Арабский автор конца X в. Абу Дулаф писал, что народ (хакасы) «питается... просом, рисом, говядиной, бараниной, козлятиной и всяким мясом, кроме верблюжьего»⁴. Мутаххар ал-Макдиси также описывает «племя хирхиз», как оседлое: «У них имеются посевы и деревья» (вероятно, плодовые. — Л. К.)⁵.

Арабский автор середины XII в. ал-Идриси, опираясь на данные не дошедшего до нас сочинения ал-Джейхани (X в.), писал, что «жители страны построили на реке Менказ⁶ мельницы, на которых перемалываются в муку

² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, т. 1, с. 351; Васильев В. П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне.— Сб. ТОЭ. СПб., 1897, вып. III, с. 25.

³ Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, с. 58, 282.

⁴ Григорьев В. Об арабском путешественнике Абу Долефе и странствовании его по Средней Азии. СПб., 1872, с. 34.

⁵ Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969, т. 2, с. 306.

⁶ Менказ (или Менхар) — может быть имеется в виду впадающая справа в Енисей река Минус (адаптация древнего «Мен оғұз»), на которой ныне стоит Минусинск.

рожь, рис и другие зерновые злаки. Из этой муки пекут хлеб или же их (злаки) едят сваренными каким-либо другим образом — это и составляет их питание»⁷. Таким образом, у средневековых хакасов были не только ручные, но и сложные водяные мельницы, а в пищу они употребляли просо, ячмень, пшеницу, гималайский ячмень, коноплю, рожь, овес и рис, который, очевидно, был привозным. Вероятно, хакасы разводили и сады. Подтверждением тому могут служить исторически точные сведения великого Низами (конец XII в.), использованные им при описании земли Хирхиз на Енисее:

И порядок, минуя и роши и пашни,
Встретил он (Искендер.— Л. К.) и покой,— здесь
как видно, всегдашний:
Вся дорога в садах, но оград не найти.
Сколько стад! Пастухов же у стад не найти.
Сердце царского стража плода захотело.
К отягченным ветвям потянулся он смело...
...И, помчавшись, лугов миновал он простор,
И сады, и ручьев прихотливый узор.

И далее многое поясняется в диалоге Искендера с жителями «земли Хирхиз»:

Молвил царь: «Ваше мужество,— странно оно.
Почему осторожности вам не дано?
...Столько дивных садов, но они без оград!
И без пастырей столько кочующих стад!»

В ответе местных жителей Искендеру, в частности, говорится:

Сеem мы семена в должный день, в должный час
И вверяем их небу, кормящему нас.
Что ж нам делать затем? В этом нету вопроса.
В дни страды ячменя будет много и проса:
В дни посева полгода минует, и знай,
Сам-семьсот со всего мы сберем урожай⁸.

Археологические материалы VI—X вв. из Хакаско-Минусинской котловины значительно дополняют письменные известия⁹. Они также подтверждают, что земледелие здесь было плужным, с применением не только

⁷ Jaubert P. A. *Geographie D'Edrisi*. Paris, 1836, t. I, p. 500.

⁸ Низами. Искендер-намэ. М., 1953, с. 669—672; ср.: Кызласов Л. Р. Низами о древнехакасском государстве.— СА, 1968, № 4.

⁹ См.: Киселев С. В. Указ. соч.; Евтюхова Л. А. Указ. соч.; Левашова В. П. Указ. соч.

местных сох и деревянных плугов с железными сошниками, но и привозных сложных плугов с чугунными отвалами, которые начали завозить в Южную Сибирь уже с V в. По данным Таншу, даже племена гюньма или йелочжи, жившие к северу от древних хакасов (которые «часто дрались с хягасами, обликом много походили на хягасов, но говорили другим языком»), «пахали землю лошадьми». В другом источнике о них сказано: «С помощью лошадей и людей пахут плугом, сеют пять хлебов». Тюрки Алтая также знали плужное земледелие «при помощи коней и людей»¹⁰.

Засушливые участки степей и часть лугов орошались путем создания сложных ирригационных систем. В Северной Хакасии и на Енисейском левобережье обнаружены не только разветвленные сети древних каналов, но и остатки значительных ирригационных сооружений типа плотин, дамб и каналов, соединяющих русла двух рек и регулирующих их водостоки в нужном для земледельцев направлении¹¹. Для уборки урожая применялись косы-горбуши и железные серпы двух типов: втульчатые и черешковые. Крестьяне, занимавшиеся земледелием, жили оседло, целыми поселками. Таншу сообщает, что они «живут в избах, покрытых древесной корою». Избы были срубными (о соседях хакасов сообщалось, что они «связывали деревья наподобие колодезных срубов и покрывали их берестою. Это были их жилища»). Ал-Идриси писал: «Женщины предаются всякого рода занятиям, а мужчинам остается лишь работать на пахоте и жатве»¹². Существовало товарное производство хлеба на продажу, что являлось монополией государства. В надгробных древнехакасских надписях IX—X вв. встречаются слова: «ангыз» — жнивье, пашня; «тарлаг» — пашня, сохранившиеся и в современ-

---

¹⁰ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 350; Кюннер Н. В. Указ. соч., с. 52—53; Зуев Ю. А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков.— АКД. Алма-Ата, 1967, с. 15.

¹¹ См.: Федоров В. И. Древнее искусственное орошение в районе Минусинского понижения.— МИА. М., 1952, № 22; Яворский О. Мелиорация в Хакасии. Красноярск, 1968; Сунчугашев Я. И. Древний оросительный канал на речке Сир.— В кн.: Вопросы истории Хакасии. Абакан, 1977.

¹² Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 353; Jaubert P. A. Op. cit., p. 501.

ном хакасском языке¹³. На плите кургана Узун-Оба в Уйбатской степи нами обнаружена стихотворная надпись IX—X вв., свидетельствующая об особых жертвоприношениях духу земли с целью сбережения местных посевов. Другая найденная в той же степи на кургане Хара-Күрген надпись утверждала, что камень, на котором она написана, представлял собой межевой знак или пограничную веху на восточной оконечности земельных владений какого-то древнехакасского феодала. Имеется и ряд других межевых столбов, стоявших некогда по границам феодальных уделов, на которых сохранились имена владельцев этих земель¹⁴.

Кроме того, земледельцы занимались пастушеским скотоводством. Было распространено стойловое содержание крупного рогатого скота и свиней. На зиму заготавливалось сено. Траву косили косами-горбушами. Из танских хроник известно, что хакасы разводили коров, лошадей, овец и верблюдов. Таншу сообщает: «...имеют верблюдов, коров, овец; коровы наиболее многочисленны; у богатых земледельцев достигают несколько тысяч (голов)»¹⁵. Отсюда следует, что наиболее богатыми скотоводами были владельцы крупных земельных пахотных наделов — феодалы-вотчинники, в зависимости от которых находились крестьяне-земледельцы. Хакасы занимались разведением разных пород собак: охотничьих, пастушеских и гигантских боевых. Преобладание коров в стаде указывает на оседлый образ жизни богатых феодалов и их крестьян¹⁶. Оседлость подтверждается находками костей свиней и поросят в составе заупокойной пищи в могилах типа чаатас и в слоях древнехакасских городов. А вот что сообщает о скотоводстве древних ха-

---

¹³ См.: Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 34, 95, 110.

¹⁴ См.: Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия).— СТ, 1976, № 1.

¹⁵ Исправленный текст [см.: Кюнер Н. В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв. н. э.— Записки Хак. НИИЯЛИ. Абакан, 1951, вып. 2, с. 8—9] из Тайпин-хуаньюйци (X в.): «Их разный скот верблюды, коровы, овцы, но коровы наиболее многочисленны. Богатые семьи имеют 2—3 тысячи голов».

¹⁶ См.: Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов.— СА, 1964, № 3, с. 54; ср.: Тольбеков С. Е. Обще-ственно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата, 1959, с. 26, и др.

касов ал-Идриси: «В этой стране выращивается много лошадей, быков и овец. Лошади имеют очень короткую шею и чрезвычайно жирны. Их откармливают для еды. Что касается быков, то их употребляют главным образом для перевозки тяжестей»¹⁷. В Тайпинхуаньюцзи мы читаем: «Их лошади чрезвычайно крепки и крупны; тех, которые могут сражаться, называют головными лошадьми». И далее: «Их лошади одеты в щиты от брюха до ног»¹⁸.

Все эти данные свидетельствуют, что хакасы в VI—XII вв. разводили разные породы лошадей. Кроме небольших лошадок, откармливаемых на мясо, хакасы выводили рослых боевых коней. Наконец, имелась особая порода прекрасных быстроногих скакунов, которых хакасские послы привозили в подарок танским императорам и для продажи. Источники называют их знаменитыми, «прославленными» лошадьми¹⁹ или «прекрасными скакунами, достойными породы лун-ю», «белыми лошадьми»²⁰ и т. д.

По мало пригодным для земледелия засушливым степным участкам размещались пастбища коневодов и хозяйства рядовых крестьян-полукочевников, специализировавшихся на разведении верблюдов и мелкого рогатого скота, но имевших небольшие посевы ячменя и проса. В сообщении Худуд ал-Алам (X в.) сказано: «У них есть повозки, бараны, коровы и лошади; они странствуют, ища воды, травы, (благоприятной) погоды и лугов»²¹.

Часть высшей феодальной знати, опираясь на владение землей и обеспечивая себе приток земледельческих продуктов за счет эксплуатации труда закрепощенных крестьян и рабов, занималась разведением конских табунов, особенно в приенисейских, абаканских, а затем в тувинских и горноалтайских степях. Для ухода за ско-

¹⁷ *Jaubert P. A.* Op. cit., p. 501.

¹⁸ *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири..., с. 59—60. Ср. в Таншу: «Лошади плотны и рослы. Лучшими считаются, которые сильно дерутся» (*Бичурин Н. Я.* Указ. соч., т. 1, с. 351).

¹⁹ *Кюннер Н. В.* Указ. соч., с. 56—57.

²⁰ *Сунпруненко Г. П.* Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века.— ИАН Киргизской ССР, серия обществ. наук. Фрунзе, 1963, т. V, вып. I, с. 70—71, 75, 77.

²¹ *Minorsky V. 2.* «Hudud al-Alam. The Regions of the World» a persian geography. 372 A. H.—982 A. D. London, 1937, p. 96.

том применялся труд зависимых скотоводов-кыштымов, а также рабов. В Таншу хронист, сообщая о живущих в отрогах Восточных Саян трех тюркоязычных улусов-дубо, мплигэ и эчжы, которые также «живут в избах, берестюю покрытых», записал: «Хягасы ловят их и употребляют в работу»²².

В древнехакасских енисейских эпитафиях VIII—XII вв. постоянно указывается, что умерший феодал сожалеет об оставшихся тысячах голов его собственных «быстроногих» или «опережающих» лошадей, о «скоте без числа», о «сытом рогатом скоте», о числе загонов для скота и т. д. Сообщается о 1000, 4000 и даже 6000 «монх лошадей», «о множестве скота»²³. Но, к сожалению, ничего не говорится о том, как было организовано столь крупное феодальное хозяйство.

Вся эта устойчивая система хозяйства в IX—XII вв. была распространена в Туве, Горном Алтае и Северо-Западной Монголии. Именно к этому периоду относится сооружение значительного количества известных на территориях Алтая и Тувы древних оросительных каналов, сеть которых особенно выросла после IX в. Сооружались каналы с каменными опорными стенками. В Туве найдены древнехакасские косы-горбуши, наряду с характерными для тюрков топорами-теслами появились настоящие проушные топоры, удобные для сооружения срубов жилых домов. Для той же цели применялись и долота²⁴.

Какая-то часть втульчатых лемехов от плугов, в довольно большом количестве найденных на территории Тувы и Алтая, несомненно, относится к этому же периоду. Земледельческая традиция, существовавшая и у местных племен Алтая и Тувы на протяжении веков, получила в этот период дальнейшее развитие, несравнимое по интенсивности со всей предшествующей их историей. Часть населения была занята только полукочевым скотоводством и являлась основным поставщиком продуктов скотоводства. Практиковалась облавная охота на диких животных и птиц с собаками и кречетами.

Жившие в горно-таежной зоне кыштымы занимались преимущественно охотой, рыболовством и сбором съедобных кореней. В качестве домашнего скота они раз-

²² Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 354.

²³ См.: Малов С. Е. Указ. соч., с. 19, 27, 30, 49, 74, 77, 83, 85.

²⁴ См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, табл. III, с. 43—45.

водили северных оленей, используя их для верховой езды и для транспортировки грузов. Письменные источники сообщают о большом значении охоты на ценных пушных зверей и иную дичь. Из Таншу известно, что «ясачные вносят подати соболями и белкой», что «из зверей находятся тарпаны, козули, сохатые и чернохвостые козы. Чернохвостые козы походят на кабаргу, но имеют большой черный хвост», а «меха соболя и рысьи составляют богатое одеяние»²⁵. В Тайпинхуаньюйцзи сказано: «Эти люди любят охотиться на животных. Все пользуются деревянными конями (лыжами). Когда поднимаются и опускаются по северному склону гор, (так) стремительно несутся, точно летят»; жители «ценят меха соболей и котиков» (очевидно, бобров.— Л. К.). Упоминается и о том, что послы привозили в подарок танским императорам «соболиные шубы и соболиные шкуры». И далее: «Из диких животных имеются: дикие лошади, гуду (буквально «мамонты»), желтые бараны «юань», бараны «ди», олени и чернохвостые. Чернохвостые подобны кабаргам, но хвост (у них) длинный и черный. Туземцы называют их «сымо» (т. е. «сын» — марал.— Л. К.). ...Из птиц имеются гуси, аисты, вороны, сороки, ястребы...»

Сообщая о рыболовстве, все источники обращают внимание на вылавливание осетров: «Из рыб есть одна, длиной около семи футов, гладкая и без костей, рот под носом»; «из рыб имеются мйе, длиною в семь-восемь чи; рыба мохэнь, у которой рот находится внизу челюсти, и без костей»²⁶. «Водится рыба, так называемая шетрун, похожая на саканкур египетского Нила в момент метания икры. Говорят, что эта рыба имеет очень мало костей, что ее мясо как бы разделяется на отдельные части и не издает никакого специфического рыбного запаха»²⁷.

Таким образом, хозяйство древних хакасов было комплексным, и разделение труда между земледельцами и скотоводами было значительным. Имелись обособленные производственные группы с различным направлением хозяйства: земледельцы, сохраняющие пастушеское разведение скота, скотоводы и оленеводы — охотники по преимуществу.

²⁵ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 352.

²⁶ Кюнгер Н. В. Указ. соч., с. 59—60.

²⁷ Jaubert P. A. Op. cit., p. 500.

2. Ремесленное производство и горное дело

Экономика древнехакасского государства опиралась в основном на натуральное хозяйство, в котором большую роль играло домашнее производство почти всех необходимых в обиходе предметов. Однако различные специализированные ремесла несомненно составляли важную по экономическому значению отрасль хозяйства²⁸. К сожалению, еще не выявлена роль городского ремесла, первые признаки которого уже получены при раскопках городов. Как известно, местные племена начиная с эпохи бронзы постоянно развивали и совершенствовали горные промыслы. В это время горное дело, которым занимались специализированные группы людей, было особенно сильно развито. Рудокопы добывали железную и медную руду, золото, серебро, ртуть и оловосодержащие минералы (касситерит), металлурги выплавляли цветные и черные металлы в особых плавильных горнах²⁹.

Ал-Истахри (начало X в.) сообщает, что в горах «имеются серебряные и золотые рудники, и самые лучшие из них те, что в границах хырхызов». По ал-Идриси, «жители страны занимаются ремеслом и применяют много ухищрений для добычи драгоценных камней»³⁰. Значит, существовала добыча и огранка драгоценных камней в ювелирном производстве.

В одной из енисейских надписей того времени с правого берега Улуг-Хема упоминаются шахты³¹. Таншу в рассказе о хакасах указывает, что у них «есть золото, железо, олово. В каждый дождь обычно получают железо, называют его: цзя-ша. Делают оружие крайне острое». Как показали металлографические исследования, хакасские кузнецы были мастерами высокого класса. Они не только умело применяли наварку стальных лезвий или даже многослойную сварку, но и создавали высококачественное цельно стальное оружие и орудия тру-

---

²⁸ См.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 573—590.

²⁹ См.: Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасско-Минусинской котловины. Эпоха железа. Новосибирск, 1979.

³⁰ МИКК. М., 1973, вып. I, с. 17, 26; *Jaubert P. A. Op. cit.*, p. 501.

³¹ См.: Малов С. Е. Указ. соч., с. 83.

да³². Кроме рудного железа древнехакасские кузнецы собирали и использовали также метеоритное железо. Очевидно, в Хакасии в тот период времени метеоритов падало особенно много. Об этом сообщает Тайпинхуаньюйци (X в.): «Их земля производит золото, железо и олово... их государство имеет (также) железо небесного дождя, его собирают, чтобы делать ножи и мечи, (оно) отличается от (обычного) железа»³³.

Отделение ремесла от земледелия привело металлургов и кузнецов к созданию специализированных обособленных поселений и даже целых производственных районов. Десятки средневековых «заводов», работавших на привозной железной руде, обнаружили археологи в борах по правому берегу Енисея. Здесь исследованы многочисленные железоплавильные печи, горны, ямы для обжига угля, шлаки, крицы и т. п. Относятся они к IX—XIII вв.³⁴

Археологические исследования позволяют установить, что в этот период особенно выросла добыча олова. Из чистого олова отливали сосуды, различные украшения поясов, серьги, кольца и т. д. Местные племена Тувы специализировались на добыче и выплавке олова, причем достигли в этом крупных успехов³⁵.

Нет необходимости перечислять предметы, изготовлявшиеся кузнецами. Они выделывали все: от земледельческих, деревообрабатывающих и иных специализированных орудий до мельчайших принадлежностей конского снаряжения. Особенно славились оружейники, выковывавшие длинные мечи и кинжалы, прочные пластинчатые панцири и шлемы, разнообразные наконечники стрел и копий. Острые концы и лезвия различного оружия имели стальную наварку. Кузнецы и ювелиры освоили не только плющение серебра, золота и меди, но и зо-

---

³² См.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. 1, с. 352; Хоанг ван Кхоан. Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири.— СА, 1974, № 4.

³³ Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири..., с. 59.

³⁴ См.: Левашева В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, с. 48—51; Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасско-Минусинской котловины. Эпоха железа; *Merhart Gero, von.* Ein Eisenschmelzofen am Jenissei, ESA, Helsinki, 1929, IX.

³⁵ См.: Кызласов Л. Р. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении).— ВМУ, серия IX, история, 1964, № 4.

лочение бронзовых изделий при помощи ртути, а также технику тончайших инкрустаций этими металлами железных изделий. Литейщики отливали в специальных формах предметы из меди, бронзы, различных сплавов и драгоценных металлов. Расцветало ювелирное ремесло. Многие предметы являлись образчиками художественного прикладного и ювелирного искусства. Они покрывались искусным народным орнаментом. Особенно замечательными были золотые и серебряные сосуды: кувшинчики, бутылки, блюда, подносы и кружки, нередко украшенные чеканными и накладными узорами.

Наряду с хозяйственной посудой, формованной от руки, хакасские гончары еще в VI в. создавали стройные высокие вазы, выполненные на гончарном круге, схожие по формам с уйгурскими VIII—IX вв. Для погребального обряда лепились грубые баночные и мелкие бокаловидные сосудики.

Работали, кроме того, строители—каменщики, плотники, шорники, художники — резчики по камню, кости и дереву, каменотесы и особая категория резчиков надписей на енисейском алфавите по камню. Их нелегкий труд был почитен. В надписи на утесе Хая-Бажы сохранилось даже имя вырезавшего ее мастера: «Писавший это был Ангин», а на камне в Мугур-Сарголе — «написал Кулун».

Производилась также путем вываривания добыча поваренной соли из рапы соленых степных озер. Например, добычу соли на озере Хызыл-кель в Салбыкской степи производила и контролировала специально жившая там группа людей, которая оставила на берегу озера известный Кызылкульский чаатас.

3. Торговые пути и связи

Из письменных источников известно, что древние хакасы вели оживленную торговлю не только со своими ближайшими соседями, но и со Средней Азией, Восточным Туркестаном, Тибетом, Ляо и Китаем, до границ которых их войска доходили в середине и во второй половине IX в. Таншу сообщает, что их «женщины носят платье из шерстяных и шелковых тканей, которые они получают из Ань-си (Куча в Восточном Туркестане.— Л. К.), Бэйтин (город Бешбалык в Восточном Туркестане.— Л. К.) и Дахя (современный Афганистан.—

Л. К.)». Более точный перевод начала этого текста гласит: «Женщины носят платье из тонких шерстяных тканей, узорных многоцветных тканей, плотных шерстяных тканей и камчатных тканей»³⁶. Далее говорится, что к хакасам «из Даши (таджики Средней Азии. — Л. К.) не более двадцати верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями, но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на двадцать четыре верблюда. Такой караван отправляли один раз в каждые три года»³⁷. Кроме того, сообщается, что хакасы «постоянно взаимно поддерживали сношения с Даши, (таджики Средней Азии. — Л. К.), Туфань (Тибетом. — Л. К.) и Гэлу (карлуками Семиречья. — Л. К.). При перевозке из Туфань, опасаясь грабежей хуйгу (уйгуров — Л. К.), непременно отправлялись в Гэлу, чтобы подождать охраны из Хягасы»³⁸. Таким образом, в эти бурные времена торговые караваны среднеазиатских и тибетских купцов сопровождали в их долгом пути на Енисей хакасские охранные отряды. По данным ал-Макдиси (конец X в.), «от Тараза (ныне город Джамбул. — Л. К.) к тогузгузам (уйгурам. — Л. К.) месяц пути, а от тогузгузов в свою очередь такое же расстояние до хирхиз».

«Путь к киргизам» из Средней Азии и Восточного Туркестана, проходивший через пустыни и горы в Западную Туву и далее через Саянский хребет, подробно описан персидским автором XI в. Гардизи: «Путь к киргизам ведет из страны тогузгузов (уйгуров. — Л. К.), именно из Чинанджкета в Хасан; из Хасана в Нухбек до Кемиз-арта один или два месяца пути среди лугов и 5 дней по пустыне. От Кемиза до Манбек-Лу два дня идут по горам, потом приходят в лес; начинается степь, источники, место охоты, до горы, которую называют Манбек-Лу (возможно, хребет Танну-Ола, западная часть которого именуется Монгун-Ола. — Л. К.); гора высока; на ней много соболей, белок и доставляющих мускус антилоп (кабарги. — Л. К.), много деревьев и обильная охота; гора хорошо населена. После Манбек-Лу прихо-

---

³⁶ Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины (к вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). М., 1975, с. 14.

³⁷ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 354—355.

³⁸ Кюннер Н. В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов). — Зап. ХНИИЯЛИ. Абакан, 1951, вып. II, с. 11.

дят к Кёгмену (Саянскому хребту. — *Л. К.*); по дороге встречаются пастбища, хорошие источники и много дичи; четыре дня идут по такой местности (по Западной Туве. — *Л. К.*) до горы Кёгмен. Гора высока; на ней много деревьев; дорога узка. От Кёгмена до киргизского стана 7 дней пути (по современной Арбатско-Манчурекской тропе и Хакасии. — *Л. К.*); дорога идет по степи и лугам, мимо приятных источников и сплетенных между собой деревьев, так что враг не может проникнуть туда; вся дорога подобна саду, до самого стана киргизов. Здесь военный лагерь киргизского хакана, главное и лучшее место в (стране)...

К ставке кагана, по Гардизи, «ведут три дороги, по которым можно идти; кроме них доступ отовсюду прегражден высокими горами и сплетенными между собой деревьями. Из трех дорог одна ведет к тогузгузам на юг; другая — к кимакам и халлухам на запад; третья в степь (на восток. — *Л. К.*); надо идти 3 месяца, пока не придешь к большому племени фури»³⁹, т. е. к курыканам Прибайкалья. По всем этим дорогам на юг, запад и восток от древнехакасского государства ездили как сами хакасы, так и мусульманские купцы, сведениями которых и воспользовался Гардизи.

Из Средней Азии и Восточного Туркестана хакасы получали не только шерстяные и шелковые ткани, но и другие предметы роскоши: серебряные «сасанидские» кувшины, кубки и чаши для пиров, зеркала, стеклянные и каменные (агатовые, сердоликовые) бусы, раковины каури и т. п. В обмен на это хакасы, по данным авторов IX—XII вв., продавали на запад мускус, получаемый при охоте на кабаргу и употребляемый арабами и персами для изготовления особых благовоний и лекарств; меха соболей, куниц, серых белок; древесину дерева «хаданг», т. е. березы (ср. тувинское «хадын» — береза. — *Л. К.*), и другого дерева, называвшегося «халани» (ср. узбекское «халанж» — вереск), а также рог «хуту» (ископаемые бивни мамонта) или же ручки ножей, сделанные из рога хуту⁴⁰. Именно эти дефицитные в южных странах товары добывали кыштымы, главным об-

³⁹ Бартольд В. В. Соч. М., 1973, т. VIII, с. 47.

⁴⁰ См.: МИТТ. М.—Л., 1939, т. I, с. 144; МИКК. М., 1973, вып. 1, с. 17, 26, 37, 42, 51; Григорьев В. Указ. соч., с. 34; Бартольд В. В. Соч., т. VIII, с. 47; *Minorsky V. Hudud al-Alam*, p. 62, 96.

разом промышлявшие в горно-таежных районах. В Тайпинхуаньюйцзи сказано, что в земле Хагас «из деревьев имеются сосны и тростниковые сосны. Они высоки, так что, если выстрелить, стрела не долетает до вершины. Еще имеются вязы и ивы, особенно многочисленны березы».

Государство, осуществляя свое монопольное право и получая налоги с торговли, вело в это время значительный торговый и культурный обмен с Китаем и государством киданей. О торговле свидетельствуют находки предметов китайского происхождения, обнаруженные в Хакасско-Минусинской котловине и отчасти в Туве (лемехи и отвалы плугов, зеркала, шелка, изделия из лака, фарфора, бронзовые монеты и т. п.). При подсчетах дальневосточных зеркал и монет, найденных в Хакасско-Минусинской котловине, выяснилось, что больше всего монет поступало в период VI—X вв.⁴¹ а зеркал — в VI—XII вв.⁴², т. е. в пору расцвета древнехакасского государства.

Дальневосточные монеты находились в обращении на всей территории древнехакасского государства, так как своих монет хакасы не выпускали⁴³. На западных окраинах государства (Алтай, Средняя Обь), в древнехакасских погребениях эпохи его экспансии в IX—X вв., найдены среднеазиатские монеты — хорезмийские и тюркешские. На четырех дальневосточных монетах обнаружены врезанные енисейские надписи.

В коллекции Минусинского музея хранится уникальная танская позолоченная монета 759 г., украшенная орнаментом, которая, по словам Е. И. Лубо-Лесниченко, «еще раз свидетельствует о богатстве и мощи кыргызского государства, где скапливались значительные художественные ценности соседних народов»⁴⁴.

Караванный путь, по которому везли товары из Китая в Южную Сибирь и обратно, проходил через Ордос,

---

⁴¹ См.: *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, с. 591—593; *Лубо-Лесниченко Е. И.* Дальневосточные монеты из Минусинской котловины. — В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.

⁴² См.: *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины, с. 7.

⁴³ См.: *Лубо-Лесниченко Е. И.* Дальневосточные монеты..., с. 163.

⁴⁴ Там же, с. 163, 169.

пустыню Гоби, долину Орхона и Туву: «От корпуса Тяндэ (в Ордосе. — Л. К.) на запад (через) 200 ли прибывают в Западный Шоуцзянчэн (на северо-западе бывшей провинции Суйюань. — Л. К.). Еще на север в 300 ли (прибывают) к Пэнтицюань — Пеликаний ключ; на северо-запад от Хуйчжан в 1500 ли; от хуйгу (уйгуры. — Л. К.) на северо-запад в 40 днях пути, тогда только прибывают в то государство». Хакасы продавали в Китае меха ценных пушных зверей, прекрасных скакунов, мускус, искусно изготовленное оружие и тот же рог хуту, т. е. ископаемые кости мамонта, о которых знали и китайцы (гуду или гудуси) ⁴⁵.

Что касается окружающих степных скотоводческих, а также охотничьих таежных народов, то они покупали у хакасов самые разнообразные товары. В первую очередь покупали хлеб, товарное производство которого находилось в средневековой Хакасии на высоком уровне. Многие, даже тюрки-тугю, покупали прославленное хакасское оружие. Письменные источники сообщают, что «хакасы делают оружие крайне острое: постоянно вывозят к тукюе» ⁴⁶. Продавались и изделия искусного ремесла.

Если пути, через которые осуществлялись культурные и торговые связи древнехакасского государства со странами юга и востока, в какой-то степени изучены, то западные связи пока еще изучены мало. Считаю необходимым обратить внимание историков на ряд фактических и полуполюгендарных свидетельств о существовании культурных и экономических связей древнехакасского государства с географически отдаленными феодальными державами Европы и о длительном функционировании прямого торгового пути, ведущего через Западную Сибирь с низовьев Волги на Средний Енисей. Все эти свидетельства письменных источников позволяют в новом свете оценить ряд археологических фактов, которые до сих пор из-за отдаленности и отрывочности выглядели случайными и не находили объяснения.

По Ибн Хордадбеку (IX в.), через Хазарию пролегал торговый путь, ведущий из Арабской Испании и Франции в Китай. Этот путь от Поволжья шел на юг через

---

⁴⁵ См.: Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, с. 57—59.

⁴⁶ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 352.

Среднюю Азию и страну уйгуров (тугуз-гузов), а далее — до Китая⁴⁷.

По данным археологии, в середине IX в. часть войск средневековых хакасов, очевидно, в погоне за уйгурскими отрядами, которые убегали на запад⁴⁸, достигла Оби (чуть ниже современного Новосибирска), ее левых притоков Чарыша и Алея, а также Среднего Иртыша (севернее современного Павлодара — могильники близ села Бобрового и близ устья Ишима на реке Кип). Здесь ныне раскопаны курганы древнехакасской тюхтятской культуры IX—X вв. — кладбища древнехакасских дружинников, стоявших там гарнизоном, а также купцов. Как далеко прошли на запад древние хакасы, пока неясно. Не исключено, что их представители достигали государства волжских болгар. Очень похоже на древнехакасское (сходное по обряду и вещам) трупосожжение IX—X вв. у села Балымер в Татарии, открытое в конце XIX в.⁴⁹

В IX—X вв. в причерноморских степях появились необычные и до конца еще не разгаданные погребения, сходные с древнехакасскими по обряду и инвентарю (трупосожжения с тайниками, смятыми саблями, колечатыми кинжалами, специфическими наконечниками стрел и т. д.). На Украине (в Чигиринском уезде) найдена тюхтятская бляха с характерным древнехакасским узором⁵⁰. Некоторые из причерноморских могил находятся под каменными кольцами. С. А. Плетнева пола-

---

⁴⁷ См.: *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967, т. II, с. 85.

⁴⁸ См.: *Ахинжанов С. М.* Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия. — Вестник АН Каз. ССР, № 1, январь 1970, с. 46; *Кумекон Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 38, 42, 46.

⁴⁹ См.: Известия общества археологов, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1892, т. X, вып. 2; ср.: *Генинг В. Ф., Стоянов В. Е.* и др. Археологические памятники у села Рождествено. Казань, 1962, с. 86—87.

⁵⁰ См.: *Кухаренко Ю. В.* О некоторых археологических находках на Харьковщине. — КСИИМК. М., 1951, вып. 41; *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо. — КСИИМК, М., 1979 вып. 158, с. 54—56 (ср.: *Саханев В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах. — ИЛК. Петроград, 1914, вып. 56, с. 107—121); *Ханенко Б. Н., Ханенко В. И.* Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Киев, 1907, вып. VI, с. 30, № 407.

гает, что «в этом случае близость их к хакасским памятникам становится еще очевиднее»⁵¹.

Данные археологии, свидетельствующие о продвижении древнехакасских войск в середине IX в. сквозь земли кимаков до Среднего Иртыша и далее на запад, помогают понять и некоторые неясные прежде места из письменных источников, например упорное утверждение арабских и персидских авторов X в. (ал-Истахри, Ибн Хаукаль, Худуд ал-Алам) о том, что река Итиль (т. е. Волга) «берет начало близ (земли) хырхызов (или «вытекает от границы хырхызов»; «вытекает из области Хиргиз» и т. п.) и течет между землями кимаков и гуззов», что кимаки обитали «к северу от карлуков, между огузами, кыргызами и горой Саклабня», что кыргызы на карте Ибн Хаукаля оказываются к северо-востоку от карлуков и даже что «кимаки лежат севернее киргизов» (ал-Марвази, XII в.; Ауфи, XIII в.)⁵². Все это свидетельствовало об изменении границ древнехакасского государства и продвижении кыргызских войск далеко на запад от Саяно-Алтая. Не случайно, что приведенные выше сведения появляются у авторов начала X в., т. е. восходят еще к IX в., а ранее неизвестны.

Тщательное исследование сведений Ибн Хаукаля, произведенное В. П. Демидчиком, показало, что, по данным этого автора, Волга «вытекает из земель русов», т. е. славян. А ее «приток», который «вытекает из области Хиргиз и течет между Кимакией и ал-Гуззи-ей...», — это река Урал⁵³. Если такая точка зрения может считаться обоснованной, то из этого следует, что западная граница «области Хирхиз» в середине и во второй половине IX в. достигала Южного Приуралья.

⁵¹ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 100—102.

⁵² См.: МИКК, с. 16, 25, 40, 43. При нашем понимании источников отпадают последние намеки на существование в то время киргизов на Тянь-Шане (см.: Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 56, 59—63, 67). Ал-Йакуби в конце IX в. писал: «Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей и несколько государств, в том числе: карлуки, токуз-гузы, тюргеши, кимаки и гузы. Каждый [из этих] народов тюрков [имеет] отдельное государство, и одни из них воюют с другими». Очевидно, что никаких киргизов в то время в Средней Азии не было.

⁵³ Демидчик В. П. Описание Волги в «Книге изображений земли» арабского географа X в. Абу-л-каси́ма Ибн Хаукаля. — Изв. АН Тадж. ССР, отд. обществ. наук. Душанбе, 1962, вып. 2; ср.: Кумеков Б. Е. Указ. соч., с. 62.

Продвижение древнехакасских войск на запад подтверждают и другие факты. Как уже говорилось, из сведений Худуд ал-Алам вытекает, что к середине IX в. древние хакасы владели не только Алтаем; «некоторая часть хырхызов» проникла на запад от области тогузгузов (т. е. на запад от Алтая от центральноазиатских владений уйгуров). Там же сообщается, что в области кимаков есть район «Андар аз хифчак» или «Андар аз-кыфчак», жители которого «напоминают гузов некоторыми своими обычаями»⁵⁴. Видимо, упомянутое персидское название следует понимать как этнонимы ондар, аз и кыфчак⁵⁵. О другом районе, называемом «Қарқарахан» или «Қырқырхан», принадлежащем кимакам, тот же источник сообщает, что жители его «напоминают по (своим) обычаям хырхызов»⁵⁶. Последнее сообщение, возможно, также свидетельствует о пребывании кыргызов-хакасов в земле кимаков, благодаря сильному влиянию которых местные жители усвоили некоторые из обычаев «хырхызов».

Наконец, о тесных контактах древнехакасского государства с западом через земли кимаков и о наличии в IX—X вв. особой дороги, ведущей на запад от ставки хакасского кагана, сообщает, как уже говорилось, Гардизи (XI в.): «Из трех дорог одна ведет к тогузгузам (т. е. уйгурам. — Л. К.), на юг; другая — к кимакам и халлухам (т. е. карлукам. — Л. К.), на запад; третья — в степь (на восток. — Л. К.)»⁵⁷.

В этой связи следует вспомнить сообщаемую Гардизи легенду о происхождении кыргызов и их «начальника»: «Что касается причины образования народа киргизов, то происхождение их начальника было таково. Он происходил из славян и был одним из славянских вельмож; когда он жил в стране славян, туда прибыл посол из Рума; этот человек убил того посла... и по необходимости должен был покинуть страну славян. Он ушел отсюда и пришел к хазарам...», затем к Башджурту, «жившему между владениями хазаров и кимаков», потом «в одно место между владениями кимаков и тогузгу-

⁵⁴ МИКК, вып. 1, с. 40, 44; Кумекон Б. Е. Указ. соч., с. 65.

⁵⁵ См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 82.

⁵⁶ МИКК, с. 44. В переводе В. В. Бартольда: «Там люди следуют киргизским обычаям» (Бартольд В. В. Соч. М., 1963, т. II, ч. 1, с. 493).

⁵⁷ Бартольд В. В. Соч. М., 1973, т. VIII, с. 47.

зов». Он собирал вокруг себя беглецов из тогузгузов, гузов и других народов.

«Тому племени, которое собралось около него, он дал имя Киргиз. Когда известие о нем пришло к славянам, многие из них пришли к нему со своими семействами и имуществом, присоединились к другим и вступили с ними в родство, так что все слилось в одно целое. Признаки славянского происхождения (еще) заметны в наружности киргизов, именно красные волосы и белая кожа»⁵⁸. Легенду эту никто, кроме Гардизи, не повторяет. Легенда возникла, очевидно, из-за необъяснимого для арабских и персидских купцов и ученых европеоидного облика древних хакасов-киргизов⁵⁹.

Важно, что в этой легенде нашел правдивое отображение тот самый путь, который связывал запад с древнехакасским государством. Он шел из страны славян в землю хазар (Поволжье), оттуда — в Башджурт (к «башкирам» Ибн Фадлана, т. е. в Южное Приуралье), затем к кимакам (Средний Иртыш) и далее, очевидно, через Алтай на Енисей. Длительное существование этого пути и даже его продолжение на восток вплоть до Северного Китая подтверждается более поздними авторами. Так, египетский историк ал-Омари (XIV в.), ссылаясь на свидетельства купцов-мусульман, сообщает, что есть земли «Сибирь и Ибирь, потом за ними земля Чулыман (Причулымье. — Л. К.). Когда путешественник едет от Чулымана на восток, то он приезжает к городу Каракоруму (столица Монгольской империи на реке Орхон. — Л. К.), а далее в землю Хатайскую, в которой [находится] Великий Кан». А если путешественник едет от Чулымана на запад, то он приезжает в землю русских, потом в страну франков и к обитателям Западного моря, т. е. Атлантического океана. Именно на этом пути в Западной Сибири найдены привезенные из «страны франков» меч каролингского типа с латинской надписью

---

⁵⁸ Бартольд В. В. Указ. соч., с. 46—47.

⁵⁹ См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 126, 164. Весьма вероятно, что именно к IX—X вв. относится проникновение в землю Башджурт тех родо-племенных групп, которые сохранились в составе современных башкир: хакас и киргиз (из состава древних хакасов), ун (унгар) и сарыг (из древних уйгуров), а также ас (см.: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 229, 230, 250, 254, 271, 277, 339, 348, 349, 360, 361).

и бронзовая скульптура драконоборца, отлитая в Лотарингии в начале XIII в.⁶⁰

Существование восточного отрезка этого пути, соединяющего бассейны Чулыма и Среднего Енисея через Туву с городом Каракорум на реке Орхон, подтверждает сообщение мудреца Чан-чуня, посетившего Орхон в 1220 г. Он указывает: «Мука́ приходит сюда (на реку Орхон. — Л. К.) из-за северных гор, более чем за 2000 ли; торгующие варвары западных стран доставляют ее вьюками на верблюдах». Итак, в начале XIII в. среднеазиатские купцы (их китайские писатели называли «варварами западных стран») скупали муку у хакасов-земледельцев в Хакасско-Минусинской котловине и затем через Саянские горы и хребет Танну-Ола доставляли ее караванным путем в Центральную Монголию⁶¹.

Подтвердив существование самого северного торгового пути, идущего из Франции через Поволжье, Сибирь, Чулым и Енисей в Монголию и Китай, ал-Омари сообщает также об ответвлении от этого торгового пути, ведущем из Причулымья на север. «Купцы наших стран, — пишет он, — не забираются дальше города Булгара; купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулымские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера». Здесь важно сообщение о наездах на Чулым караванов болгарских купцов, а причулымских (хакасских) купцов — в Югру.

В этой связи следует вспомнить древний русский памятник «О человецех незнаемых в Восточной стране», восходящий к XIV—XV вв. и повествующий о жизни северных сибирских аборигенов — «самоеди». В нем содержатся облеченные в легендарную форму сведения «самоеди» о торговом пути, ведущем с севера в Южную Сибирь, и о городах-факториях, там расположенных: «Вверх тоя ж реки великия Оби есть люди ходят попод

---

⁶⁰ См.: Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории «Золотой Орды». СПб., 1884, т. 1, с. 215, 236, 238; Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. II, с. 169—170; Кызласов Л. Р. Памятник мусульманского средневековья в Туве. — СА, 1963, № 2, с. 208—209. Ср.: Дробоглав Д. А., Куртичников А. Н. Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири. — Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л., 1981; Миллер Г. Ф. История Сибири. М.—Л., 1937, т. I, рис. 19—20 (хранится в Гос. Эрмитаже).

⁶¹ См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 169—171.

землёю иною рекою день да ночь, с огни. И выходят на озеро. И над тем озером свет пречюден. И град велик, а посаду нет у него. И кто поедет к граду тому и тогда слышити шум велик в граде том, как и в прочих градах. И как приидут в него и людей в нем нет и шуму не слышити никоторого. Ни иного чего животна. Но в всяких дворех ясти и пити всего много и товару всякого. Кому что надобе. И он положив цену противу того, да возмет что кому надобет и прочь отходят. А кто что бес цены возмет, и прочь отидет, и товар у него погыбнет и обрящется паки в своём месте. И как прочь отходят от града того и шум паки слышети как и в прочих градах...»⁶² Но торговля южносибирских народностей с прииртышским и обским Севером началась значительно ранее XIII—XIV вв. Торговые взаимоотношения древнехакасских купцов «с Югрой» в IX—X вв. подтверждают находки отлитых на Енисее тухтятских бронзовых блях IX—X вв., обнаруженные в курганах на реке Шиш, правом притоке Иртыша. Кроме того, на реке Кип близ устья Ишима найдено кладбище древнехакасской торговой фактории⁶³.

Итак, в середине IX в. древнехакасские войска продвинулись далеко на запад, первоначально оттеснив какую-то часть кимаков к северу. Но затем, судя по общим кладбищам, гарнизоны хакасских воинов сосуществовали на Иртыше чересполосно с местным населением. Древнехакасские воины использовали в быту местные глиняные сосуды, которые изготавливались скорее всего их аборигенными женами. Все это видно как по местным типам сосудов, установленных в могилах древних хакасов IX—X вв., так и по сопутствующим погребениям женщин, которые не подвергались древнехакасскому обряду трупосожжения, а захоронены по местному обряду трупоположения.

---

⁶² Тизенгаузен В. Указ. соч., т. I, с. 240; Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. — Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1890, т. 4, с. 234—235.

⁶³ См.: Конигов Б. А. Новые материалы I тыс. н.э. из лесостепного и таежного Прииртышья. — Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978, с. 65, 69, табл. IV, 6, 11, 12; *его же*. Зооантропоморфные изображения эпохи раннего средневековья из Омского Прииртышья. — Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980, рис. 2 (4, 9, 10, 28). АО 1980 года. М., 1981, с. 184.

Вероятно, древнехакасские войска продвигались на запад вслед за разбитыми уйгурскими отрядами. Они не преследовали цели борьбы с кимаками и захвата их земель. Поэтому письменные источники того времени, описывая государство кимаков, не упоминают прямо об их борьбе с кыргызами-хакасами. Как долго пробыли хакасские гарнизоны в Прииртышье, неизвестно, но, судя по их кладбищам, более срока жизни одного поколения. Следует обратить внимание на то, что из еще более западного района, района города Степняк в Северном Казахстане, происходит «аскизский» древнехакасский комплекс XII—XIII вв., который также как бы подтверждает существование торгового пути из Хакасии на запад в это время.

Древнехакасские гарнизоны по мирному договору с кимаками обеспечивали охрану факторий и торговых караванов, продвигавшихся в широтном направлении по вышеописанному очень важному и для кимаков, и для хакасов степному пути из Нижнего Поволжья на Енисей и обратно⁶⁴. Во внутренние дела кимаков хакасы не вмешивались, но определенное воздействие древнехакасской культуры на кимаков следует отметить. Как сообщают письменные источники, в некоторых районах кимакского государства «люди следуют кыргызским обычаям», и как раз в IX—X вв. в этих землях появилась руноподобная тюркоязычная письменность на енисейском алфавите. Часть кимакской знати заимствовала от «кыргызов» — хакасов не только письменность, но и религию — манихейство, и так же, как древние хакасы (возможно с их помощью), стала строить храмы⁶⁵. Археологически в IX—X вв. отчетливо прослеживается сильное влияние материальной культуры древних хакасов на культуру племен Верхнего и Среднего Приобья и Прииртышья.

4. Общественный строй древнехакасского государства

В VI—VIII вв. в древнехакасском государстве существовали раннефеодальные общественные отношения.

⁶⁴ В то же время хакасские охранные отряды сопровождали из Семиречья на Енисей торговые караваны среднеазиатских и тибетских купцов, «опасаясь грабежей уйгуров» (*Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века*, с. 120).

⁶⁵ См.: *Кумеков Б. Е.* Указ. соч., с. 109—111; *Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г.* Руническая надпись на зеркале из верхнего Прииртышья. — *Тюркологический сборник*. 1972. М. 1973.

Дальнейшее их развитие привело к тому, что к IX в. феодальные отношения стали вполне сложившимися. В письме императора Уцзуна, направленном древнехакасскому кагану в июле 843 г., подчеркивалось: «Вы, каган, только что создали [большое] государство, управляете всеми вассалами»⁶⁶.

У древних хакасов существовало государственное и частное землепользование. В государственные земли входили кроме пашен и пастбищ правящего рода все горно-таежное пространство, а также захваченные и присоединенные земли. Закабаленное население этих земель платило натуральный налог (см. Синь Таншу: «Ясачные вносят подать соболями и белкой»), несло воинскую повинность и выполняло другие обязательства. В частных владениях с крестьян налоги взимались также натурой, главным образом зерном, производство которого носило товарный характер. Кроме того, имелись трудовые повинности, основанные на ссудной задолженности крестьян-хакасов своим феодалам хлеба, скота и т. п., входившие в отработочную ренту.

Что касается горнорабочих, металлургов, кузнецов и других ремесленников, то налоги государству они вносили изделиями своего труда, однако их статус, как и конкретные формы зависимости, остаются невыясненными из-за отсутствия первоисточников.

В начале IX в. за время войны с уйгурами (820—847) военно-административная система была усовершенствована не только для того, чтобы формировать новые военные отряды, но и для упорядочения работы тыла по материальному обеспечению древнехакасских феодальных армий: оружием, конским составом, различным военным снаряжением, хлебом, мясом, фуражом и т. п. Эта же система способствовала и дальнейшему развитию и укреплению феодальных отношений.

В это время шел интенсивный процесс разорения свободного крестьянства, которое все более попадало в зависимость от военной знати в лице сотников, тысячников, темников-бегов, других военачальников и должностных лиц, получавших уделы и в завоеванных стра-

---

⁶⁶ Супруненко Г. П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гун хойчан ипинь цзи». — Изв. АН Кирг. ССР, серия обществ. наук. Фрунзе, 1963, т. V, вып. 1, с. 78.

нах и при переделах земель метрополии. Земли разоренных крестьян и погибших в военных походах переходили под покровительство феодалов и раздавались в аренду. В древнехакасских надписях, которые являются в основном эпитафиями знати, постоянно подчеркивается земельная собственность феодалов: «тарлагым» — «моя пашня»; умер «на своей земле Эгюк-катун»; «от своей земли и своей воды» отделился; «моя благословенная земля»; «моя земля и моя вода»; не наслаждался «своей пашней» (анызка)⁶⁷ и т. п. Обнаружены надписи на межевых камнях, разделяющих отдельные земельные участки. Кроме того, земельные наделы феодалов отмечены их именами и личными тамгами, которые выбивались на скалах и древних каменных плитах или вырезались на деревянных столбах, ограничивающих то или иное земельное владение⁶⁸. Тамга в то время становится юридическим знаком, закрепленным существовавшим государственным правом.

Значительный интерес представляет суджинская эпитафия, в которой от имени знатного судьи Бойла сказано: «Моему наставнику (в вере) я дал сто мужей и стоянку (местожительство)», т. е. судья наделил своего священноучителя (вероятно, уйгурского манихейского проповедника) правами сотника, подарив ему в удел участок земли и сто мужчин, очевидно, крепостных воинов, а не рабов. В тексте употреблено слово «эр» — муж, а не «кул» — раб⁶⁹. Видимо, в конце IX в. знать имела в частной собственности, на основе феодального права, не только землю и скот, но и воинов из крестьян (в надписях: «кара-будун» — «черный народ»), которых можно было дарить другим лицам.

Носителями феодальных прав в древнехакасском государстве были и такие представители высшего сословия, как тарханы — землевладельцы, освобожденные за военные заслуги от налогов. Это справедливо было отмечено С. В. Киселевым, ссылавшимся на указание К. Маркса о тарханах в монгольском государстве: «Этот вид феодальных прав возникает у всех полуцивилизованных народов в результате воинственного образа жизни».

⁶⁷ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 19, 32, 34—35, 45, 76, 82, 85, 95.

⁶⁸ См.: Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия). — СТ, 1976, № 1.

⁶⁹ См.: Малов С. Е. Указ. соч., с. 85.

ни»⁷⁰. Тарханы, как высокопоставленные вельможи и «именитые», «мудрые» управители, упоминаются в древнехакасских рунических эпитафиях и в сообщениях Синь Таншу о хакасах (тархан — кит. «дагань») ⁷¹. По ал-Хорезми (X в.): «Тархан-знатный»; по Махмуду Кашгарскому (XI в.): «Хаканы правителей подчиненных себе вилайетов называли таркан» ⁷².

Упомянутый выше «высокий судья» Бойла был приказным чиновником «счастливого Бага тархана», уйгура по национальности, которому, видимо, древнехакасский каган поручил управлять захваченными в 840 г. центральными землями бывшего Уйгурского каганата (между хребтами Хангай, Хэнтэй и озером Байкал).

Древнехакасские эпитафии указывают, что знать располагала не только богатством в виде земель или «скотом без числа», но и казной, добытым оружием или тем, что «золото, серебро, дорогие ткани» она приобретала в походах, что имела «денег без числа». Иногда прямо говорится: «...я был богат», или перечисляется личное имущество: «...мое блестящее золото, ковры, казна, одежды мои» и т. п.

В источниках в описании древних хакасов кроме кагана Ажо и его правящего аристократического рода различаются «начальники», «богатые», «шаманы», «подчиненные» люди (в том числе «подчиненные рода», «низшие» люди, «вассальные племена» (туфань), каждый род которых «имеет (свое) имя», и, наконец, рабы из людей соседних таяжных племен, которых «хакасы ловят и употребляют в работу» ⁷³. В обществе древних хакасов социальная дифференциация была резко выражена. По данным источников различие общественных классов наглядно прослеживается в одежде. *Богатые* «зимой делают шапки из соболя, летом золотом украшают шапки, за-

---

⁷⁰ Архив Маркса и Энгельса. М., 1938, т. V, с. 220; см. также: Киселев С. В. Южная Сибирь в VII—IX вв. — Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 459—460; О тарханстве у монголов см.: Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 52—53.

⁷¹ См.: Малов С. Е. Указ. соч., с. 59, 63, 85; его же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, с. 74; Бицурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 352.

⁷² МИТТ. М.—Л., 1939, т. I, с. 219; Топонимика Востока. М., 1962, с. 33.

⁷³ Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, с. 58—60.

остряют маковку и свертывают ее конец... *Подчиненные* делают шапки из белого войлока, в остальном покроем в общем одинаков. Для одежды берут парчу или шерстяную материю смешанного (разного) цвета, к поясу привешивают нож и брусок. *Низшие* (простолюдины) одеваются в шкуры (зимою. — *Л. К.*) и обнажают головы... *Женщины* (из числа «подчиненных и низших». — *Л. К.*) одеваются в шерстяные ткани, а богатые (женщины. — *Л. К.*) надевают еще шелк и парчу»⁷⁴.

Естественно, что, наряду со сложившимися феодальными отношениями в государстве хакасов в IX—XII вв. продолжал сохраняться, но уже в меньшей степени, чем в VI—VIII вв., рабовладельческий уклад. Армия рабов пополнялась за счет провинившихся и военнопленных. Ведь это была эпоха продолжительных войн и широчайшей экспансии древнехакасских войск вплоть до Амура, Северного Китая, Восточного Туркестана и Среднего Иртыша. Кроме «богатых семей» или «богатых земледельцев», являвшихся одновременно богатейшими коневодами и скотовладельцами, источники описывают огромную иерархию правителей и чиновников, свойственную военно-феодальному государственному аппарату.

Во главе стоял Ажо — «государь» или каган. Худуд ал-Алам называет государя «Хырхыз-хаканом». В другом источнике сказано: «Чиновники разделяются на шесть разрядов, как-то: министры, главноначальствующие, управители, делоправители, предводители и даганы (т. е. тарханы. — *Л. К.*). Министров считается семь, главноначальствующих три, управителей десять. Все они заведывают войсками. Делоправителей считается пятнадцать: предводители и даганы (тарханы. — *Л. К.*) не имеют чинов (штатного числа)»⁷⁵. Другой источник дополняет: «В их государстве правительственные чиновники имеют должности цзай-сяна (т. е. министра. — *Л. К.*), ду-ду (тутука, т. е. «наместника». — *Л. К.*), затем звания цзян-цзюня («генерала», т. е. воеводы. — *Л. К.*), дацзя (т. е. тархана. — *Л. К.*)»⁷⁶. Относительно трех «главноначальствующих» источники разъясняют: «В их государстве великий командующий называется Хэси-

---

⁷⁴ Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, с. 58.

⁷⁵ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 353—354.

⁷⁶ Кюннер Н. В. Указ. соч., с. 56.

бэй, следующий (по чину) называется Ацзюйшэби-бэй, следующий называется А-ми-бэй. (Эти три человека вместе управляют». В другой хронике они названы министрами (Гйеси Бей, Гюйшабо Бей и Ами Бей) ⁷⁷.

Таким образом, управление государством осуществлялось с помощью сложной военизированной бюрократической машины, на которую опиралась деспотическая власть кагана. Деспотизм проявился в нормах древне-хакасского права: «Законы их очень строги. Произведших замешательство перед сражением, невыполнивших посольской должности, подавших неблагоприятный совет государю, так и за воровство, приговаривают к отсечению головы. Ежели вор имеет отца, то голову его вешают отцу на шею, и он до смерти обязан носить ее» ⁷⁸. Как сообщает Абу Дулаф, «государь у них есть имеющий большую власть: в присутствии его не садится никто, кому нет сорока лет от роду» ⁷⁹.

Представители власти, принадлежащие к верхушке эксплуатирующего класса, отгораживались от народа, жили в укрепленных крепостях и замках. Ал-Идриси сообщает: «Город, в котором живет король киргизов, очень укреплен, окружен стенами, рвами и траншеями» ⁸⁰. Даже временные, полевые ставки кагана были сильно укреплены: «Ажэ имеет пребывание у Черных гор. Стойбище его обнесено надолбами. Дом состоит из палатки, обтянутой войлоками, и называется мидичжы». В другом тексте говорится: «В ставке ажэ, установив деревья, сделали ограду, поставили большую войлочную палатку, назвали ее цзаодычжи». В третьем тексте указано: «Их правитель называется ажэ, поэтому фамилия дома Ажэ. Живет на горе Яцин». При этом добавляется, что у ставки ажэ «водружено знамя».

Есть сведения, что в ставках периодически устраивались «большие собрания». На них знать, вероятно, решала различные государственные и общественно-политические вопросы. В сообщении иноземного посла, которого на «закрытую часть», естественно, не допускали, они выглядят как народные игрища: «Из музыкальных

---

⁷⁷ См.: Кюнер Н. В. Указ. соч., с. 55; Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 354.

⁷⁸ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 353.

⁷⁹ Григорьев В. Об арабском путешественнике Абу Долефе и странствовании его по Средней Азии. СПб., 1872, с. 34.

⁸⁰ Jaubert P. A. Geographie D'Edrisi. Paris, 1836, I, p. 500.

инструментов имеют барабан, флейты, свирели, дудки, плоские колокольцы. На больших собраниях бывают еще игры: бег верблюдов, львы, конские упражнения и пр.». В последние годы в Хакасии нами раскопаны остатки больших общественных зданий с сырцовыми стенами в двух древних городах VIII—XII вв. Залы этих сооружений площадью от 228 и 484 до 792 кв. м явно предназначались для проведения в них «больших собраний»⁸¹.

Основной опорой правящих кругов государства была постоянная армия, о которой источники сообщают: «Строевого войска 80 000». При этом указывается, что существовала всеобщая воинская повинность: «Войско набирается из всех поколений», т. е. административных единиц. Только во время войны собиралось пародное ополчение: «Когда набирают и отправляют [войска], то полностью выступают весь парод и все вассальные поколения»⁸². И действительно, в ходе войны с уйгурами в источниках упоминаются большие древнехакасские армии. Так, в тексте харабалгасунской уйгурской стелы 822 г. сказано, что «государство Гяньгунь... насчитывало более чем 400 000 натягивающих луки [воинов]...», т. е. 40 туменов войск. Эта цифра, по-видимому, сильно преувеличена. В согдийском тексте той же стелы говорится только о 200 000 воинов хакасского кагана, которых каган уйгуров «разогнал одной рукой во все направления друг от друга...»⁸³. Эта цифра, с учетом того, что в боях с уйгурами участвовали не только строевая армия, но и народное ополчение и «все вассальные поколения», реальна для общего состава древнехакасских войск в начале IX в. Во всяком случае, по данным Таишу, в разгроме уйгурской столицы Орду-Балык участвовало 100 000 всадников, а другая древнехакасская армия, совершившая поход против шивэй на Амур, насчитывала 70 000 конных воинов. Но совершались еще походы на

---

⁸¹ См.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 352; Кюннер Н. В. Указ. соч., с. 58, 59, 282. Ср. Кызласов Л. Р. Раскопки средневекового здания в Хакасии. — АО 1973 года. М., 1974, с. 209—211; Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Архитектурные сооружения и курганы средневековых хакасов. — АО 1974 года. М., 1975, с. 214—216; они же. Раскопки колонного зала в Уйбатском городе. — АО 1979 года. М., 1980, с. 215.

⁸² Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 351.

⁸³ Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. SPb. 1895, S. 289; Journal de la Société Finno-Ougrienne XLIV, 3, Helsingfors, 1930.

Восточный Туркестан, на Средний Иртыш и Среднюю Обь, к озеру Байкал и т. д. И всюду оставались военные гарнизоны.

Все это свидетельствует о весьма значительном военном и экономическом потенциале, которыми располагало в то время древнехакасское государство, о высокой организации больших масс боеспособных войск.

Основой армии была тяжеловооруженная конница. Закованные в панцири и латы, одетые в шлемы, конные воины были вооружены длинными копьями, тяжелыми мечами или саблями, щитами, боевыми топорами, луками и стрелами. В одном из источников говорится: «Храбрейшие из взрослых мужчин все чернят лицо в качестве отличия», т. е. воины, очевидно, на лицо наносили боевую раскраску. На древках их копий развевались флаги и знамена. Крупные и сильные, специально приученные к сражениям лошади были одеты в защитную броню. Таншу сообщает: «Делают оружие, крайне острое... На войне употребляют луки со стрелами и знамена. Конники прикрывают руки и ноги деревянными щитиками; еще на плечи накладывают круглые щитики, которые могли бы защищать от острия сабель и стрел». В Тайпинхуаньюйцзи читаем: «Что касается их оружия, то [они] много пользуются щитами, луками и стрелами. Их лошади одеты в щиты от брюха до ног. Еще делают щиты и привязывают их к обоим плечам, можно с пользою применять их. Щиты, чтобы отражать стрелы, делают так: расколов дерево, соединяют поперечиной; стрелы не могут прорвать. Имеют еще знамена и флаги»⁸⁴.

После освобождения территории Тувы от уйгуров феодальная верхушка древнехакасского государства управляла населением этой земли уже на началах «кыштымства», т. е. подобно известным отношениям феодалов и зависимых от них кыштымов в более позднее время (в XVII в.). Это можно установить по некоторым данным из древнехакасских надписей, а также по отдельным сообщениям письменных источников. Например, в известной надписи середины IX в., высеченной на скале Хая-Бажы на реке Хемчик, сказано: «Слушайте, все люди, посла из Кара сэнгир. Ради моей геройской доблести я, Ынанчу именитый чигши, начальник в

---

⁸⁴ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 352; см. также: Кюнер Н. В. Китайские известия..., с. 59—60.

«Черном хребте», я великий у народа шести багов (подразделений) в Кешдиме»⁸⁵. Из этого текста следует, что Кешдим здесь понимается как территория (местность), в которой жил народ «шести багов», а «великим начальником» над ним был поставленный «через написанное... ханом Ынанчу чигши бег».

Услышав про кыштымов, другие народы ошибочно полагали, что это название особого народа. Впервые хакасские кыштымы IX—X вв. упомянуты в анонимном сочинении конца X в. Худуд ал-Алам. В этом источнике говорится, что имеется «род кыргызов» по имени «кесим», который устанавливает свои войлочные юрты по склонам гор. Люди «кесим» добывают пушнину, мускус, рог «хуту» и т. п. Они являются племенем, отличающимся от кыргызов. Их язык ближе всего к карлукскому, а их одежда подобна одежде кимаков⁸⁶.

Речь, видимо, идет о некоторой части тюркоязычных племен Саяно-Алтая, которые в IX—X вв. стали кыштымами древнехакасской знати, т. е. зависимыми от них скотоводами и охотниками, поставлявшими важные для экспорта того времени товары: меха ценных пушных зверей, мускус и ископаемые бивни мамонта, которые и теперь часто находят в Тодже и Каа-Хеме. Указание на то, что язык этих людей (кесим) ближе всего к карлукскому, позволяет заключить, что кыштымами хакасов стали чики.

Сопоставление одновременных текстов приводит к выводу, что Кешдим в надписи на скале Хая-Бажы означает не что иное, как «страна (или земля) кыштымов», которых хакасы в IX—X вв., видимо, называли «кешдим» (в персидском тексте «кесим»). Очевидно, этот же термин встречается в тибетском документе IX в. в форме «гесдум»⁸⁷. «Кыштымами же, — писал об енисейских народах в середине XVIII в. Г. Ф. Миллер, — потатарски называются такие народы, которые обязаны другому народу покорностью и платежом дани... кыштымы или подданные». В документе 1616 г. говорится, что у каждого киргизского князья имеется известное количество «черных людей, ясачных мужиков, а по-кир-

⁸⁵ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков, с. 45.

⁸⁶ См.: *Minorsky V.* «Hudud al-Alam. The Regions of the World» a persian geography. London, 1937. p. 97.

⁸⁷ См.: *Hambis L.* Kästim et Ges-dum. — JA 1958, N 3.

гизски кыштымов», которые у них «вместо русских крепостян», т. е. крепостных.

Обычно «слабые роды» сами вступали в отношения кыштымства, стремясь обрести мир и военную защиту от «сильного рода» ценой феодально-даннической зависимости и выплаты натуральной ренты (ясака). Повинностями кыштымов являлись: уплата ясака и выставление вспомогательного войска («ополчения») ⁸⁸.

В цитированных выше источниках племена кыштымов назывались «вассальными племенами» древних хакасов. В них указывалось, что «подчиненные рода... едят только мясо, конину, верблюжатину и ничего другого», что они «прозываются названиями поколений», т. е. сеоков, что «ясачные вносят подати соболями и белкою» или, «что касается их податей, то вносят соболиными шкурами и песцами». К тому же добавлялось, что «когда набирают и отправляют (войска), то полностью выступают весь народ и все вассальные поколения» ⁸⁹.

Правильно отмечал Н. Н. Козьмин: «Целые племена обезличивались на положении кыштымов и под этим наименованием известны. У Рашид-ад-дина мы рядом с теленгутами видим кыштым» ⁹⁰. Нам удалось выяснить, что это обезличивание началось гораздо раньше, еще в IX в. ⁹¹ Тогда земли степных районов Тувы были разделены хакасскими феодалами на шесть багов, т. е. крупных феодальных владений (уделов). Каждый баг был пожалован каганом в качестве феодального надела во владение семьи одного из военачальников-бегов, очевидно, из числа наиболее отличившихся в многолетней войне с уйгурами на территории Тувы. Владение всем багом было наследственным и передавалось от отца к старшему сыну, причем какие-то части багов выделя-

---

⁸⁸ См.: *Кызласов Л. Р.* К этимологии термина «кыштым» русских документов XVII в. — Уч. зап. ХИИИЯЛИ. Абакан, 1960; вып. VIII; *Токарев С. А.* Буряты и их «кыштым» в XVII в. — Зап. БМНИИЯЛИ, Улан-Удэ, 1940, вып. 2; ср.: *Владимирцев Б. Я.* Общественный строй монголов. Л., 1934, с. 65; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.—Л., 1941, т. II, с. 48, 54.

⁸⁹ *Кюнер Н. В.* Указ. соч., с. 58—60; *Бичурин Н. Я.* Указ соч., т. I, с. 351, 352.

⁹⁰ *Козьмин Н. Н.* К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Иркутск, 1934, с. 30.

⁹¹ Об этом впервые см.: *Кызласов Л. Р.* О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. — Уч. зап. ХИИИЯЛИ. Абакан, 1960, вып. VIII, с. 63—64.

лись и для младших братьев. Стоявшие во главе бага крупные феодалы имели различные титулы, определявшиеся их должностным положением в системе каганата. В управлении багом они опирались на своих сородичей из древних хакасов, свободное мужское население которых составляло профессиональную военную дружину каждого из таких феодалов (в надписях: кадаш, алып, эр-товарищ, приятель, герой, муж и т. д.). Однако верной опорой хакасских феодалов была также феодальная знать местных племен (в надписях: эш — товарищ, приятель, друг)⁹². Прочее население бага состояло из ряда категорий феодально-зависимых людей и кыштымов (древних хакасов и местных жителей) и называлось просто народ или «черный народ» — «кара будуп».

Все шесть багов степной части, а также, очевидно, кыштымы горно-таежных районов были объединены и названы в надписях IX—X вв. «народом шести багов», который и заселял в то время всю Туву. В военно-административном отношении население Тувы было подчинено назначенному каганом владельцу одного из багов. Наиболее ранним из них (середины IX в.) был Ынанчу чыгши бег, от имени которого в надписи Хая-Бажы сказано: «Я великий у народа шести багов в Кешидме». Наместником был и Эль Туган тутук, в эпитафии которого говорится: «Я был князем народу шести багов»⁹³. Только в этих двух текстах сказано, что эти люди были «эльчи» — правителями, очевидно, наместниками от имени аристократического рода древних хакасов⁹⁴.

Баги упоминаются также в древнехакасских надписях из собственно Хакасии и древней Уйгурии⁹⁵.

Нет сомнения, что основой феодальных отношений в древнехакасском государстве в IX—XII вв. была фео-

---

⁹² Термин «эш» встречается только в хакасских надписях Тувы, и его нет в надписях Хакасии.

⁹³ Малов С. Е. Указ. соч., с. 11.

⁹⁴ Позднее у уйгуров «елчи (тумен елчи)» — «чиновник, ведающий сбором налогов» (см.: Тихонов Д. Феодальное землевладение у уйгуров в XIII—XIV вв. — Труды сектора востоковедения АН Казах. ССР. Алма-Ата, 1959, т. I, с. 63; ср.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 169).

⁹⁵ См.: Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. — СА, 1960, № 3; его же. О датировке памятников енисейской письменности. — СА, 1965, № 3; его же. О древнехакасских личных тамгах. Проблемы истории Хакасии. Абакан, 1979.

дальняя собственность на землю как на главное средство производства. При этом баг являлся феодальным уделом, собственностью одной семьи (ср. «Я отделился от моего народа, от моего бага») ⁹⁶. Следовательно, при таком разделении страны в основу был положен старый удельно-территориальный принцип и военно-ленная система. В тот или иной баг входили различные вассальные или крепостные смешанные территориальные группы.

Высшая служилая знать, получая феодальные наделы — баги на освобожденных и вновь завоеванных землях, создавала основную опору государства, высший класс феодалов — служилое бегство. Но довольно скоро военно-ленная система сменяется вотчинно-феодальной. Окрепшие удельные беги, владения которых были нередко значительно удалены от административного центра государства, постепенно стараются обособиться, обрести независимость от верховной власти каганата. Именно против этого был направлен существовавший в древнехакасском государстве институт эля — организация государственной власти одного связанного кровным родством аристократического рода кыргызы.

Несмотря на все сдерживающие тенденции, при централизованном характере власти в IX—X вв., с древними хакасами позже, в XI—XII вв., постепенно произошло то же, что и с монголами. Карл Маркс писал: «С течением времени оказалось множество князей; каждый из них владел значительной территорией, имел на своей службе наемные войска или состоял в союзе с воинственными номадами пустыни» ⁹⁷.

В X—XII вв. на вершинах большинства сопок Хакасско-Минусинской котловины были сооружены крепости-убежища, огражденные каменными стенами. Каждая из них соотносится с каким-либо крупным багом или другим феодальным земельным наделом. Выявлены также обширные горные укрепленные районы типа Оглахтинского на Енисее или Борбаковского на Черном Июсе.

От кого же оборонялись древнехакасские землевладельцы, сооружая в центре государства значительные

---

⁹⁶ Малов С. Е. Указ. соч., с. 52, 68, 84.

⁹⁷ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI, с. 169.

укрепленные районы и замки с каменными стенами? Разгадка, очевидно, заключается в следующем. В XI—XII вв. стали обособляться княжества и владения отдельных феодалов. Тогда велись изнурительные для народа феодальные междоусобицы, которые ослабляли государство, подрывали его экономику, измельчали творческие силы народа. Крепости-убежища и замки сооружались по велению древнехакасских феодалов, борющихся между собой за землю, власть и богатства. Их развалины свидетельствуют о периоде феодальной раздробленности в средневековой истории Хакасии⁹⁸. О том же свидетельствуют изменения границ багов с течением времени.

В IX—XII вв. древнехакасское государство состояло из следующих крупных княжеств, которым приходится дать условные названия: «Хакасия» (Хакасско-Миусинская котловина), «Кешдим» (Тува), Алтай (Горный и Северный), «Уйгурия», (Северо-Западная Монголия). Все они были разделены на феодальные уделы — баги.

В XI—XII вв. древнехакасское государство все более втягивается в полосу феодальной раздробленности, и в первой половине XII в. оно, вероятно, представляло собой уже федерацию княжеств, которыми управляли князья из рода кыргызы. Каждое древнехакасское княжество, как это и было свойственно феодальной эпохе, вело собственное замкнутое натуральное хозяйство, что безусловно ослабляло экономические и политические взаимосвязи всей федерации.

Таким образом, основными причинами слабости древнехакасского государства стало, во-первых, то, что оно представляло собой конгломерат различных по происхождению и даже разноязычных этнических групп и народностей, которым не удалось объединиться и создать единую народность; во-вторых, в XI—XII вв. оно переживало далеко зашедший процесс феодальной раздробленности, когда возникшие центробежные силы почти парализовали политическое и экономическое единство государства, когда отдельные княжества и уделы, заботясь о своих местных интересах, не могли противопоставить внешним врагам объединенные силы всего народа.

---

⁹⁸ См.: *Кызласов Л. Р.* Древние крепости Хакасии. — АО 1968 года. М., 1969.

Глава III

НАСЕЛЕНИЕ И КУЛЬТУРА

1. Население и его культура

Комплексное исследование данных письменных источников археологии и топонимики с привлечением этнографических материалов выявило, что до II в. до н. э. на территории Южной Сибири еще не было тюркоязычного населения. Левобережье Хакасско-Минусинской котловины и Северный Алтай, а также, очевидно, центральный район Северо-Восточной Тувы заселяли угроязычные этнические группы. Правобережье Хакасско-Минусинской котловины и горные хребты Западного и Восточного Саяна, а также Западного Алтая населяли южносамодийские группы населения. В Канско-Красноярской лесостепи и далее на север обитали кетоязычные племена. Во II—I вв. до н. э. под давлением гуннов в Южную Сибирь впервые продвигаются с юга тюркоязычные племена. Раньше всех стали известны гянгунн-кыргызы, переселявшиеся из котловины Больших озер через Тувинскую впадину на территорию Хакасско-Минусинской котловины¹. За ними, видимо, в бассейне Верхнего Енисея и Хемчика в эпоху сложения шурмакской культуры появились другие тюркоязычные племена². Наконец, позднее всех Монгольский и Горный Алтай освоили тюркоязычные предки тюрков-туго.

В I—V вв. н. э. следует констатировать этническую неоднородность и пестроту родо-племенного состава у населения Саяно-Алтайского нагорья, где наряду с тюркоязычными группами различного происхождения продолжали жить угроязычные потомки динлинов, самодийские группы и кетоязычные элементы. Эта особенность этногенетического процесса наложила яркий отпечаток на все дальнейшее его развитие вплоть до образования современных народов: хакасов, шорцев, алтайцев, ту-

---

¹ См.: *Кызласов Л. Р.* К вопросу об этногенезе хакасов. — Уч. зап. Хак. НИИЯЛИ. Абакан, 1959, вып. 7; *его же.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960; ср.: *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 459, 472—474, 560—561.

² См.: *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века, с. 52; *его же.* Древняя Тува. М., 1979, с. 119.

винцев и тофаларов. Процесс отюречивания и ассимиляция угров, самодийцев и южных кетов протекал замедленно из-за сравнительной малочисленности раннего тюркоязычного населения.

В VI—X веках, вошедших в историю, как ранний период древнехакасского государства, ассимиляция не закончилась. Древние хакасы состояли из ряда этнических групп, различающихся между собой и по происхождению, и по языку, хотя в то время уже слагалось тюркоязычное ядро в результате тюркизации части угров и самоедов. Рассматривая термины «хакас» и «кыргыз», мы уже говорили, что в енисейских письменных памятниках (эпитафиях на каменных стелах, надписях на скалах и отдельных предметах) не упоминаются имена кыргызы или хакасы. Из этнонимов отчетливо читается один: «Йэти бөрн» — «семь волков»³. Это наименование целиком совпадает с названием этнической группы современных хакасов и шорцев «Чити — Пүүр» — «семь волков», в которую входят люди, относящиеся к семи фамилиям⁴. Сохранение имени этой этнической группы в течение тысячелетия наглядно раскрывает прямые этногенетические связи современных и древних хакасов, а также родственных им шорцев. Сохранился и этноним Туран, упоминающийся в одном из енисейских текстов и являющийся ныне названием одного из сеоков хакасов (сагайцев)⁵. Имеются и некоторые другие факты, свидетельствующие о давнем сложении устойчивой тюркоязычной группы, об отюречивании к этому времени тех частей южносибирских угров и самодийцев (хаасов), которые обитали в степной зоне Саяно-Алтайского нагорья.

В VIII в. и особенно в IX—X вв., судя по археологическим данным, на север в Хакасско-Минусинскую котловину из Тувы и Алтая проникают алтайские и центрально-азиатские тюрки, хоронившие по обряду трупо-

---

³ См.: Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 33.

⁴ См.: Патачаков К. М. Культура и быт хакасов (XVIII—XIX вв.). Абакан, 1958, с. 6; Хакасско-русский словарь. М., 1953 с. 358.

⁵ См.: Малов С. Е. Указ. соч., с. 26; Боргояков М. И. Этнические и географические названия в енисейских памятниках древнетюркской письменности. — Уч. зап. Хак. НИИЯЛИ. Абакан, 1970, вып. 14, с. 82—84.

положения с конем, а в Туву, на Алтай, Обь, Иртыш, к Байкалу и в Центральную Азию переселяются древние хакасы с их обрядом захоронения трупосожжений под небольшими курганами (тюхтятская культура IX—X вв.). В IX—X вв. создается огромное древнехакасское государство, которое включало в себя этнические и родоплеменные группы, говорившие на различных тюркоязычных языках, наречиях и диалектах. В эту многонациональную державу, достигавшую по численности 1 млн. человек, входили южносамодийские, угро- и кетоязычные группы, а также многие родоплеменные коллективы, язык которых установить невозможно.

В IX—XII вв. в княжестве Алтай, кроме немногочисленных, подчинивших себе этот улус, древнехакасских феодалов и их войск продолжали проживать местные этнические группы. Это потомки восточнотюркских (телёсы и др.), западнотюркских (тюргеши и азы) и карлукских племен (чыгат и др.), племена группы телэ (теленгуты и телеуты) и северных алтайцев. С тех пор у современных алтайцев сохранились и группы с самоназванием «кыргызы».

В то же время, по данным арабских и персидских авторов IX—XII вв., на верхнем и среднем течении Иртыша, в предгорьях Алтая и Тарбагатая, вплоть до озера Балхаш, возникает государство кимакских племен. Кимаки были родственны кипчакам, жившим к западу и востоку от них. В IX—X вв. кимакские земли были захвачены древними хакасами. Последние расставили свои гарнизоны на торговых путях, ведущих на север (Среднее Приобье), запад (Среднее Прииртышье) и юг (Верхний Иртыш и предгорья Тарбагатая).

Таким образом, древние хакасы вошли в соприкосновение с самодийцами и уграми Средней Оби и Иртыша, башкирами в Южном Зауралье, с огузами Центрального Казахстана, а на юге их владения граничили с карлуками Семиречья и уйгурами Восточного Туркестана. Походы в Забайкалье, на Амур и в район Великой стены столкнули древних хакасов с тунгусо-маньчжурскими, монгольскими, китайскими, тибетскими и другими этническими группами.

В конце X и в XI в. с востока на запад и юг бурно продвигаются монголоязычные племена. В XI—XII вв. кимаки были вытеснены найманами, занявшими хребет Эктаг-Алтай (Монгольский Алтай) и верховье Ирты-

ша⁶. В IX—XII вв. в Туве жили различные тюркоязычные родоплеменные группы. Это потомки чиков, телэ (телек) и другие мелкие племена, которых в это время стали называть кыштымами. О них говорит аноним Хв. Худуд ал-Алам: «Они являются племенем, отличающимся от кыргызов. Их язык ближе всего к карлукскому, а их одежда подобна одежде кимаков»⁷. Здесь же жили потомки восточных тюрков-тугю (позднее: тюлюши), продолжавшие сохранять свои этнографические особенности, в частности в погребальном обряде. После разгрома уйгуров в Туве остались большие группы он-уйгуров и сарыг-уйгуров, связавшие свою судьбу с Енисеем. Они восприняли обычаи и культуру местных племен, но сохранили свои названия (ондар-уйгур, ондар, сарыглар, куль и пайгара).

В горно-таежной Восточной Туве и в Тодже продолжали жить туба — потомки охотничьих племен дубо. В XI—XII вв. они назывались туматы (по данным Рашид-ад-дина) или тубасы (по «Сокровенному сказанию»). Кроме того, на восточных окраинах Тувинской котловины в XII в. жили монголоязычные ойраты, вытеснившие туматов из Прикосоголья в Туву.

После разгрома уйгуров в 840 г. на территорию Тувы, современной Монголии и Прибайкалья переселяется часть древних хакасов, во главе которых стояли феодалы из хакасского аристократического рода кыргыз. Основные группы древних хакасов сохранились в составе современных тувинцев, окинских бурят, якутов и дархатов МНР: кыргыз, хаасут и др. Самоназвание хаасут (с долгим звуком «а») есть современная стяженная форма от древнего «хакас», оформленная аффиксом монгольского множественного числа (хаас + ут; ср. тюркское «хаас + тар» — самоназвание качинцев).

Изучение енисейских надписей позволило выявить, что древние хакасы говорили и писали в VII—XII вв. на двух наречиях⁸.

---

⁶ По сообщению Гардизи (XI в.), кимаки в X в. еще владели Эктаг-Алтаем: «Зимой они увозят лошадей в отдаленную страну, в место Ок-таг» (Бартольд В. В. Соч. М., 1973, т. VIII, с. 45).

⁷ Minorsky V. «Hudud al-Alam. The Regions of the World» a persian geography. London, 1973, p. 97; МИКК, М., 1973, с. 40—42.

⁸ См.: Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности. — СА, 1965, № 3.

Ввиду того что древние хакасы сжигали своих умерших, их антропологический тип может быть установлен лишь по данным письменных источников. Свидетельства этих источников при характеристике внешности хакасов довольно единообразны. В Синь Таншу говорится: «Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались не хорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли Лин (полководца наместника гушов в I в. до н. э. — Л. К.). Мужчин было менее, нежели женщин. Мужчины носили кольца в ушах. Они горды и стойки. Храбрые из них татуируют руки себе, а женщины по выходе замуж татуируют себе шею...»⁹ Почти то же сообщается в Тайпинхуаньюцзи: «Их жители телом все высоки и велики, с красными волосами, с зелеными глазами. Имеющих черные волосы называют несчастливыми... Имеющие черные волосы и черные глаза — это потомки Ли Лина... В этом царстве все жители обнажают голову, заплетают волосы (т. е. бреют головы и сзади заплетают в косы. — Л. К.). Одежда сходна с туцзюэской»¹⁰. Персидский географ XI в. Гардизи также сообщает, что у кыргызов «красные волосы и белая кожа»¹¹. Таким образом, у древних хакасов наряду с преобладающими рыжеволосыми и голубоглазыми потомками европеоидов встречались черноволосые и кареглазые или зеленоглазые люди. В источниках сообщается также, что родословные записи древних хакасов охватывали 6—7 поколений, что браки внутри одной группы были запрещены «до 6-го поколения включительно», что «при браках калым платится лошадьми и овцами. Богатые дают по сту и по тысяче голов».

Приведенные выше данные свидетельствуют о высоком уровне хозяйственного и культурного развития населения древнехакасского государства в период IX—XII вв. Высшим достижением этой культуры было широкое распространение письменности. Об этом красноречиво говорит тот факт, что в настоящее время найдено более 150 енисейских надписей.

Грамотность была широко распространена не только среди знати. Характерно обращение в надписи на скале

⁹ Бичурин И. Я. Указ. соч., т. I, с. 351—352.

¹⁰ Кюнер Н. В. Указ. соч., с. 55, 58.

¹¹ Бартольд В. В. Соч., т. VIII, с. 47.

Хая-Бажы: «Слушайте, все люди, посла из Кара сэпгир!» Обращение явно было рассчитано на прочтение многими людьми. О распространении грамотности говорят и надписи (обычно указывающие на имя владельца), написанные на простых предметах (обломках зеркал, кинжалах, пряслицах, серебряных сосудах, а также на упоминавшихся выше древнехакасских «надчеканках» на ганских монетах).

Выше говорилось, что в начале X в. знатные хакасы не удовлетворялись «домашним образованием» своих детей и посылали их для продолжения образования за границу: в Тибет и в киданьское государство Ляо, где в те времена существовали даже академии. В этот период в древнехакасском государстве имелись ученые люди, получившие иноземное образование, знающие китайский, киданьский, арабский, персидский, сирийский, согдийский или тибетский языки. На Енисее найдены разнообразные предметы с надписями на перечисленных выше языках. В IX в., например, был известен поэт Хасето Абхгаден, живший, очевидно, в Дуньхуане, переписчик в тибетской транскрипции китайских буддийских книг. Он был выходцем «из княжеского дома страны Кыргыз»¹². Он переписывал буддистские книги по обету ради того, чтобы скорее вернуться на родину.

Особо интересна эпитафия с реки Бегире, посвященная умершему в возрасте шестидесяти семи лет чиновнику Тер-апа. В надписи от его имени говорится: «В пятнадцать лет я был взят на воспитание к киданям». И далее: «В мои пятнадцать лет я пошел к киданьскому императору ради моих способностей»¹³. Эта надпись говорит о том, что некоторые хакасские юноши к пятнадцати годам уже были достаточно грамотны и наиболее способные из них посылались для продолжения образования в государство киданей. Образованные люди были хорошо знакомы с культурой, религиями, со средневековой философией и литературой стран Запада и Востока.

Писали, конечно, не только на каменных плитах и скалах. На камне вырезали те надписи, которые хотели

---

¹² *Thomas F. W., Clauson G. L. M. A second Chinese Buddhist text in Tibetan characters. — JRAS, 1927, April, p. 282—283.*

¹³ *Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков, с. 29—33. Эта надпись датируется концом X в.*

увековечить. Со слов Абу Дулафа (есть «тростник, которым пишут») видно, что в середине X в. при письме употреблялись тростниковые перья, которыми писали жидкими чернилами на коже, вываренной бересте или на бумаге¹⁴. При дипломатической переписке хакасские каганы пользовались собственной письменностью, широко известной в Центральной Азии и на Дальнем Востоке благодаря уйгурам (ср. данные Синь Таншу: «Письмо их и язык совершенно сходны с хойхускими», т. е. с уйгурско-тюркской руноподобной письменностью). В настоящее время язык этой письменности рассматривается в качестве первого варианта литературного языка в истории тюркских языков¹⁵.

Некоторые эпитафии на каменных стелах написаны стихами, что позволило тюркологу С. Е. Малову заявить, что «это кладбищенская поэзия»¹⁶. Должно быть, существовала и переводная литература: для распространения манихейства в тюркоязычной среде народов Саяно-Алтая надо было переводить священные тексты манихеев на тюркские языки. Об этом свидетельствует наличие в енисейских надписях терминов, заимствованных из манихейской литературы (мар, баг, ашун и др.).

Самобытная енисейская письменность в бассейне верхнего и среднего течения Енисея существовала вплоть до монгольского завоевания, т. е. до начала XIII в. Окончательная дата ее забвения пока остается неустановленной. Как бы то ни было, свыше 500 лет ее знали, изучали, ею постоянно пользовались обитатели современных территорий Восточного Казахстана, Алтая, Тувы, Центральной Азии, Прибайкалья и Хакасско-Минусинской котловины.

Центрами культуры были города древних хакасов, которые еще не полностью изучены археологами. Выше приводились сообщение анонима Худуд ал-Алам о горо-

---

¹⁴ В Средней Азии найдены «грамоты» на коже (в замке на горе Муг, VIII в.), дереве и бересте (Занг-тепе, VI—VIII вв.) (см.: Индия в древности. Сборник. М., 1964, с. 199—209).

¹⁵ См.: *Супруненко Г. П.* Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века, с. 77—79; *Бичурин Н. Я.* Указ. соч., т. I, с. 353; *Тенишев Э. Р.* О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников. *Turcologica*. К 70-летию академика А. Н. Кононова. Л., 1976.

¹⁶ *Малов С. Е.* Указ. соч., с. 8; *Стеблева Н. В.* Поэзия тюрков VI—VIII вв. М., 1965; *Кызласов Л. Р.* О литературе и фольклоре средневековых хакасов. — ВМУ, история, 1968, № 2.

де Кемиджкет, в котором в начале X в. жил каган хакасов, а также сообщения других источников о его оставках и крепостях (например, о городе Футучэн на Орхоне). В Худуд ал-Алам также говорится о наличии «городов тогузгузов и хырхызов», упоминается среди прочих страна Хырхыз как имеющая «много городов». Особенно важное сообщение о городах содержится в сочинении знаменитого арабского географа середины XII в. ал-Идриси: «Все города страны киргизов расположены на территории, пространство которой измеряется 3 днями пути. Их четыре, большие, окруженные стенами и фортификационными сооружениями и обитаемые трудолюбивыми, храбрыми и мужественными народами, которые особенно должны опасаться предприимчивости короля кимаков, желчного принца, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями»¹⁷.

В VIII в. в средневековой Хакасии появляются крупные городские центры, сооружаются монументальные архитектурные сооружения: храмовые, дворцовые и административные здания. Они открыты в 1971—1973 гг. и раскопки их продолжаются.

Наибольшее значение имел центральный столичный город (своеобразный хакасский Орду-Балык), расположенный в дельте реки Уйбат. Рядовые здания города были деревянными, срубными или столбовыми, построенными с применением сырцового кирпича. Более богатые крыши черепицей. Усадьбы огорожены деревянными заплотами. Воду для питья брали из сооружаемых во дворах колодцев, а для орошения посевов и садов воду подводил к городу магистральный канал, отведенный от реки Уйбат; по улицам протекали арыки.

Раскопки открыли монументальные архитектурные сооружения из сырцового кирпича и дерева. Среди них выделяется большой замок, существовавший в VIII—X вв., подвергавшийся неоднократной перепланировке и перестройкам: это было прямоугольное сооружение 72×37 м, мощные стены которого сохранились на 4 м в высоту. Восточная сторона замка с единственным входом была укреплена четырьмя фланкирующими башнями. Две из них прямоугольные, а две угловые — восьмигранные. Самобытная планировка башен подтверждает, что древние хакасы жили не только в избах, но и в

---

¹⁷ *Jaubert P. A. Op. cit.*, p. 501; МИКК, вып. I, с. 37, 39, 41.

многогранных юртообразных сооружениях, срубленных из дерева или сооруженных из других материалов (камень и глина).

Строительные приемы, размер кирпича ($42 \times 20 \times 10$ см), применение глинобитных прямоугольных блоков — все это служит свидетельством того, что древне-хакасская архитектурная школа являлась северным окончанием центральноазиатской ветви среднеазиатского средневекового зодчества. При исследовании замка наряду с вновь открытыми образцами местной гончарной посуды обнаружены горшки уйгуров VIII—IX вв., кувшины с вертикальными ручками и краслощенная посуда, возможно, среднеазиатского производства, обломки изделий из белого танского фарфора и т. п.

Внутри замка открыт квадратный «колонный» зал для торжественных приемов (размером 22×22 м), кровлю которого поддерживали 169 деревянных колонн, опиравшихся на каменные плиты — базы. Соединенный с ним южный зал (размером $27,5 \times 25$ м) был, очевидно, жилым. Алебастровые панели его были покрыты красочными росписями растительного характера. В IX—X вв. во втором ярусе над северным залом было сооружено круглое святилище из сырцового кирпича с алебастровым квадратным алтарем посередине.

К XI—XII вв. относится прямоугольное административное здание с залом, посередине которого по квадрату стояло 10 деревянных колонн на каменных базах. Общая площадь города, существовавшего в VIII—XIII вв., занимала около 50 га.

Во второй половине VIII в. в верховьях Уйбата, на левом притоке реки Пююр-сух, в котловине Сорга (ныне ст. Ербинская), возник храмовый город (своеобразный Тигир-Балык), где среди деревянных построек возвышался мощный храм-дворец. Массивные сырцовые стены его были сооружены на огромном каменном стилобате. Эта платформа высотой около 1,7 м ($41 \times 32,5$ м) воздвигнута из гранитных валунов. Сырцовые стены (толщиной 2—2,4 м) сохранились на высоту 2 м. Размер кирпича $48 \times 24 \times 10$ см. Внутренняя площадь здания составляет около 800 кв. м. Внутри зал окружали галереи с резными колоннами. Стены его были побелены. Входы имели пандусы. Здание, вероятно, предназначалось для торжественных общественных сборов как духовного, так и светского характера.

Прямоугольный город-крепость, окруженный глинобитными стенами, существовал на правом берегу Енисея, на месте современного села Шушенского. Периметр его стен составлял около 800 м. Ворота находились близ северо-западного угла. Особенности планировки этот город напоминает города-крепости VIII—IX вв., сооруженные уйгурами в Туве. Не исключено, что древние хакасы, чтобы обезопасить свои южные границы, построили опорный пункт, использовав взятых в плен уйгурских строителей.

Уникальным памятником является пограничная стена (длиной 259 м), запиравшая Саянское ущелье, сквозь которое Енисей прорывается из Тувы в Хакасию. Она находится между двух скал в 1 км к югу от устья реки Голубой, в створе 800 м шириной, из которых 500 м занимает русло реки. Борты из камня залиты глиняным раствором, а сверху, очевидно, находился палисад и деревянные башни с жилыми помещениями для сторожевого гарнизона.

В сложную систему пограничных укреплений VIII в. входят и сооруженные древними хакасами крепости с каменными стенами в Западном Саяне на вершине Бюргорак, по Хантегирскому хребту и в верховьях реки Тебе. В ходе борьбы с уйгурами в 20—30-х годах IX в. по мере захвата хакасами сначала Западной, а затем и Центральной Тувы сооружались каменные стены на реках Алаш, Манчурек, Ишкин, по левому берегу Улуг-Хема от устья Хемчика до Барыка и к Усть-Элегесту, где на горе был сооружен небольшой каменный бастион.

В XI—XII вв., в эпоху феодальной раздробленности, по всей Хакасии сооружались горные крепости-убежища, укрепленные каменными стенами, иногда с квадратными бастионами или деревянными башнями. Стены их, сложенные из каменных плит, достигали 2 м в ширину и сохранились до 2 м в высоту. Снаружи они обнесены рвами. Оборонный бой, видимо, лежал в основе военной тактики средневековых хакасов.

В XIII—XIV вв., по данным Рашид-ад-дина, «в этих областях (Киргиз и Кэм-Кэмджиут. — Л. К.) много городов и селений...», а в районе впадения Ангары в Енисей находился наиболее северный город Кикас, который «...принадлежит к области киргизов»¹⁸. Изучение духов-

¹⁸ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.—Л., 1952, т. I, кн. I, с. 102, 150.

ного и культурного воздействия древнехакасских городов на население, так же как и выявление результатов их экономического воздействия на округу, еще только начинается.

По религии древние хакасы были шаманистами. Но к середине IX в. часть знати под влиянием уйгуров приняла манихейство. Об этом свидетельствует, например, текст найденной на территории Монголии надписи судьи Бойла, о которой говорилось выше. В ней упоминается наставник судьи, для обозначения которого употреблен не тюркский, а сирийский термин «мар»¹⁹. Так называли своих проповедников и вероучителей последователи манихейской религии, из чего следует, что этот хакасский вельможа исповедовал манихейство²⁰. К середине X в. относятся сведения арабского географа Абу Дулафа, который, очевидно, побывал в храмовом городе. Его сообщение о религии хакасов также подтверждает их приверженность к манихейству. Вот что он пишет: «Есть у них храм для богомоления и тростник, которым пишут. Народ рассудительный и осмотрительный. Зажегши светильник не гасят его, пока не погаснет сам собою. В молитвах употребляют особую, мерную речь... В год имеют три праздника. Знамена их зеленого цвета. Молясь обращаются к югу. Поклоняются планетам Сатурну и Венере, а Марса считают дурным предзнаменованием»²¹.

Наличие храма, священного огня, горевшего во время ночных молений, особой «мерной» речи, обращение во время молитвы к югу — все это говорит о манихействе, а не о какой-либо другой религии²². Важно указать, что хакасы «поклоняются планетам», так как именно манихейству был присущ астральный культ семи планет — божеств, которые предводительствовали днями недели. Очевидно, к манихейскому культу относится случайно найденный железный алтарь с четырьмя чашечками-светильниками, портативный и разборный, удобный

---

¹⁹ См.: Малов С. Е. Указ. соч., с. 84.

²⁰ Этот совершенно правильный вывод сделал исследователь надписи Г. И. Рамстедт (см.: *Ramstedt G. J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei.* Helsingfors, 1913, S. 9).

²¹ Григорьев В. Об арабском путешественнике Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии, с. 34.

²² Буддисты во время молений в храмах обращались лицом на запад или север, а христиане-несториане — на восток.

для перевозок, хранящийся в Минусинском музее²³. Таким образом, нет сомнения в том, что манихейство в древнехакасском государстве было распространено в период от середины VIII до конца X в.

Однако манихейство не пустило глубоких корней среди населения Саяно-Алтайского нагорья. Преобладающая часть простых людей по-прежнему оставалась верной шаманизму, и постепенно (уже, видимо, к началу XI в.) манихейские проповедники в бассейне Енисея уступают свое место шаманам.

Такой вывод можно сделать на основании анализа последующих источников, и в первую очередь труда персидского географа Гардизи «Украшение известий». Эта книга была написана в середине XI в. Вот как в отличие от писавшего около века назад Абу Дулафа описывает Гардизи верования хакасов: «Некоторые из них поклоняются корове, другие — ветру, третьи — ежу, четвертые — сороке, пятые — соколу, шестые — красивым деревьям. Среди них есть люди, которых называют фагинунами; каждый год они приходят в определенный день, приводят всех музыкантов и готовят все для веселого пира. Когда музыканты начинают играть, фагинун лишается сознания; после этого его спрашивают обо всем, что произойдет в том году: о нужде и изобилии, о дожде и засухе, о страхе и безопасности, о нашествии врагов. Все он предсказывает, и большей частью бывает так, как он сказал»²⁴. Из этого сообщения следует, что хакасы, по-видимому, уже в начале XI в. в основном вновь имели шаманов-прорицателей, поклонялись силам природы, что находит выражение в культе орла и культе дерева, которые широко были распространены у народов Сибири еще в недавнем прошлом.

Данные Гардизи подтверждаются арабским автором начала XII в. Тахиром Марвази, который пишет о хакасских шаманах-фагинунах и об их предсказаниях²⁵. С ними согласуются и данные Синь Таншу (XI в.): «Жертву духам приносят в поле. Для жертвоприноше-

---

²³ См.: Цыганков С. Р. Описание некоторых уникал археологической коллекции Минусинского музея. — Ежегодник Гос. музея имени Н. М. Мартыанова. Минусинск, 1926, т. VI, вып. I, с. 89—90; ср.: Tallgren A. M. Portable Altars. — ESA, XI, 1937, fig. 1.

²⁴ Бартольд В. В. Сочинения, т. VIII, с. 48.

²⁵ См.: Minorsky V. Sharaf al-Zamam Tahir Marvasi on China, the Turks and India. London, 1942, p. 30.

ний нет определенного времени. Шаманов называют гань (хам)... При похоронах не царапают лиц, только обвертывают тело покойника в три ряда и плачут; а потом сжигают его, собранные же кости чрез год погребают. После сего в известные времена производят плач (т. е. совершают поминки. — *Л. К.*)»²⁶.

В Тайпинхуаньюйцзи уточняется: «Если [кто] умрет, то только трижды всплакнут в голос, не режут лица, сжигают покойника и берут его кости; когда пройдет год, тогда делают могильный холм». Источники еще сообщают, что гадание производят по бараньей лопатке.

Из других явлений, характеризующих культуру древних хакасов, необходимо отметить наличие самобытного календаря, основанного на двенадцатилетнем животном цикле: «Жители, говоря о начале года, называют (его) «мао-ши» (ср. хакасское «наа чыл» — «новый год». — *Л. К.*), говоря о месяце называют (его) «ай». Каждые три «ай» составляют один сезон, чтобы различать весну, лето, осень и зиму. С помощью двенадцати животных считают годы; например, если год находится под циклическим знаком «цзы», то его называют годом мыши; если под знаком «сюй», то называют годом собаки. Это (у них) одинаково с уйгурами». «Год в знаке «инь» называют годом тигра»²⁷. Этот двенадцатилетний календарь сохранился и у современных хакасов²⁸.

Сообщается также о самобытных музыкальных инструментах и о наличии цирковых зрелищ: «Из музыкальных инструментов имеют барабан, флейты, свирели, дудки, плоские колокольцы. На больших собраниях бывают еще игры: бег верблюдов, львы, конские упражнения и пр.» О том же говорится в другом источнике: «Из музыкальных орудий имеют флейту, бубен и два неизвестных. Из зрелищ употребительны: верблюд и лев обученные, волтижирование на лошадях и балансирование по веревке»²⁹.

²⁶ *Бичурин Н. Я.* Указ. соч., т. I, с. 353.

²⁷ *Кюннер Н. В.* Указ. соч., с. 58; ср.: *Бичурин Н. Я.* Указ. соч., т. I, с. 351. По Ван Го-вэю: «...отмечают годы при помощи [названий] двенадцати существ. Если, например, год приходится на инь, то называют [его] годом барса» (пер. Н. П. Мункуева). См.: *Захарова И. В.* Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии. — ТИИАЭ. Алма-Ата, 1960. 8.

²⁸ См.: *Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И.* Хакасско-русский словарь. М., 1953. с. 484.

²⁹ *Кюннер Н. В.* Указ. соч., с. 59; *Бичурин Н. Я.* Указ. соч., т. I, с. 353.

Отметим также, что для переправы через Енисей (Гянь-хэ, т. е. река Кем) имелись паромы из спаренных судов, т. е. барок³⁰.

Для населения древнехакасского государства характерно знакомство с культурой Запада и Востока. Этому способствовали широкие культурные, торговые и посольские связи. Хакасы ездили в Западную Сибирь, Среднюю Азию, Восточный Туркестан, Тибет, Китай, киданьское государство Ляо. Расширились и брачные связи знати. Например, известно, что в 20-х годах IX в. каган хакасов был женат на дочери карлукского ябгу, а мать его была тюргешка³¹.

Из Европы, Средней Азии, Восточного Туркестана, Тибета, Китая и Ляо на Енисей приезжали не только послы и купцы, с караванами прибывали также путешественники, как, например, известные арабоязычные ученые: географ Абу Дулаф (середина X в.) и лингвист-тюрколог Махмуд Кашгарский (XI в.), описавшие страну и языки местного населения. Махмуд Кашгарский писал: «Я несколько лет объезжал города, зимовки и летовки тюрков, туркмен, огузов, чигилей, ягмо и киргизов, собирая их слова, изучал и выяснял различные свойства их слов». Вот что он сообщал о языке киргизов: «Затем киргизы, кипчаки, огузы, тухси, ягма, чигили, играки, джаруки. У них единый, чистый тюркский язык»³².

Слава о древнехакасском государстве в эпоху его расцвета была распространена очень широко. Представления о его организации, мощи, культуре, общественном устройстве были даже идеализированы некоторыми крупнейшими деятелями культуры средневекового Востока. Так, великий азербайджанский поэт Низами Гянджеви, живший в XII в., в своей известной поэме «Искендер-

---

³⁰ См.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 354; Кюнер Н. В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов). — Записки Хак. НИИЯЛИ. Абакан, 1951, вып. 2, с. 9; Кызласов Л. Р. Паромные переправы в средневековой Хакасии. (Из истории средств передвижения). — Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980.

³¹ См.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 355.

³² Ибрагимов С. К., Храковский В. С. Махмуд Кашгарский о расселении племен на территории Казахстана в X веке — Вестник АН Казах. ССР. 1958, № 11, с. 98; Хасанов Х. Х. Ценный источник по топонимике Средней и Центральной Азии. — В сб.: Топонимика Востока. М., 1962, с. 31.

намэ» описал благословенную «страну Хирхиз» в верховьях Енисея, придав ей черты утопического государства всеобщего благоденствия, равенства, братства и счастья³³.

С 840 по 1293 г. все обитавшие на Саяно-Алтайском нагорье народы (тюркоязычные, самодийские, угро- и кетоязычные) входили в одно феодальное государство, во главе которого стояла тюркоязычная группа древних хакасов. Высокий уровень хозяйственной жизни и расцвет культуры, падающие на этот период, естественно, не могут связываться только с хакасами. Это было достоянием всех этнических групп, обитавших в то время в Саяно-Алтайском нагорье. Лишь творческими усилиями всех этих групп накоплены культурные ценности. Этнические группы, входившие в это государство, явились предками современных хакасов, тувинцев, алтайцев, тофаларов и шорцев. Многие факты, указывающие на связи современных народов Саяно-Алтая в области языка, культуры, истории, в их происхождении, восходят главным образом к этому времени.

За 453 года мирного сосуществования в одном государстве, естественно, некоторые этнические группы или части их передвигались из одного района Саяно-Алтайского нагорья в другой, что приводило к их смешению. Именно перемещением населения и объясняется тот факт, что в составе современных тувинцев, хакасов, алтайцев и тофаларов имеется значительное количество одноименных подразделений, этнических групп или так называемых сеоков («костей»). Так появились общие сеоки современных хакасов и тувинцев: кыргыз, сарыг, хаас (хаазут), саин (соян), иргит, туба, чода (чооду), тиилек-сагай (телек) и др.; алтайцев и тувинцев: кыргыз, куу (кулар), телес (тюлюш), телек, иргит, соян, чооду, сарыг, тумат и т. д.; хакасов и алтайцев: кыргыз, пюрют (прут), иргит (иркит), саин (соян), аары (аара), юс-сагай (юсь); хакасов и шорцев: харга, хобый, аба, читы пююр (четтибер), сор (шор); хакасов и тофаларов: хаас (хааш, хара и сары хааш), чода (чогды); тувинцев и тофаларов: чооду (чогды), хаазут (хааш); хакасов и дархатов Прикосоголья: хыргыз (хиргис), хаас (хаасут), чода (зоот, чжота), саин (соен), иргит (эр-

³³ См.: Шагинян М. «Утопия» Низами. — ИАН, отдел литературы и языка. М., 1947, т. VI, № 4; Кызласов Л. Р. Низами о древнехакасском государстве. — СА, 1968, № 4.

хит); хакасов и окинских бурят (сойотов): иргит и хаас; хакасов и башкир: кыргыз, кахас, табын, сарылар; хакасов и якутов: кыргыз.

Как видим, кыргызы и хаасы (хакасы) остались в какой-то части на территории Тувы, Алтая, Прикосоголья, Восточного Саяна, а также среди башкир, где постепенно стали местными и по языку, и по культуре, но сохранили свое древнее самоназвание. С периодом IX—XIII вв. связана в своем происхождении, очевидно, та многочисленная группа алтайцев-кыргызов и тувинцев-кыргызов, которая и теперь проживает в центральных районах Алтая и Тувы, на протяжении многих веков занимавшая в политическом отношении главенствующее положение среди других алтайских и тувинских родоплеменных групп³⁴.

Период вхождения Саяно-Алтайского нагорья в состав древнехакасского государства оставил, таким образом, глубокий след в истории его населения. Древнехакасский период важен тем, что именно тогда возникли глубокие родственные, культурные и дружественные связи между предками современных народов, населяющих Южную Сибирь. Из древнехакасского государства произошли предки тюркоязычных народов Южной Сибири: алтайцев, тувинцев, тофаларов, шорцев и хакасов. Различия в языках, в этнических и культурно-бытовых особенностях этих народов сложились в более поздних исторических условиях XV—XVIII вв., т. е. в тот период, когда действовали факторы, разобщающие и даже изолирующие отдельные этнические группы друг от друга.

* * *

Население Саяно-Алтайского нагорья в XIII—XV вв. стало еще более пестрым по своему национальному составу и религиозной принадлежности в связи с проникновением сюда монголов-буддистов, их пленных поселенцев и мусульманских купцов. Понятно, что и культура этого населения слагалась из многих элементов, среди которых основными были культура горожан и оседлых поселенцев и культура местных тюркоязычных и немногочисленных монголоязычных полукочевников.

Вместе с поселенцами и монголами в городах и селах на Енисее жили оседло и занимались ремеслом и зем-

³⁴ См.: Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. М.—Л., 1934, с. 73.

леделнем потомки местного уйгурского и древнехакасского населения.

Тюркоязычные полукочевники, оттесненные на не пригодные для земледелия горные пастбища, занимались отгонным скотоводством, переходя с летников на постоянные зимники, жили аалами в юртах и деревянных постройках, дополнительно промышляли охотой и собирательством. Они вели обмен с жителями городов, выменивая на продукты скотоводческого хозяйства хлеб и ремесленные изделия³⁵.

В областях Киргиз и Кэм-Кэмджнут в XIII в. (а фактически вплоть до XVII в.) политическое господство принадлежало феодалам из рода кыргызов. Монголы в ту пору вкладывали в термин «кыргызы» политическое или территориальное, а не этническое содержание. По Юань-ши, это народ смешанного происхождения, что видно из легенды о браке 40 девушек земли Хань с мужчинами Усы. Там же описывается территория Хакасско-Минусинской котловины, которая отстоит от Дайду (Пекина) на 10 000 ли³⁶.

Что касается населения Хакасско-Минусинской котловины в XIII—XIV вв., то описание его внешних особенностей в «Истории монгольской династии Юань» отсутствует. Однако имеется сообщение арабского географа начала XIV в. ал-Омари, который, со слов купцов-очевидцев, сообщает о живущих «в землях Сибирских и Чулыманских» людях: «Нет... красивее их телом и лучше их по белизне. Фигуры их совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести; глаза у них голубые». Эти сведения о красивых блондинах в Сибири, вероятно, относятся не только к жителям долины Чулыма, т. е. Северной Хакасии. Письменные тибетские источники этого времени, имея в виду, очевидно, в первую очередь древнехакасских феодалов, пишут об европеоидах в Туве в эпоху правления императора Хубилая: «Народ Кинча, или по-монгольски Кем-Кемче, страна которого лежит на северо-запад за Торгутом... Люди этой земли, по большей части владели богатства-

---

³⁵ См.: *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века, с. 140—163.

³⁶ См.: *Кычанов Е. И.* Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке. — ИАН Кирг. ССР, серия обществ. наук. Фрунзе, 1963, т. V, вып. I, с. 59 (здесь ошибочно 200 тыс. ли); ср.: *Кюннер Н. В.* Указ. соч., с. 283.

ми. Именно многие из них были владельцами десяти тысяч прекрасных лошадей. Они имели голубые глаза и рыжие волосы, были безобразны по виду (с точки зрения тибетцев. — Л. К.) и постоянно навешивали на себя оружие различного рода»³⁷. Монголизация населения, таким образом, даже в Туве относится к более позднему времени — к XIV—XVI вв.

Далее в Юань ши говорится: «Обычаи цзилицзисы отличаются от обычаев всех других владений. Их язык похож на язык уйгур. Живут цзилицзисы в хижинах и юртах. Занимаются скотоводством и кочуют в зависимости от наличия воды и пастбищ. Имеют значительные сведения об обработке земли. Как выпадает снег, верхом на деревянных конях (т. е. лыжах. — Л. К.) выезжают на охоту. В их землях есть породистые лошади, а также белые и черные охотничьи соколы». В других редакциях этого места указывается: «Страна разводит прославленных лошадей: белых, черных, зеленых, как море», — а в одном источнике особо говорится о «пашенных землях цзилицзисы в Кянь-кяньчжоу», т. е. в Туве³⁸.

Из этих данных видно, что в XIII—XIV вв., не считая горожан, часть хакасов-крестьян была оседлой, жила в хижинах (очевидно, деревянных избах, крытых корой лиственницы или берестой) и занималась земледелием. Другая часть занималась скотоводством со специализацией на выведении особых пород прославленных лошадей. Коневодство было традиционным и преобладающим. Часть населения с наступлением зимы охотилась на лыжах в тайге за пушным зверем, причем на летней охоте употреблялись специально выращиваемые охотничьи соколы, которые, как мы видели, вместе с лошадьми шли на приношения в виде дани и на продажу.

Об использовании лыж в областях «кори, киргиз, урасут, теленгут и тумат» сообщает и Рашид-ад-дин, который описывает охоту на лыжах с пешими нартами для перевозки добычи и даже приводит их тюркское название — «чанэ»³⁹ (ср. хакасское «сана» — лыжи, тувин-

³⁷ Huth G. Geschichte des Buddhismus in der Mongolei. 2. Teil. Strassburg, 1896, S. 33.

³⁸ Кычанов Е. И. Указ. соч., с. 59—60; Кюннер Н. В. Указ. соч., с. 283—284.

³⁹ См.: Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. I, с. 124.

ское «шанак» — сани, и шорские: «шана», — лыжи, и «шанак» — охотничьи парты). Добавлю, что в записках одного монгольского посла середины XIII в. указывается, что, по слухам, кыргызы на Енисее ездят по снегу на саях, запрягая в них собак вместо лошадей⁴⁰. Это известие, возможно, относится к северным районам бывшего древнехакасского государства.

О том, что хакасский род кыргыз занимал руководящее политическое положение среди местного населения и после монгольского завоевания, говорят данные Юаньши о том, что «ангарцы (т. е. племена, проживающие по берегам реки Ангары. — Л. К.) получили свое имя от этой реки и находятся в вассальной зависимости от цзилицзисы»; что кыргызы на Енисее владели «всем народом пяти их областей» (т. е. Киргиз, Усы, Ханьхэна, Кяньчжоу и Иланьчжоу). Наконец, об этом же говорит и наличие у кыргызов кыштымов, т. е. феодально-зависимых племен, чаще всего инородного происхождения, обитавших в горной тайге.

Что касается группы ханхас (кангкас)⁴¹, название которой в «Шен-у цинь-чжэн лу» воспроизведено как ханьхас (т. е. через тюркский носовой звук «нг»; ср. здесь же «теляньу» — от теленгут)⁴², то без сомнения мы имеем здесь дело с одной из древнехакасских племенных групп, однако не с аристократическим родом кыргыз и не с племенной группой сагай, название которой в форме сахаит или сакант (в оформлении монгольского множественного числа от сахай-сагай) уже имеется как в «Тайной истории монголов», так и «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина⁴³.

Здесь, очевидно, речь идет о «тележных хакасах» (которых в XVIII в. называли кангатами), ибо ханг(а)-хас есть современное хакасское ханъаахаас от ханъааканга (ср. у Махмуда Кашгарского «кигли» и у Рашид-ад-дина «Повозку по-тюркски называют «каналы»⁴⁴ —

---

⁴⁰ См.: Кюнгер Н. В. Китайские историки-летописцы о хакасах. — Зап. ХНИИЯЛИ. Абакан, 1954, вып. 3, с. 137.

⁴¹ См.: Козин С. А. Сокровенное сказание, § 239; см.: Poucha P. Op. cit., S. 67.

⁴² См.: Палладий (Кафаров). Старинное китайское сказание о Чингис-хане, с. 191.

⁴³ См.: Козин С. А. Сокровенное сказание, § 122; Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. 1, с. 213; кн. 2, с. 297.

⁴⁴ См.: Хакасско-русский словарь, с. 272. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. — ТИИАЭ. Алма-

телега, и «хаас» — стяженная форма от древнего хакас). Именно так (хаас) называют себя качинцы — крупнейшая группа современных хакасов, из диалекта которых взято в литературный язык слово «ханъаа» (телега). Вероятно, здесь под «тележными хаас'ами» понимались степные качинцы в отличие от тасжных хаасов, ибо в тайге на телеге не проедешь. Вообще хаасы (качинцы), как и сагайцы, в ту пору уже сложились в определенные этнические группы. Напомню, что в Юань ши упоминается уже их основная родовая группа — хасха.

Вслед за карательными экспедициями в Туве начали оседать монгольские чиновники и охранные гарнизоны, а также военные поселенцы. В Юань ши говорится, что в округе Кяньчжоу, т. е. на Улуг-Хеме, «живет несколько тысяч семей, главным образом монголов и уйгур».

Как это было и в других странах, завоеванных монголами в XIII—XIV вв., попавшие в Туву и на Алтай монголоязычные группы постепенно восприняли не только многие формы культуры местных племен, но и язык. Они приняли активное участие в этногенезе тувинцев и алтайцев, восприняв тюркскую речь и забыв те древнемонгольские диалекты, на которых некогда говорили их предки. Период XIII—XV вв. в истории Южной Сибири имеет важное значение. Именно тогда была заложена основа для возникновения современного племенного состава и физического типа тувинцев и горноалтайцев.

Завоевания древнемонгольских феодалов оборвали закономерное поступательное развитие исторического процесса среди племен, населявших Саяно-Алтайское нагорье. Они разрушили их самобытную государственную организацию, прервали процесс консолидации отдельных племен в единую народность, привели к разрушению производительных сил и массовому истреблению местного населения. Физическое уничтожение больших масс населения, высылка «бунтовщиков» в чужие земли — все это губительно сказалось на высокой культуре государства средневековых хакасов. Была разрушена созданная многовековым трудом система оросительных каналов (особенно на территории Хакаско-Минусинской котловины), в связи с чем значительно сократилось земледе-

---

Ата, 1960, т. 8, с. 70; Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. I, кн. 1, с. 84. См.: Борголкин М. И. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981, с. 64.

дне. Упало самобытное художественное ремесло и производство металлических изделий. Было потеряно и высшее достижение местной культуры — енисейская письменность. Имея в виду засушливые страны Востока, Ф. Энгельс справедливо указывал: «Плодородие земли достигалось искусственным способом, и оно немедленно исчезало, когда оросительная система приходила в упадок.»⁴⁵

После падения империи монголов население Саяно-Алтайского нагорья было сильно ослаблено и истощено, переживало глубокий экономический и культурный упадок, исторические связи между отдельными районами, а также внешние культурные взаимоотношения оказались разорванными. Таким образом, было остановлено не только поступательное движение вперед, но саяно-алтайские этнические группы были раздроблены и отброшены в своем развитии назад по сравнению с культурным уровнем государства средневековых хакасов. В XV в. на Саяно-Алтайском нагорье жило сравнительно малочисленное население, составлявшее разрозненные мелкие феодальные улусы.

2. Запад и Восток. Общекультурная ориентация древнехакасского государства

Анализ собранных в книге источников приводит к выводу, что в Южной Сибири в средневековый период развивался очаг самобытной цивилизации городского типа. По своим историко-культурным особенностям он являлся наиболее северным ответвлением западноазиатского мира, во многом отличным от специфичного восточноазиатского культурного ареала. Эта только теперь со всей очевидностью выявившаяся палеоэтнографическая и культурная ориентация древнехакасского государства на Запад находит существенное подтверждение в открытых в последние годы новых археологических источниках. Наиболее доказательными являются результаты исследования раннесредневековой системы земледелия, основанной на разветвленной сети искусственного орошения, а также открытие городов VIII—XII вв. с памятниками монументальной архитектуры и градостроительства, с массивными сырцовыми стенами, а не с кар-

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 221.

касными зданиями, присущими дальневосточному зодчеству. Существенно, что архитекторы древнехакасских городов, несмотря на изобилие в ближайшем окружении лесов и южносибирской тайги, использовали в качестве основного строительного материала сырцовый кирпич и глинобитные блоки, которые своими размерами и приемами изготовления целиком совпадают со среднеазиатскими. Близки к среднеазиатским и обнаруженные в Уйбатском городе горны для обжига глиняной посуды с характерными терракотовыми штырями для подвешивания горшков.

Показателен также факт распространения в Южной Сибири в VIII—X вв. привнесенного с Запада манихейского вероучения. Как известно, манихейство, одна из великих мировых религий, зародилось в Двуречье, окрепло в Иране, а затем через Среднюю и Центральную Азию проникло в Южную Сибирь.

Наличие контактных культурных и торговых связей древнехакасского государства с Ираном через Среднюю Азию и с Восточной Европой сначала через Хазарию, а позже через посредство Волжско-Болгарского царства прослежено не только в материальной культуре, но и в местном южносибирском прикладном искусстве, особенно в орнаментальной системе.

Показателем принадлежности общества к западному культурному ареалу является собственная руноподобная енисейская письменность, распространенная в VII—XIII вв. в Южной Сибири. Эта восточная алфавитная письменная система западного культурного мира резко отлична от иероглифической системы письменности стран Восточной Азии. Еще в 20-х годах В. В. Бартольд справедливо отметил: «До последнего времени существовало мнение, будто мир дальневосточной культуры почти не подвергался западному влиянию, что Монголия (т. е. Центральная Азия. — Л. К.) и жившие в ней народы подвергались только влиянию китайской культуры... Наиболее веский довод против этого мнения — существование как у турок (тюрков. — Л. К.) в VIII в., так и у монголов в XIII в. алфавитов переднеазиатского происхождения»⁴⁶. В Южной Сибири, как выяснилось, люди около шестисот лет пользовались самобытной буквенной письменностью. При этом писали не тушью, как

---

⁴⁶ Бартольд В. В. Соч. М., 1968, т. V, с. 24—25.

в средневековых государствах Китая, Кореи, Маньчжурии, Приморья и Японии, а чернилами, и не кисточкой, а тростниковым пером.

Таким образом, древнехакасское государство было крайним северо-восточным оплотом городской цивилизации западного тина.

Имеется значительное количество фактов, свидетельствующих, что исторические судьбы населения Южной Сибири в средние века были тесно связаны с племенами и народностями Поволжья, Урала, Западной Сибири, Средней и Центральной Азии, а не с Китаем, в сферу политического и культурного влияния которого Южная Сибирь тогда не входила.

Западная культурная ориентация древнехакасского государства осуществлялась через родственную среду тюркоязычных народностей, проживавших на современных территориях Поволжья, Южного Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. На Запад в основном и политически ориентировались местные правители Южной Сибири. Недаром в начале IX в. могущественный каган средневековых хакасов, разгромивший Уйгурский каганат и присоединивший к своим владениям огромные просторы центральноазиатских степей, был женат на дочери карлукского правителя — «ябгу», а мать его, вдовствующая государыня, происходила из царствующего рода семиреченских тюргешей. И тюргеша, и карлуки были, как известно, тюркоязычными народами, происходившими с Алтая, но создавшими свои государства в VIII—X вв. на восточных землях современной Средней Азии с центром в Семиречье⁴⁷.

Как и другие народы Западной Азии, древние хакасы старались поддерживать торговые и культурные связи со многими странами Дальнего Востока, в том числе и со средневековыми государствами, находившимися на территории современного Китая (Бохай, государство киданей Ляо, Тибет, уйгурское Турфанское княжество и собственно Срединное государство).

Наиболее активными распространителями на Дальний Восток и в Восточную Азию духовной и материальной культуры западного мира с глубокой древности являлись степные племена и народности. Это проявилось

---

⁴⁷ См.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 355; Бартольд В. В. Соч. т. II, ч. I, с. 33—49, 487.

уже в эпоху бронзового века, когда сложился «Великий нефритовый путь», связавший Восточную Европу (Поволжье и Прикамье — сейминско-турбинская культура) через Западную, Южную и Восточную Сибирь с районами Центральной Азии и Китая.

Но особенно отчетливо общность степных племен и воздействие их культуры на восток проявились в скифо-динлинскую эпоху в I тыс. до н. э.⁴⁸ Археологические находки подтверждают сильнейшее воздействие степных культур западного «карасукского» и особенно «тагарского» облика не только на те области Северного Китая, которые прилегают к степной зоне, но и на равнины Маньчжурии вплоть до Приамурья и Прикамья. Карасукские бронзы проникали даже на Японские острова⁴⁹. Именно в эту эпоху мелкие государства раздробленного Китая стали отгораживаться от напора степных соседей длинными стенами. Эти стены были соединены в единую Великую стену в конце III в. до н. э., когда в Центральной Азии расцвело сильное гуннское государство. Но, как известно, Великая стена не помогла, и на Центральную равнину переселяется масса различных западных племен и этнических групп, которые в IV и V вв. создают свои государства на территории Северного Китая и оказывают значительное влияние на его культуру.

В то же время через Восточный Туркестан продолжал действовать торговый Великий «шелковый» путь, который зародился еще во II—I вв. до н. э., впервые связав Ханьскую империю с далекой Римской империей. В начале нашей эры основными торговыми посредниками, способствовавшими проникновению влияния западной культуры в страны Восточной Азии, были издревле обитавшие в Восточном Туркестане (Синьцзян) ираноязычные саки и тохары. В III—VI вв. по всему торговому пути из Средней Азии в Китай расселяются ирано-

⁴⁸ См.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — МИА. М.—Л., 1949, № 9, с. 176.

⁴⁹ См.: Кожин П. М. Об иньских и чжоусских бронзовых ритуальных котлах. — Девятая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1978, ч. I; Толмачев В. Я. Следы скифо-сибирской культуры в Маньчжурии. — Вестник Маньчжурии. Харбин, 1929, № 6; Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 111—115; Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы. М., 1978, с. 184—185; Чан Сю Бү. Поздний дзёмон Хоккайдо. — АКД. Новосибирск, 1977, с. 21.

язычные согдийцы, взявшие в свои руки почти всю торговлю с Западом. Предприимчивые согдийские купцы основали много городов и факторий в Семиречье, Восточном Туркестане, в Хами, Дуньхуане, Ордосе и в Центральном Китае. По этому пути в Китай проникали не только материальные, но и духовные ценности с Запада и Юга, например: индийские буддийские каноны и сутры, сирийское несторианство, а также манихейское вероучение и т. п.⁵⁰

Существовавшие в VI—IX вв. на просторах центральноазиатских степей государства тюркоязычных этнических групп — Тюркский и Уйгурский каганаты — постоянно вмешивались во внутренние дела Китая и других дальневосточных государств. Многие тюркоязычные группы расселились не только в районе Великой стены, но и по Северному Китаю, воздействуя на китайское население. Влияние культур тюркоязычных степных народов VI—X вв. прослеживается даже в глухих лесных областях Дальнего Востока вплоть до бассейна Амура и побережья Тихого океана⁵¹.

Несмотря на постоянное взаимодействие древних китайцев с представителями западного культурного ареала, в официозной конфуцианской концепции, сформировавшейся еще в эпоху Хань, все человечество делилось на жителей Поднебесной (Срединной) империи и «варваров». При этом считалось, что «варвары только лишь внешне похожи на людей, но в сущности они таковыми не являются». Рекомендовалось «варваров» относить к миру птиц и зверей. Появилась формула: «У «варваров» — лицо человека, но сердце дикого зверя». Эта конфуцианская «мудрость» проистекает из восходящей к се-

---

⁵⁰ См.: *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979, с. 25—36, 86—109; *Ставиский Б. Я.* О международных связях Средней Азии в V — середине VIII в. — *Проблемы востоковедения*, 1960, № 5; *Рифтин Б. Л.* Из истории культурных связей Средней Азии и Китая (II в. до н. э. — VIII в. н. э.). — Там же: *Очерки истории Китая* / Под ред. Шан Юэ. М., 1959.

⁵¹ См.: *Деревяко Е. И.* К вопросу о древних связях племен Дальнего Востока с кочевниками Центральной Азии во второй половине I тыс. н. э. — ИЛАИ КГПИ, 5. Кемерово, 1974; *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968, с. 98, 109, 114; *Андреева Ж. В.* Приморье в эпоху первобытно-общинного строя. Железный век. М., 1977, с. 158—160; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Osttürken (T'uküe). Wiesbaden, 1958, S. 392—472.

редине I тыс. до н. э. другой древнекитайской формулы: «Варвары — это шакалы и волки, им нельзя идти па уступки».

Из идеи избранной, единственной, «подлинно человеческой» китайской расы исходили в своей внешней политике все правители государств и империй Китая как в рабовладельческую, так и в феодальную эпоху. Они старались держать под своей властью «варваров» не растрачивая труда и сил. Еще во время борьбы с гуннами четко формируется официальный принцип, что Среднему государству выгодно «с помощью варваров уничтожить варваров»⁵².

Те же методы под девизом: «Руками варваров — давить варваров» — придворные политики танского сунского государств широко применяли в своей борьбе со сменявшими друг друга государствами-каганатами тюркоязычных народностей в Центральной Азии: Тюркским (VI—VIII вв.), Уйгурским (VIII—IX вв.) и древнехакасским (IX—XIII вв.).

Многие примеры коварства феодальных правителей Китая непосредственно касаются населения Южной Сибири в нелегкий период его средневековой истории⁵³. Следует подчеркнуть, что все усилия китайских правителей подчинить древних хакасов целям и задачам своей дипломатии не имели успеха. Древнехакасские каганы вели самостоятельную политику. Они поддерживали и торговые связи с Танской и Сунской империями исходя из собственных классовых интересов.

Традиционная политика угнетения и уничтожения «варваров», проводимая древнекитайскими рабовладельцами и феодалами, отталкивала от Китая окружавшие его с севера и запада иноязычные народы, направляла их на путь вооруженной борьбы при решении спорных вопросов и препятствовала установлению мирных доб-

---

⁵² Думан Л. И. Внешнеполитические связи Китая с соседями в I—III вв. — В сб.: «Китай и соседи». М., 1970; Кроль Ю. Л. О концепции «Китай — варвары». — В сб.: Китай: общество и государство. М., 1973.

⁵³ См.: Малявкин А. Г. Тактика танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии. — В сб.: Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980; Супруненко Г. П. Из истории взаимоотношений танской империи с енисейскими киргизами. — В сб.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975; Тихвинский С. Л. История Китая и современность. М., 1976, с. 20—21.

рососедских отношений. Все большее значение приобретали для них связи и контакты с Западом. Постепенно нарастала искусственная изоляция Китая и китайской культуры.

Академик Н. И. Конрад совершенно справедливо различал наряду с китайским «историческим кругом земель» центральноазиатский очаг исторической активности народов, зародившийся в эпоху сложения гуннской державы. «Этому новому центру, — писал он, — предстояло сыграть роль звена, связующего восточноазиатский центр мировой истории со среднеазиатским»⁵⁴. Как свидетельствуют материалы нашей книги, в Южной Сибири существовал еще один важный центр исторической активности народов. Это был саяно-алтайский очаг цивилизации и культуры, включившийся в общую историческую жизнь человечества еще в первые века до новой эры, когда на Енисее впервые сложилась ранняя государственность. Полный расцвет очага произошел в средневековый период.

В настоящее время при всех исторических построениях нельзя не учитывать этого недавно открытого исторического центра, являвшегося срединным звеном сходящихся к нему множественных связей между цивилизациями и культурами Запада и Востока. Оказавшись самым северным центром исторической активности народов, саяно-алтайский очаг был издревле тесно связан как с южными степными скотоводами, так и с северными лесостепными таежными и тундровыми племенами. Он распространял многие достижения общечеловеческой культуры, технические изобретения и открытия далеко на север Сибири, вплоть до побережья Ледовитого океана. В этом заключается одна из важнейших исторических заслуг саяно-алтайского очага перед населением древней Сибири и его потомками.

Бытовавшее в нашей исторической науке в течение длительного времени мнение о том, что государств с цивилизацией городского типа в Сибири никогда не было, что к востоку от Урала обитали лишь лесные охотники и степные кочевники-скотоводы, теперь должно быть изменено, как полностью несостоятельное⁵⁵.

---

⁵⁴ Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972, с. 459—463.

⁵⁵ См.: Окладников А. П. Сибирь — край больших открытий. — Вестник АН СССР, 1981, № 3; его же. Открытие Сибири. М., 1979.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уже на далеком рубеже IV и III вв. до н. э. на территориях Хакасско-Минусинской котловины и прилегающей к ней с севера лесостепной полосы процесс классовообразования привел к сложению первого в истории Сибири самобытного государства динлинов. Оно сложилось на базе достаточно высоко организованной экономики, созданной многочисленными оседлыми земледельческо-скотоводческими племенами так называемой тагарской культуры (VII—III вв. до н. э.). Динлины сочетали высокопродуктивное земледелие и молочное скотоводство, основанные на искусственном орошении пашен и пастбищ, с процветающими отраслями горно-рудного, металлургического и кузнечного производств.

В 201 г. до н. э. Южная Сибирь была завоевана гуннами, включившими эту страну в сферу действия социально-экономических законов своего раннеклассового государства. Произошло изменение этнического состава населения. На страницах истории появляется первая тюркоязычная этническая группа — ранние кыргызы. Строятся кольцевые городки-крепости, обнесенные по кругу земляными стенами и рвами. Впервые столичный город с монументальным многокомнатным дворцом, отделенным глинобитной стеной, сооружается на левом берегу реки Абакан. Стимулируется развитие черной и цветной металлургии и земледелия.

В первой половине I тыс. н. э. продолжается процесс дальнейшего подъема экономики и культуры, процесс обособления черной металлургии и железоделательного производства, отделения ремесла от высокопродуктивного плужного земледелия, основанного на ирригации пашен в засушливых степных угодьях.

Высокий экономический потенциал, военно-административная (десятичная) система организации населения, опирающаяся на территориальные сельские связи, создание постоянной армии и особого иерархического аппа-

рата управления — все это приводит к оформлению в VI в. второго самобытного государства на Енисее — государства древних хакасов.

Несмотря на неблагоприятную внешнеполитическую обстановку, а может быть, и благодаря ей продолжается неуклонное развитие экономического потенциала молодого государства, представлявшего собой в VI—VIII вв. раннефеодальную монархию. Это государство не стало эфемерной степной империей подобно Тюркскому (VI—VIII вв.) или Уйгурскому (VIII—IX вв.) каганатам. Опираясь на прочную базу социально-экономического и культурного развития, оно просуществовало около 800 лет, погибнув под жестокими ударами империи древнемонгольских феодалов в 1293 г.

Длительное прогрессивное развитие енисейского общества предопределило всю сложность социальной структуры государства древних хакасов в VI—VIII вв. Недаром восточные тюрки-тугю, властители просторов Центральной Азии, уже в конце VII в. были вынуждены признать государя древних хакасов каганом, т. е. равнозначным по политическому статусу их собственному кагану-правителю.

В государстве древних хакасов в VIII—IX вв. складываются крупные городские центры. В них сосредотачиваются органы административно-государственного управления, дворцы, дома знати, храмы и святилища, ремесленные, производственные и торговые корпорации, училища и другие объекты социально-культурного характера. Строительство городов, сосредоточение в них ремесел и развитие торговых связей — все это отражает подъем производительных сил в древнехакасском государстве, рост его экономики и культуры. Процесс становления городов и насаждения городской культуры свидетельствует о том, что развитие феодализма в средневековой Южной Сибири шло тем же самым путем, что и процесс сложения феодального общества у большинства народов государств Европы и Азии. И здесь в связи с ростом городов и ремесленного производства разделение труда и развитие обмена между городом и деревней значительно углубились. Растет их противоположность при общих основах феодального натурального хозяйства.

В государстве древних хакасов феодальные отношения окончательно сложились к IX в. Земли, захваченные во время обширных войн второй половины IX в., разда-

вались каганом семьям наиболее отличившихся военачальников — феодалов. Такие феодальные наделы (баги) постепенно стали передаваться по наследству. В XI—XII вв. военно-ленная система постепенно была заменена вотчинно-феодальной собственностью на землю, которая характерна для наступившего в эту пору в Южной Сибири периода феодальной раздробленности.

В жестоком XIII веке первый удар древнемонгольских полчищ пришелся по крайнему северо-восточному форпосту западного культурного мира — по древнехакасскому государству. Его население героически боролось почти 90 лет. В неравной борьбе самобытная цивилизация народностей Южной Сибири была разрушена.

Исторической заслугой древнехакасского государства является не только принятие на себя первого удара, но и героическое воспрепятствование на протяжении нескольких десятков лет распространению улуса Джучи далее на запад — на Восточную Европу, на Русь.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Немецкой идеологии» указывали: «Достаточно простых случайностей, вроде вторжений варварских народов или даже ожогов повенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну до развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать всё сначала»¹. Нашествие войск древнемонгольских феодалов и почти столетняя непрерывная борьба с ними древних хакасов не были обыкновенной войной. Известно, какой изуверской жестокостью отличались расправы этих войск в завоеванных цивилизованных странах. Глубоко справедливы слова К. Маркса, что монгольское иго «не только подавляло, оно унижало и калечило душу народа, ставшего его жертвой»².

Государству народностей Южной Сибири не суждено было возродиться. Потомки его населения, чудом уцелевшие в XVI—XVII вв. под гнетом западномонгольских алтын-ханов и джунгарских владык, были спасены от физического уничтожения благодаря добровольному присоединению к Российскому государству в XVIII—XIX вв.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд, т. 3, с. 54.

² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, с. 221.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКЦ — Автореферат кандидатской диссертации
АО — Археологические открытия
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
БМНИИЯЛИ — Бурято-Монгольский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ВДИ — Вестник древней истории
ВМУ — Вестник Московского университета
ДАН — Доклады Академии наук
Зап. ХНИИЯЛИ — Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
Зап. РАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗРГО — Записки Русского географического общества
ИАИ — Известия Академии наук
ИАИ — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИЛАИ КГУ — Известия Лаборатории археологических исследований Кемеровского государственного университета
КРА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КРА ИМК — Краткие сообщения ИИМК
МАИ — Материалы и исследования по археологии СССР
МИК — Материалы по истории киргизов и Киргизии
МИТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
НАА — Народы Азии и Африки
СА — Советская археология
Сб. ТЭ — Сборник Трудов Орхонской экспедиции Российской Академии наук
СО АН СССР — Сибирское отделение АН СССР
СТ — Советская тюркология
СЭ — Советская этнография
ТВОАО — Труды Восточного отделения Археологического общества
ТИМ — Труды Гос. Исторического музея
ТИЭ — Труды Института этнографии Академии наук СССР
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР
ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
ТТСКОРГО — Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Русского географического общества
УЗ — Ученые записки
Уч. зап. Хак. НИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
JA — Journal asiatique
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society
CAJ — Central Asiatic Journal

25 коп.

187
